

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ДО И ПОСЛЕ БАЛА

Танцы при дворе
в Российской империи

ПРИБРАТЬСЯ В СВОЕЙ СТРАНЕ

С НЕДАВНИХ ПОР ПОВЕЛАСЬ ТРАДИЦИЯ: КАЖДЫЙ ГОД ПОСВЯЩАТЬ определенной сфере нашей жизни. Так, прошлый, 2016 год был Годом кино. До этого были Года культуры, русского языка и т.д. 2017-й объявлен в России Годом экологии. Актуально.

Страна наша, как бы это помягче сказать, страшно замусоренная. Это видят все, кто по ней путешествует. Какие-то свалки около городов и других населенных пунктов и непосредственно в них. Вдоль дорог непременно валяются горы мусора: люди не задумываясь выбирают его в окна своей машины. В местах так называемого массового отдыха непременно после такого отдыха остается помойка. Как будто всё с нами в этом мире происходит в последний раз: в последний раз «хорошо посидели/отдохнули» на берегу реки или озера, оставив после себя мусор, который лень было унести. Проехали по дороге в последний раз, и этот вид из окна не повторимой природы больше никому будет «не нужен». В последний раз вышли за окопицу, вывалив отходы жизнедеятельности с видом на природу. Не нам тут словно на нее глядеть, принюхиваясь к разносящейся вони.

Словно после нас тут никого и не будет уже, а дети наши поселятся в каком-то другом, чистом месте. Прошлись по стране временщики и съехали будто куда-то в светлую и чистую даль, а эту территорию, загаженную, с затоптанными травой и цветами, с озерами, глядящими в небо глазами с «мертвой водой» – оставили будто врагу. Инопланетянам. Чтоб ничего больше не росло и никого больше не радовало. После нас хоть и не потоп, так помойка. За всем этим стоит какое-то патологическое небрежение не просто к среде обитания, земле, воде, воздуху, которым мы дышим и который в городах становится все грязнее и ядовитее, но – пренебрежение собственной Родиной. Современное цивилизованное общество так

живет просто не может. Не должно. Это деградация.

Можно привести дальше планы каких-то официальных мероприятий – по просвещению населения, по повышению экологического сознания наших соотечественников, найти программы разных фестивалей, конкурсов, молодежных слетов юных экологов и т.д., – всего этого будет немало. Раз уж год официально объявлен экологическим, власти постараются отчитаться.

Однако, по большому счету, речь идет о том, что нам надо просто прибраться в своей стране. Мы же не собираемся улетать на Луну, оставив после себя выжженную Землю. Вернее, часть ее под названием «Россия». 🇷🇺

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
И. о. ректора Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Образование будущего

ОБРАЗОВАНИЕ

10 Лидерство по-русски. Пушкин

ИНТЕРВЬЮ

24 От великого
до смешного...

32 На другой
планете

ИСТОРИЯ

38 Танцы
по-царски

46 «Одной
любви
музыка
уступает...»

НАСЛЕДИЕ

52 Театр
одного
господина

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

60 Автора! Автора!!!

МУЗЕИ

64 Музей для знаек

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

70 Подари дрова

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

76 «Мы пришли
до своего языка»

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

84 Дядя Гамлет

ГОРОДА РОССИИ

88 Чистая душа
старинного
Дмитрова

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Дмитрий РУДНЕВ
Андрей СЕМАШКО
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПОЧЕМУ В РОССИИ ДО СИХ ПОР НЕТ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ? КАК ТРАКТОВАТЬ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»? УДАСТСЯ ЛИ ПРЕВРАТИТЬ ШКОЛЫ В «ТЕРРИТОРИИ ЧТЕНИЯ»? КАК РАБОТАТЬ СОВРЕМЕННОМУ УЧИТЕЛЮ В МНОГОЯЗЫКОВОМ КЛАССЕ И ИСПОЛЬЗОВАТЬ В ОБУЧЕНИИ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ?

ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ обсуждали в начале декабря более 300 участников III Международного педагогического форума «Русский мир. Образование будущего», приехавших в Сочи из 30 стран. Организаторами гигантского «съезда учителей», который прошел в гостинице «Жемчужина», стали Санкт-Петербургский государственный университет, Российская академия образования, Российское общество преподавателей русского языка и литературы и фонд «Русский мир». «За три прошедших года педагогический форум стал важным событием для русистов России и всего мира, – подчеркнул на церемонии открытия и.о. ректора РГПУ им. А.И. Герцена, заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Богданов. – Каждый педагогический форум – это

новый шаг к нашей общей цели: укреплению позиций русского языка, совершенствованию его изучения, преподавания и продвижения за рубежом».

Президент Российской академии образования, председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая приветствовала делегатов и подчеркнула, что форум собрал тех, кому дорог Русский мир, кто искренне увлечен русским языком и русской культурой, кто ищет пути совершенствования системы образования. «Именно от системы образования зависит то, каким будет мир в ближайшие десятилетия, – отметила Людмила Вербицкая. – XXI век оказался эпохой самых радикальных перемен в образовании. Мы сбрались, чтобы обсудить проблемы основных сегментов образования, в первую очередь в области русско-

Исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Коchin

го языка и литературы, поделиться профессиональным опытом, обсудить проблемы».

«Совсем недавно, в 2014 году, мы в этом же зале открывали первый педагогический форум, – напомнил исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин. – Второй форум прошел в городе Владимире. И вот мы снова собирались в Сочи. За эти три года Международный педагогический форум стал настоящей интеллектуальной площадкой для педагогов из разных стран, которые получили возможность познакомиться с новейшими методами преподавания русского языка и литературы, обменяться мнениями и попытаться найти решение существующих проблем». Владимир Кочин подчеркнул, что задача образования – не только передать ученику некую сумму знаний, но еще и сформировать личность. «А в этом вопросе русский язык и литература, бесспорно, являются определяющими факторами воспитания нравственной личности», – сказал исполнительный директор фонда «Русский мир».

Первый проректор Санкт-Петербургского государственного университета Илья Дементьев в своем выступлении остановился на проблемах российской системы образования. «Проблемы непросты, – заметил Илья Дементьев. – Особенно с учетом открытости культурной, научной и образовательной деятельности во всем мире. С одной стороны, это прекрасно, поскольку такая открытость формирует массу дополнительных возможностей для каждого обучающегося, для каждого педагога. С другой стороны, она же формирует условия же-

С докладом выступает профессор
Михаил Марусенко

сточайшей конкуренции, которая сегодня испытывает на прочность нашу систему образования».

В финале церемонии открытия форума были зачитаны приветствия участникам от заместителя председателя правительства Ольги Голодец, министра образования и науки Ольги Васильевой, министра иностранных дел Сергея Лаврова и полномочного представителя президента РФ в Южном федеральном округе Владимира Устинова.

ГЕОПОЛИТИКА И РУССКИЙ ЯЗЫК

Первый же доклад пленарного заседания – «Русский язык в новом языковом порядке» – вызвал живейшее обсуждение в зале. Выступившему с докладом профессору филологического факультета

СПбГУ, доктору филологических наук Михаилу Марусенко пришлось отвечать на вопросы коллег даже после окончания заседания. Как заметил профессор, «нельзя игнорировать геополитические факторы, которые определяют место русского языка в мировой языковой системе сегодня и будут определять завтра». «Начиная с 1950-х годов, по результатам Второй мировой войны, эта система характеризовалась наличием суперцентральных языков, которыми были бывшие имперские языки: английский, немецкий, французский, русский и турецкий. Вокруг них вращались центральные языки, вокруг которых, в свою очередь, вращались периферийные языки, и так вплоть до диалектов и говоров. Но в результате распада Советского Со-

Председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая

юза произошла очень быстрая реструктуризация этой системы, и появился один гиперцентральный язык – английский, – подчеркнул Михаил Марусенко. – И сегодня эта модель отражает неустойчивую конфигурацию силовых отношений между языками». Ряд национальных языков уступили свои функции английскому, на который перешли некоторые страны. Однако внедрение чужого языка влечет за собой навязывание иных ментальных структур и мировоззрения. «А с учетом того, что, по прогнозам демографов, в 2025 году на Земле будут жить полтора миллиарда китайцев, более миллиарда носителей английского языка, полмиллиарда испанофонов и почти 500 миллионов арабофонов, нам нужно уже сегодня понимать, как сохранить в этом мире место для «руссосферы», – считает Михаил Марусенко. – Однако в России отсутствуют важные компоненты для этого. Нет концепции языковой политики, отсутствуют госструктуры, отвечающие за проведение этой политики, которые, подобно Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции, проводили бы ежегодный мониторинг использования русского языка как в России, так и в международных организациях, в которых участвует РФ».

Заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Богданов в своем докладе предложил определиться с понятием «государственный язык Российской Федерации». Прежде всего с тем, как оно соотносится с понятием современного русского лите-

Первый проректор Санкт-Петербургского университета Илья Дементьев и заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Богданов

ратурного языка. По его мнению, в законе «О государственном языке Российской Федерации» и постановлении правительства РФ от 23 ноября 2006 года «отсутствует не только определение, что такой государственный язык Российской Федерации, но и указание на функции государственного языка РФ. В каком-то смысле это, конечно, не страшно. Всякому разумному человеку ясно, что государственный язык РФ – это один из вариантов использования современного русского литературного языка, то есть это – функция современного русского литературного языка. Но если мы внимательно посмотрим на ситуацию, она покажется нам более сложной. Законодатель в законе и постановлении дал определение государственного языка через понятие литературного языка, но думаю, что само понятие литературного языка относится к тем категориям, которые на настоящий момент в современной лингвистике не получили единого и признаваемого всеми определения». Сергей Богданов подчеркнул, что по составу норм современный русский литературный язык и современный литературный русский язык при его использовании в качестве государственного не совпадают. Ряд языковых норм – грамматических и семантических – имеют ограничение в случае использования современного русского литературного языка как государственного. Для решения этой проблемы, по мнению Сергея Богданова, необходимо конструирование некоего общего научного пространства, которое могло бы вести постоянный мониторинг языковой ситуации и одновременно представляло бы собой содержательный и управлеченческий формат, обеспечивающий эффективную работу всех заинтересованных структур. В качестве «рабочей площадки» для решения подобных задач Сергей Богданов предложил создать портал «Русский язык как государственный», который объединил бы функцию фиксирования норм современного русского литературного языка с функциями научно-информационного, словарного, справочного, лингвистического и учебно-методического ресурса.

Защита одного из конкурсных проектов

Работа форума была продолжена в рамках четырех секций: «Проблемы филологического образования в российских и зарубежных школах», «Проблемы филологического образования в российских и зарубежных вузах», «Программа поддержки чтения на русском языке» и «Проблемы преподавания русского языка как государственного в образовательных учреждениях РФ». Участники обсуждали вопросы современного филологического образования и повышения квалификации педагогов-словесников. На каждой из секций после выступлений основных докладчиков разворачивались серьезные дискуссии, высказывались оценки предлагаемым новым методикам и идеям. К примеру, на секции «Проблемы филологического образования в российских и зарубежных вузах» долго спорили о том, насколько эффективным является активное использование фразеологизмов в преподавании русского языка как

иностранных. А выступление декана филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета Татьяны Демешкиной об «испытании федеральными стандартами», о «фетишизации компетенций» и сокращении набора на филологические факультеты вызвало горячую поддержку аудитории. После короткого перерыва делегаты собрались на круглые столы «Преподавание русского языка и литературы в условиях мультилингвизма», «Проблемы филологического образования в российских и зарубежных вузах», «Проблемы преподавания русского языка как государственного в образовательных учреждениях РФ» и «Проблемы филологического образования в российских и зарубежных школах». Здесь педагоги делились своим опытом, рассказывали об авторских методиках и новых идеях подачи учебного материала, спорили о том, как повышать грамотность чиновников и как нетривиальными методами привить детям интерес к чтению.

Второй день работы форума был посвящен защите конкурсных проектов: любой из делегатов мог представить свой проект коллегам, победители определялись голосованием участников форума в пяти номинациях. Победившие в конкурсе проекты будут реализовываться в дальнейшем с помощью фонда «Русский мир», так что участники этого «состязания» постарались на славу. Например, в одной аудитории показывали, как заинтересовать

В форуме приняли участие преподаватели из Донецка

школьников творчеством Шекспира с помощью создания сайта, посвященного одному из произведений великого британского драматурга. Здесь над притихшими рядами педагогов раздавались бессмертные слова: «В Вероне древней и прекрасной, // Где этой повести ужасной // Свершилось действие давно...» В другой, где презентовались проекты преподавания русского языка за рубежом, открывший дверь мог услышать, к примеру, следующее: «А вот упражнение, которое я делаю со своими студентами. Я начинаю предложение, а вы его продолжаете. Итак: «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться...» И голоса из аудитории отвечают вразнобой: «Он покоит меня на злачных пажитях...» В третьем зале рассказывали о создании программы «Русские имена на карте мира», после чего присутствующие в один голос потребовали издания одноименной книги и распространения ее по школам и вузам...

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Торжественная церемония закрытия III Международного педагогического форума прошла в образовательном центре «Сириус», созданном фондом «Талант и успех», который учрежден выдающимися российскими деятелями науки, спорта и искусства. Главная цель «Сириуса» – раннее выявление, развитие и дальнейшая профессиональная поддержка одаренных детей, проявивших редкие способности в области искусств, спорта, естественно-научных дисциплин, а также добившихся успеха в техническом творчестве. «Сириус» – удивительный центр, это отметили все участники форума. Прекрасная библиотека с элементами мультимедиа, удобные и красивые лекционные залы, современные лаборатории и мастерские, полигоны (как говорят в самом «Сириусе», это – пространство эксперимента, научных достижений, интерпретации. – **Прим. авт.**), технолес, зона профнавигации... После ознакомительной экскурсии, во время которой делегаты познакомились с «умной избой», управляли игрушечным танком с помощью взгляда и тестировали аппарат, создающий портрет человека по его запаху, педагоги признали, что по-

В библиотеке образовательного центра «Сириус»

Церемония награждения победителей конкурса проектов

добные центры – это действительно образование будущего.

«Хочу поблагодарить всех за то, что мы успели сделать за эти два дня Международного педагогического форума, начало которому было положено в 2014 году, – сказала Людмила Вербицкая на церемонии закрытия. – Я убеждена, главным призом для всех участников стала, конечно, та удивительная, замечательная атмосфера, которая царила на нашем форуме».

В ходе церемонии состоялось награждение победителей конкурса (свои проекты представили 50 участников, 26 из них – зарубежные. – **Прим. ред.**), которые были определены голосованием всех участников форума. В номинации «Русская школа за рубежом и современная российская школа» победил проект «Русские имена на карте мира», представленный Марией Кожевни-

ковой, Александром Кузнецовым и Андреем Ременцовым. В номинации «Развитие чтения на русском языке» лучшим был признан проект Елены Галицких «Круг чтения современного читателя как педагогическая технология организации читательской деятельности в вузе и школе». В номинации «Преподавание дисциплин современной русистики в вузах» победил проект «Студенческая экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации: цели, задачи, достижения», выдвинутый Вячеславом Теркуловым. В номинации «Зарубежная русистика» лидером стал проект Михаила Водопьянова «Школа русской диаспоры: русская школа в Великобритании как центр межкультурной коммуникации». В номинации «Инновационные методы и технологии преподавания русского языка и литературы в дистанционном формате» победил проект «Создание интерактивной среды «Ученый-учитель-ученик», представленный Николаем Самсоновым.

От имени экспертного совета форума были также присуждены еще две награды: диплом за лучший проект по оценке Российской академии образования был вручен Ольге Ребковец за проект «Всемирный тотальный диктант». А дипломом за лучший проект по оценке Русских центров в зарубежных странах был награжден Михаил Копотов за проект «Инновационные методы преподавания русского языка: онлайн-справочник по лексической сочетаемости».

ЛИДЕРСТВО ПО-РУССКИ. ПУШКИН

ЖУРНАЛ «РУССКИЙ МИР.RU» ПУБЛИКУЕТ ЛЕКЦИЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР», ГЛАВЫ КОМИТЕТА ГОСДУМЫ
ПО ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ ВЯЧЕСЛАВА НИКОНОВА, ПРОЧИТАННУЮ
СТУДЕНТАМ ПЕРВОГО КУРСА ФАКУЛЬТЕТА ГОСУПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА.

НАША РОДИНА – РОССИЙСКАЯ Федерация – великая страна. Одна из двух на планете Земля, имеющих 500-летнюю историю суверенного существования. Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота. Обладаем авторитетом державы, не раз игравшей определяющую роль в мировой истории. За каждым из нас – десятки поколений россиян, которые и создали нашу страну, которые жили, любили, рожали детей, строили, выращивали хлеб, обустраивали страну, клали свои жизни, чтобы защитить ее от врагов. Мы все их наследники. И мы все должны быть достойны этого наследия. И мы должны его продолжить и преумножить, поднять Россию на еще более высокую ступень развития. Превратить в страну, благополучие которой обеспечивается «умной» экономикой, новейшими технологиями, инновациями. Перемены к лучшему происходят там, где граждане могут брать на себя ответственность. Вы должны стать такими личностями. Что надо сделать, чтобы стать настоящим лидером? Боюсь, исчерпывающий ответ вы не получите, даже окончив факультет государственного управления. Ведь жизнь всегда оказывается богаче любых схем. Все начинается с веры в самого себя. Лидер-

ству можно научиться. Это – набор знаний, умений, способностей, которые полезны везде: за партой, в общежитии, студсовете, совете директоров «Роснефти», в Государственной думе или за Кремлевской стеной. И первый урок лидерства вам сегодня даст... Александр Сергеевич Пушкин. Почему он?

Вот на что я обратил внимание. Возьмите любую книгу по лидерству – а в каждом приличном книжном магазине вы найдете россыпь переводных изданий, – и вы не прочтете там ничего о России. Цезарь, Наполеон, Черчилль, Стив Джобс, кого там только нет. Нет только россиян. Как будто у нас не было лидеров. Как будто Россия не была и не остается одной из великих держав, мировых лидеров.

Порой можно услышать, что принципы лидерства универсальны, что работает в одной стране, будет работать и везде. Не совсем так. Доказано: только после Второй мировой войны на путь модернизации вступило более полусотни государств. Но преуспели только те из них – Япония, Гонконг, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, – которые неуклонно работали с ценностным кодом, с национальной ментальностью и этикой, своей уникальной картиной мира. Менялись, учитывая и сохраняя традиции и своеобразие.

Кстати, Пушкин необходимость учета национальной специфики отлично понимал: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию... Есть образ мыслей и

чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу», – писал Александр Сергеевич. И наша страна дала множество лидеров, определяющих лицо нашей планеты. Они давали примеры лидерства, предлагали его формулу. Пушкин является собой блестящий образец интеллектуального лидерства. Говорят, у русских изначально нет установки на лидерство: скромники. Неправда. У Пушкина установка на лидерство точно была. В 1820 году он написал «Про себя»:

Великим быть желаю,
Люблю России честь, я много обещаю –

Исполню ли? Бог весть!

Казалось бы, о Пушкине известно все. Но это не так. И то, что мы знаем, крайне противоречиво. Современный пушкинист Владимир Новиков в своей книге «Пушкин» раскладывает по полочкам различные «мифы о Пушкине»: «Наше всё», «умнейший человек России», «дурак» (по Писареву и Хармсу), «донжуан», «однолюб», «оптимист», «пессимист», «атеист», «религиозный поэт», «пророк и учитель», «эстет», «новатор», «традиционалист», «декабрист», «монархист», «космополит», «патриот», «жертва», «победитель» и т.п. Вроде бы ничего не упустил, существенно новых мифов в XXI веке не появилось».

Сейчас – на ваших глазах – появятся. Только не мифы, а реальность. Пушкин был Мыслителем. Гражданином. Лидером. Именно под этим углом зрения я и предлагаю посмотреть на гения.

СТАНОВЛЕНИЕ

Пушкин помнил и уважал своих предков. «Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославича Невского», – гордился Пушкин. Его прадедом был Ганнибал – «Арап Петра Великого», истории которого Пушкин уделял большое внимание в своем творчестве.

Отец будущего поэта, Сергей Львович, при Павле I служил в лейб-гвардии Егерском полку. В 1796 году он женился на прекрасной креолке Надежде Осиповне Ганнибал, вышел из полка и переселился в Москву. Служил по интендантской части в Москве и Warsaw, а в 1817-м вышел в отставку, поселился в Петербурге. Хозяйством заниматься ни он, ни его жена не умели и не любили, зато жили на широкую ногу. «Дом их всегда представлял какой-то хаос», – вспоминал граф Модест Корф.

Пушкин родился 26 мая по старому стилю (6 июня по новому) 1799 года на Немецкой улице в Лефортово. Немецкая слобода, чистая и опрятная, в то время считалась весьма престижным местом жительства. Крестили Пушкина в церкви Богоявления в Елохово. «До семилетнего возраста Пушкин не предвещал ничего особенного, напротив, своей неповоротливостью, своей тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил матер в отчаяние», – писал П.В. Анненков в первой обширной биографии поэта «Пушкин. Материалы для биографии и оценки произведений». В семействе побывал легион иностранных гувернеров и гувернанток. «Учился Пушкин небрежно и лениво; но зато рано пристрастился к чтению, любил читать Плутарховы биографии, Илиаду и Одиссею в переводе Битобе, и забирался в библиотеку отца, которая состояла преимущественно из французских классиков, так что впоследствии он был настоящим знатоком французской словесности и истории, и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы», – рассказывала сестра поэта, Ольга Сергеевна.

Знавшие семью свидетельствуют, что когда в 1811 году пришло время молодому Александру отправиться в Петербург для поступления в Лицей, «он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключим дружескую горесть о сестре, которую он всегда любил» (Анненков П.В. «Пушкин в Александровскую эпоху»). Царскосельский лицей был основан императором как закрытое учебное заведение для дворян, готовившее к гражданской государственной службе. Вероятно, ближайшим аналогом сегодня был бы факультет государственного управления МГУ.

22 сентября Александр I утвердил список из 30 поступивших лицейстов. Пушкин значился под номером 14 с припиской: «Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстает».

Лицейские годы были для Пушкина счастливым временем взросления и познания мира, и он с удивительной теплотой вспоминал Царское Село. Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,

О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство
развивалось,
Где с первой юностью младенчество
сливалось

И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поззию, веселость и покой.
Кличка Пушкина в Лицее – Француз, из-за свободного знания языка и французской поэзии. Он не сразу стал лидером. В декабре 1811 года лицеисты составляют своеобразный рейтинг достижений, и тут его номер – четырнадцатый.

Принадлежность к старинному дворянскому роду, воспитание изначально делали Пушкина государственным, почитателем власти и священной особы императора. А нападение Наполеона сплотило страну в единый патриотический лагерь. Дорога из Санкт-Петербурга на юг пересекала Царское Село. Лицеисты провожали проходившие мимо них гвардейские полки.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,

Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Это был час российского триумфа, европейского, а значит, и мирового лидерства нашей страны. Многие собрания сочинений и сборники работ Пушкина открываются стихотворением, написанным в 1814 году, «Воспоминания в Царском Селе». Оно посвящено Михаилу Илларионовичу Кутузову.

Бессмертны вы вовек, о россии исполныи,
В боях воспитаны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась,
дивился мир;

Державин и Петров героям песнь
брязали

Струнами громозвучных лир.
И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И браны новые, и ужасы военны;
Страдать – есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой
дланi
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич – и вскоре новой
браны
Зарделась грозная зара.
<...>

Страхись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на
дерзновенных,
Сердца их мищеньем замкнуны.
Вострепещи, тиран! уж близок час
паденья!

Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу
сраженья

За Русь, за святость алтаря.

<...>
О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья
и Белонь,

Презрвши правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть
троны?
Исchez, как утром страшный сон!
В Париже росс! – где факел мищенья?
Поникни, Галлия, главой.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Но что я вижу? Росс с улыбкой
примиренья
Грядет с оливовою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь
в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Стихотворение заметили сразу. Князь Петр Андреевич Вяземский, который в тот момент входил в признанную тройку ведущих поэтов страны, вместе с Василием Андреевичем Жуковским и Константином Николаевичем Батюшковым, сразу понял, что появился способнейший конкурент. «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его Воспоминания скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картине. Дай Бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок, и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что

по стихам он племянником перед тем», – писал Вяземский Батюшкову в январе 1815 года.

Пушкин опишет свои ощущения от возвращения на Родину героев Отечественной войны: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!»

К этому времени перо Пушкина уже получило высокую оценку. В начале декабря 1815 года, когда ждали возвращения императора Александра I из Парижа, директор департамента народного просвещения Иван Иванович Мартынов попросил Пушкина написать приветственную «пиесу». Но в Петербург император приехал ночью (2 декабря), и торжественная встреча в Царском Селе не состоялась.

Тебе, наш храбрый царь, хвала,

благодаренье!

Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчясь, взложив пернатый
шлем,

Колена преклонив пред вышиним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И мстюю роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной
стали!..

<...>

И ныне ты к сынам, о царь наш,
возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный
взгляд –

Все лица радостью, любовию блестят.
Внемли – повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!

Стихотворение будет напечатано через три года. Когда мнение Пушкина об Александре изменится кардинальным образом.

«Прослушав шестилетний курс наук, он выходит из лицея девятнадцатым учеником с весьма скромными баллами, но уже с первыми листками «Руслана и Людмилы», – пишет Л.П. Гроссман в «Пушкине».

ВЛАДЫКИ! ВАМ ВЕНЕЦ И ТРОН ДАЕТ ЗАКОН – А НЕ ПРИРОДА

Пушкин вступил в службу его «императорского величества из Царско-сельского лицея с чином коллежского секретаря в 1817 году, июня 17 дня, в Коллегии иностранных дел» – 10-й класс из двенадцати в Табели о рангах. Пушкин не стремился стать лидером через служебную карьеру. К чинам он не сильно стремился и высоких чинов не достиг. Но все дворяне должны были служить. «Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей», – немного цинично замечал поэт.

Молодой Пушкин учит нас ценностям. Прежде всего ценностям свободы и законности. В оде «Вольность» в 1817 году Пушкин изложил свою программу, которая была построена на идеях, почерпнутых в лицейских лекциях молодого адъюнкта – профессора Александра Петровича Куницына, разговорах с Николаем Тургеневым.

Хочу воспеть Свободу миру,

На тронах поразить порок.

В государстве должен главенствовать закон, обязательный и для власти, и для подданных.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...

<...>

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

Пушкин иллюстрирует свою мысль двумя историческими фигурами. Первая – Наполеон.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.
Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы.
Упрек ты Богу на земле.

А дальше в оде «Вольность» возникает тема, за которую Пушкин поплатится

ся. Абсолютно в то время запретная тема убийства Павла I. Заметим, Пушкину противны фигуры как Павла, который в тогдашнем образованном обществе имел репутацию тирана, так и цареубийц.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
Остыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.
И днес учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Свобода для Пушкина – священное и неотъемлемое право человека. Но она истинна только тогда, когда осуществляется в рамках закона. Идея перехода от самовластия к конституционным свободам легла в основу и послания Пушкина Петру Яковлевичу Чаадаеву в 1818 году.

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призывање.
Мы ждем с томлением уповања
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена!

Пушкин – революционер? Князь Вяземский, который станет его ближайшим другом, писал о Пушкине: «Он любил чистую свободу, как любить ее должно, как не может не любить ее каждое молодое сердце, каждая благорожденная душа. Но из этого не следует, чтобы каждый свободолюбивый человек был непременно и готовым революционером».

Но Пушкин сочинял на Александра I эпиграммы и при всяком случае, по словам самого поэта, как мог «подсвистывал ему». «Властитель слабый и лукавый», «плешивый щеголь», «враг труда», «фрунтовой профессор», «кочующий деспот» – это все о том же императоре Александре Павловиче. Откуда такая кардинальная перемена отношения к правителю, на счету которого либеральные реформы, основание Лицея, победа над Наполеоном и ни одной казни? От своих радикально настроенных друзей – Чаадаева, братьев Тургеневых – он узнал о кровавых подробностях вступления Александра на престол. «В глазах Пушкина никакие реформы не могли уравновесить убийства, приведшего Александра к власти», – замечает Л. Ариштейн в «Пушкине». И про царей и про цариц».

В начале 1820 года над головой Пушкина начали сгущаться тучи. Его вызывающие разгульный образ жизни, вольнодумие, бесчисленные эпиграммы, порой даже не им сочиненные, но ему приписываемые, вызвали к нему стойко отрицательное отношение императора. К тому же на Пушкина пришел донос. Дело запахло Сибирью. Биографы говорят о друзьях поэта, якобы ходатайствовавших перед царем о его участии. В действительности ходатайствовал один Карамзин, но и он обратился не к царю, а к благоволившей ему царице.

КАРАЮЩИЙ КИНЖАЛ ИЛИ ДЕРЖАВНЫЙ ШЕЛЕСТ ЗНАМЕН

Пушкину повезло не попасть в Сибирь. Но гордость его была задета, тайный сыск, допрос у петербургского генерал-губернатора Милорадовича, высылка решением царя, да еще в Бессарабию – по тогдашним понятиям на край света (где он занимался переводом молдавских законов с французского на русский). Пушкин сравнивал свою судьбу с участью Овидия, которого римский император Октавиан Август изгнал из Рима. Но Овидий неустанно молил цезаря о прощении, Пушкин, несмотря на советы друзей, извиняться перед Александром отказывался.

Южный период жизни Пушкина длился с мая 1820 года до июля 1824 года.

За это время он успел побывать на Украине, в Молдавии, на Кавказе и в Крыму, послужить в Одессе.

На Юге Пушкин попал в круг будущих декабристов – Василия Львовича Давыдова, Михаила Федоровича Орлова, Владимира Федосеевича Раевского, настроенных куда более радикально, чем его петербургские друзья. Их радикализм упал на благоприятную почву: в душе впечатлительного поэта разгорелся благородный огонь.

В писаниях Пушкина появляется новый образ:

*Свободы тайный страж, карающий книжал,
Последний судия Позора и Обиды.
Где Зевса гром молчит, где дремлет меч Закона,*

Свершишь ты проклятий и надежд.

Поведение Пушкина становится вызывающим, что отмечали и многие люди, с ним не конфликтовавшие. После одного из обедов в доме у генерал-губернатора Ивана Никитича Инзова, у которого Пушкин жил в 1822 году, князь Павел Долгорукий написал в дневнике: «Он перестал писать стихи, но этого мало... Вместо того, чтобы прийти в себя и восчувствовать, сколь мало правила, им принятые, терпимы могут быть в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всячому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку».

Весной 1821 года «Греция восстала и провозгласила свою свободу». Пушкин всей душой на стороне повстанцев во главе с князем Александром Ипсиланти. Кишинев, Яссы становятся одним из центров мобилизации сил повстанцев. «Важный вопрос: что станет делать Россия; зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом милордивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» – пишет Пушкин. Но Александр I, верный своим охранительным идеям, отказывает грекам в помощи. Восстание подавлено, как и национальные движения в Италии, Испании. Пушкин разочарован: народы не могут постоять за свою свободу.

Он остывал к революционным мечтаниям. 1 декабря 1823 года Пушкин

написал Александру Ивановичу Тургеневу о своих стихах на смерть Наполеона:

*«И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.*

Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года, впрочем, это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыде сеятель сеяти семена своя):

*Свободы деятель пустынnyy,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич».*

Аriadна Тыркова-Вильямс, видная деятельница либеральной партии кадетов и автор двухтомной биографии Пушкина, не считала его «своим»: «Ощущение государства как живого организма окрепло у Пушкина на юге, среди вновь завоеванных просторных областей, где чуткий слух поэта с восторгом ловил державный шелест российских знамен. Впервые услышал он этот шелест отроком, в Царском Селе, когда русские полки один за другим уходили на запад, защищать русскую землю от вторгнувшихся в нее наполеоновских полчищ. Позже отвлеченные речи Чаадаева, Николая Тургенева и других членов «общества умных» заглушили песни знаменосцев. Но только на время. Стоило ему побывать на Кавказе, послушать Раевского-отца, всмотреться в русское дело в Бессарабии, и сразу в его стихах зазвучали державные ноты».

Пушкин писал брату из Кишинева: «Кавказский край, знайная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои – излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная сторона, до сих пор не привнесвшая никакой существенной пользы России,

скоро сблизит нас с персиянами безопасною торговлею, не будет нам препятствием в будущих войнах – и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии. Видел я берега Кубани и сторожевые станицы – любовался вашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предсторожности!»

Его неприятности на Юге были связаны не столько с радикализмом, сколько с другими обстоятельствами. Наместником Бессарабии и генерал-губернатором в Одессе вместо Инзова был назначен граф Михаил Семенович Воронцов. Похоже, его супруга – Елизавета Ксаверьевна – первая серьезная привязанность Пушкина. К этому добавились его колкие эпиграммы и остроты в адрес непосредственного начальника. Воронцов добился удаления Пушкина из Одессы – для его же пользы. Вдобавок на почте вскрыли письмо Пушкина и обнаружили в нем высказывание атеистического характера – серьезное преступление по тем временам.

Из Одессы Пушкин был выслан в псковское село Михайловское, принадлежавшее его родителям, без права его покидать. Ссылка Пушкину претит, он жаждет добиться прощения императора и разрешения на выезд за рубеж, якобы для лечения от аневризма, о котором позднее никогда и не вспомнит. Император не разрешит.

Внезапная смерть Александра I не сильно расстроила Пушкина. Но заминкой в престолонаследии решили воспользоваться революционеры-декабристы. Известный историк и издатель Михаил Петрович Погодин рассказывал со слов поэта: «Пушкину явно хотелось увидеться с его петербургскими друзьями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться в Петербург». Но неблагоприятные приметы – заяц дважды перебежал дорогу, священник попался навстречу – заставили Пушкина повернуть назад. Может, и не очень хотел. Как бы то ни было, рок оставил Пушкина в Михайловском, и этим он вновь избежал Сибири, если не чего-нибудь похуже.

В связи со следствием по делу декабристов душа Пушкина была не-

спокойна, и не напрасно. Он сжигает свои записки. 10 июля 1826 года Пушкин писал Вяземскому: «Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если бы был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру. Впрочем, черт знает».

Лидеры декабристов были повешены в Петропавловской крепости 13 июля. И вновь письмо Вяземскому 14 августа: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя». Амнистии не будет. Пушкин напишет сосланным друзьям:

Во глубине сибирскихrud
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши катаржные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отадут.

ПУШКИНА ПРИЗВАТЬ СЮДА

Дата под стихотворением у Пушкина далеко не всегда означает день его написания. Нередко дата относится к какому-то событию, в тот день произошедшему. Одно очень известное стихотворение Пушкина, которое все вы знаете, датировано 8 сентября 1826 года. Посмотрим, что произошло в этот день, а затем попробуем угадать, что это за произведение.

В конце августа 1826 года Пушкин, седьмой год пребывавший в положении изгнанника, наслаждался последними летними днями в Михайловском. Он скандально известен в стране, популярен в общественных кругах, но в ссылке. А в Москве шли торжества, сопровождавшие вступле-

ние на престол императора Николая Павловича.

Знаете ли вы, каким был первым приказ Николая I после коронации? В свой первый рабочий день, 28 августа, император отдал начальнику Главного штаба генералу Дибичу распоряжение: «Пушкина призвать сюда». В ночь с 3 на 4 сентября в Михайловском появляется офицер с предписанием Пушкину срочно прибыть в Псков, чтобы сразу же оттуда отправляться в Москву. В Михайловском паника: всем известна судьба декабристов. Несколько часов на сбороны. Арина Родионовна рыдает. Пушкин спешно сжег свою «Михайловскую тетрадь» с записями и стихами, черновик «Бориса Годунова» (с прозрачными намеками на покойного Александра Павловича).

В пятом часу утра с тяжелым сердцем поэт трогается в путь и в первой половине дня 8 сентября добирается до Первопрестольной. К четырем часам пополудни его доставляют в Чудов, или Николаевский, дворец, который занимало тогда августейшее семейство и сам государь император, которому «Пушкин и был тотчас же представлен, в дорожном костюме, как и был, не совсем обогревшийся, усталый и, кажется, даже не совсем здоровый». Последовала двухчасовая беседа.

Модест Андреевич Корф свидетельствовал: «Однажды за небольшим обедом у Государя, при котором я и находился, было говорено о Пушкине. «Я, – говорил Государь, – впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного... Что сделали бы Вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? – спросил я его между прочим. – Стал бы в ряды мятежников, – отвечал он. На вопрос мой, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пущу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов на счет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку, с обещанием – сделаться другим». В тот же день на балу у маршала Мормона, герцога Рагузского, послы Франции, император подозвал к себе статс-секретаря Дмитрия Николаевича Блудова и сказал ему: «Знаешь, что

я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России?» На вопросительное недоумение Блудова Николай Павлович назвал Пушкина.

Пушкин оставил только одно известное письменное свидетельство об аудиенции императора – в письме соседке по имени Прасковье Александровне Осиповой от 16 сентября: «Государь принял меня самым любезным образом. Москва шумна и занята празднествами до такой степени, что я уже устал от них и начинаю вздыхать по Михайловскому, то есть по Тригорскому; я рассчитываю выехать отсюда самое позднее через две недели».

Гораздо больше скажет стихотворение, датированное 8 сентября, название которого я предлагаю вам определить. Оно представляло собой поэтическое переложение Книг пророчеств – Исаии, Иеремии, Иезекииля – из Библии. И в нем – вся судьба Пушкина: прошлая, настоящая и будущая. Миссия.

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влечился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дальний лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднсловный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне возвзвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Пушкин обрел Миссию. Она исключительно важна для лидера. С сентября 1826 года исчезают эпиграммы, затрагивающие императора и его приближенных, прекращаются

неуважительные высказывания о религии. Проникнутые революционным романтизмом стихотворения закончились еще раньше. У покровительства императора положительный для Пушкина момент: «Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, неobjektная». Слова царя не расходились с делом. Практически все произведения, представленные Пушкиным в первый год, быстро получили одобрение. Более того, царем было прощено и то, что ранее отвергала обычная цензура.

Появление Пушкина в Москве произвело фурор. «Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесясь по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей ступени своей популярности», – записал Николай Васильевич Путятин.

Но столицы с их бурной светской жизнью поэту претят. В течение четырех с лишним лет – между окончанием ссылки и женитьбой – Пушкин вел кочевую жизнь: переезжал из Москвы в Петербург и обратно, ездил в Болдино, в Михайловское, побывал на кавказском театре турецкой войны, о чем позже написал «Путешествие в Арзрум».

В связи с женитьбой Пушкин вновь попросился на службу. Николай I, заметив его в парке, остановил коляску, подозревая поэта к себе для беседы. Встреча имела последствия, о которых 22 июля 1831 года Пушкин сообщал своему другу Петру Александровичу Плетневу: «Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): царь взял меня в службу – но не в канцелярскую, или придворную, или военную – нет, он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faire aller sa marmite* (Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни). Ей-богу, он очень со мною мил».

Глава МИДа Нессельроде поинтересовался у императора, каким чином

определить «известного нашего поэта». Николай счел, что отставной коллежский асессор (им Пушкин стал еще по окончании Лицея) может быть принят на службу тем же чином, но с годовым окладом в 5 тысяч рублей. А 6 декабря 1831 года высохшим указом, подписанным в честь тезоименитства императора, Пушкин был произведен в титулярные советники – 9-й класс по Табели о рангах – и зачислен в Коллегию иностранных дел.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Тот идиллический для Пушкина 1831 год был богат событиями, среди которых главным было Польское восстание, привлекшее его самое пристальное внимание: «Но все-таки их надо было задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятец Польши есть дело семейственное, стариная, наследственная распра; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским... Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила *non-intervention* (невмешательства), то есть избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навязывается на нас Европа».

Пушкин пишет «Клеветникам России»: *O чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи солются в русском море?*

*Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?*

*За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искутили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах – попробуйте
на деле!
Иль старый богатырь, покойный на
постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский
штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной
Калхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

В конце августа 1831 года Варшава пала, но на Западе активно обсуждались планы военной интервенции против России. Пушкин пишет стихотворение «Бородинская годовщина»:

*Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь –
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долгий будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!
Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет;
Через ее шагнете кости!..»
<...>
Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?*

Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?
Куда от двинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сродният ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?
Ваш бурный шум и хрюпливый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите же: всё стоит она!
А вокруг ее волненья пали –
И Польши участь решена...
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!..

НЕ ПРИВЕДИ БОГ ВИДЕТЬ РУССКИЙ БУНТ

К этому времени Пушкин располагал уже и большим жизненным опытом, и сложившейся системой взглядов, весьма полезных для будущих и настоящих лидеров. Он, безусловно, был сторонником постепенного и продуманного реформирования общества. Пушкин писал: «Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насилиственных потрясений».

Пушкин – на примере Петра I – доказывал безусловную предпочтительность продуманных и спланированных реформ импровизациям, вызванным минутой. «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые жестоки, свое-нравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего; вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика».

Видел Пушкин большую пользу и в том, чтобы внимательно изучать опыт

предшествовавших реформ. «Государыня (Екатерина II) говорила: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли было уже о том при Петре Великом, – и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано».

В основе государственности беспрекословное исполнение законов. «Где обязанность, там и закон... Закон ограждается страхом наказания, – пишет Пушкин. – Законы нравственные, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданскою преступлением, не суть законы гражданские».

Анджело в одноименной поэме говорит:

*Закон не должен быть пужало
из тряпицы,
На коем, наконец, уже садятся птицы.*

Антиреволюционный пафос в наибольшей степени проявится в «Истории Пугачевского бунта» и в «Капитанской дочке». Читаем: «Состояние сего обширного края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всех селениях на воротах барских дворов висели помещики или их управители. Мятежники и отряды, их преследующие, отымали у крестьян лошадей, запасы и последнее имущество. Правление было повсюду пресечено».

«Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и невинных... Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

ЧЕСТЬ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Пушкин не был тем идеальным человеком, которым должен быть лидер в западных учебниках лидерства. Викентий Викентьевич Вересаев в книге «Пушкин в жизни. Спутники Пушкина» писал о нем: «Был цинизм, была нередко мелкая

мстительность, была угодливость, была детская неспособность отстаивать свое достоинство и полное неумение нести естественные последствия своих действий. И все-таки исключительно благородная красота его души пламенными языками пылала в его творчестве и ослепительным светом вспыхнула в его смерти».

И конечно, Пушкин дал множество ценных советов лидерства.

Не забывайте непреложного для пушкинской эпохи, да и для любой другой эпохи: честь превыше всего. Правило «служить верно» входило в кодекс дворянской чести и, таким образом, имело статус этической ценности, нравственного закона. Помните, в «Капитанской дочке»: «Батюшка сказал мне: Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службы не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

Пушкин считал важнейшим человеческим качеством смелость, мужество. Он и сам не боялся смотреть в лицо смерти. Но при этом не путал смелость и безрассудство: «Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков».

Обостренное чувство чести и несомненное мужество приводили Пушкина к многочисленным дуэлям. Всего биографы насчитали 29 дуэлей Пушкина. В этом «безумии», безусловно, был свой «блеск»: готовность рисковать жизнью для того, чтобы не оказаться обесцещенным, требовала немалой храбости, а также предельной честности и перед другими, и перед самим собой. Человек должен был привыкать отвечать за свои слова; «оскорблять и не драться» (по словам Пушкина) считалось пределом низости.

«В минуту опасности, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью... Когда дело дошло до барьера, к нему он явился холодным, как лед». Столь лестная характеристика Пушкину дана Иваном Липранди, знамени-

тым дуэлянтом и, как полагают, одним из прототипов Сильвио из повести «Выстрел».

Пушкин обладал всеми качествами опытного и беспрогрышного дуэлянта. Упорными тренировками он достиг небывалого мастерства: попадал в карточного туза на расстоянии десяти шагов. Великолепный стрелок, легко подставлял себя под пули, но за всю бесконечную череду дуэльных стычек никого не убил и даже не ранил. Если не считать контуженного им Данте в последней, роковой дуэли.

Но в 1837 году, когда была затронута честь его жены, Пушкин, не ранивший за свою жизнь ни одного из многочисленных и порой смеюхтоворных противников, готов был драться только насмерть.

УЧИТЕСЬ ВЛАСТВОВАТЬ СОБОЙ

Лидер должен, безусловно, владеть собой. «Учитесь властвовать собой», – наставлял Онегин юную Татьяну. Исклучительно важны умение концентрироваться, планировать свою жизнь.

В 1821 году Пушкин написал Чаадаеву: *В уединении мой своеизданный гений Познал и тихий труд, и жажду размышлений.*

Владею днем моим; с порядком дружен ум; Учусь удерживать внимание долгих дум... Пушкин учил, что время – самый драгоценный ресурс, который важно тратить с большой осторожностью, чтобы затем не жалеть о бесцельно прожитых днях:

Служенье муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво: Но юность нам советует лукаво, И шумные нас радуют мечты... Опомнимся – но поздно! и уныло Глядим назад, следов не видя там.

Подлинный лидер ставит перед собой большие цели, уходящие за горизонт. Если этого не делать, никогда не дойдешь до горизонта. В «Путешествии Онегина» читаем:

Блажен, кто понял голос строгой Необходимости земной, Кто в жизни шел большой дорогой, Большой дорогой столбовой, – Кто цель имел и к ней стремился, Кто знал, зачем он в свет явился И Богу душу передал, Как откупщик иль генерал. «Мы рождены, – сказал Сенека, – Для пользы ближних и своей»

*(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет...*

ЛЮБИТЕ САМОГО СЕБЯ

Лидерство начинается с вас, с ваших сил, здоровья, воли, личных качеств. Услышьте призыв Пушкина к настоящим и будущим лидерам: берегите себя, вы достояние Вселенной, страны, ваших родителей, учителей, любимых, близких:

*Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.*

Но Пушкин предостерегал от эгоизма, самовлюбленности и баухальства: «Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благороден. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности».

Полагаю, мало кому из лидеров сильно помешало хорошее воспитание. Воспитанность – важная часть искусства нравиться людям, что во все времена являлось важным моментом в воспитании подрастающего поколения российской элиты. Пользоваться расположением окружающих исключительно важно для лидера. Кстати, самому Пушкину это не всегда удавалось. Человек, в совершенстве владеющий правилами хорошего тона, не только не тяготится ими, но обретает благодаря им свободу в отношениях с людьми, не чувствует себя стесненным в любых обстоятельствах. У всех на памяти полуироническая характеристика Евгения Онегина:

*Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.
Пушкин учил заботиться о своем
внешнем виде:
Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.*

Но, конечно, предупреждал Пушкин, все должно быть в меру.

*Смешион и ветреный старик,
Смешион и юноша степенный.*

Храбрость и выносливость, которые требуются от лидера, невозможны без соответствующей физической силы и ловкости. В Царскосельском лицее каждый день выделялось время для «гимнастических упражнений»; лицеисты обучались верховой езде, фехтованию, плаванию и гребле. Ежедневный подъем в семь утра, прогулки в любую погоду и простая пища.

Пушкин во время своих продолжительных пеших прогулок носил трость, полость которой была залита свинцом, и при этом периодически подкидывал и ловил ее в воздухе. Так он тренировал правую руку, чтобы в ней не дрогнул пистолет. Серьезной физической подготовки требовали и такие общепринятые развлечения, как охота и верховая езда. Вместе с тем в демонстрации физической выносливости был и особый шик. Молодые женщины тоже гордились своим умением хорошо ездить верхом; сестры Натальи Николаевны Пушкиной, великолепно владевшие этим искусством, не без оснований рассчитывали произвести тем самым впечатление на столичных кавалеров.

Пушкин видел прямой смысл в закаливании – и для молодых людей, и для девушек. Русскому морозы не страшны.

*И дева в сумерки выходит на крыльце:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе!
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!*

Пушкин не был трезвенником, отнюдь. Но он предупреждал об умеренности в потреблении напитков.

*Часто двигаю стакан,
Часто пью – но, слава богу,
Редко, редко лягу пьян.*

ДРУЗЬЯ МОИ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!

Лидерство – не сольное выступление, а командная игра. Уверяю вас, множество участников вашей команды будущего сидит сейчас в этой аудитории. Присмотритесь к ним. Они ваша надежда и опора в долгой и непростой жизни.

Чувство дружбы было для Пушкина святым, он доказывал это всей своей

жизнью. Особенно ценил он лицеистскую дружбу:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Все же мы: нам целый мир чужбина;
Отчество нам Царское Село.

И я слыхал, что Божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихой дружбы свет.
Даже состоявшийся лидер не может
сделать все сам. Пушкин подтверждал
справедливость пословицы:
Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажги другую, – что ж? изба светлее
стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

УЧИСЬ, МОЙ СЫН, И ЛЕГЧЕ И ЯСНЕЕ ДЕРЖАВНЫЙ ТРУД ТЫ БУДЕШЬ ПОСТИГАТЬ

Пушкин отлично понимал, что образованные, самостоятельные и мыслящие люди – один из основных ресурсов страны. Сам Пушкин был высокообразованным человеком. И призывал других стать такими же, предупреждая при этом, что даже наука не может всего предвидеть и роль случая очень велика:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

В уста Бориса Годунова он вкладывает слова:

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.
Учись, мой сын: наука сокращает
Нам опыты быстротекущей жизни –
Когда-нибудь, и скоро, может быть,
Все области, которые ты ныне
Изобразил так хитро на бумаге,
Все под руку достанутся твою.
Учись, мой сын, и легче и яснее
Державный труд ты будешь
постигать.

Из Кишинева Пушкин наставлял брата и сестру: «Чтение – вот лучшее учение – знаю, что теперь не то у тебя на уме, но все к лучшему».

БЛАЖЕН, КТО КРЕПКО СЛОВОМ ПРАВИТ

Лидер должен первоклассно владеть пером и словом. И у кого здесь получиться, как не у Пушкина – первого пера России. У Пушкина достигнута полная гармония между содержанием и формой. «Он не поступался ни смыслом ради звуков, ни звуками ради смысла. То и другое было таким, каким он хотел, чтобы оно было», – замечал Валерий Яковлевич Брюсов.

Пушкин знал силу слова: «Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда... Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом...»

Говорить и писать можно и нужно научиться. Мнение, будто Пушкин писал легко и быстро, ошибочно. Письма своим друзьям он переписывал по пять-шесть раз, над одним стихотворением он мог сидеть и неделю, и месяц. Лев Толстой скажет: «Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения. Мы читаем у Пушкина стихи такие гладкие, такие простые, и нам кажется, что у него так и вылилось это в такую форму. А нам не видно, сколько он употребил труда для того, чтобы вышло так просто и гладко...»

Пушкин учит ответственности за каждое свое слово.

Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию;
Но кто болтлив, того молва прославит
Вмиг извергом...

Для лидера необходимо безупречное владение родным языком. Именно Пушкин, по сути, создал современный русский язык, отстоял его в те времена, когда российская элита предпочитала изъясняться по-французски. Он знал, что благодаря усилиям Кирилла и Мефодия, создавших старославянский язык, Русь

была одной из немногих стран, постигших и слово Божье, и сокровища мировой культуры из наиболее развитой страны тогдашнего мира, Византии, на родном языке (языком образованной Европы была народная латынь).

«Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей», – писал Пушкин.

ХВАЛУ И КЛЕВЕТУ ПРИЕМЛИ РАВНОДУШНО И НЕ ОСПОРИВАЙ ГЛУПЦА

Настоящий лидер должен уметь держать удар. Неприятности, взлеты и падения будут обязательно. А в политику вообще лучше не идти, если у вас кожа тоньше, чем у слона. У Пушкина было множество взлетов и падений, и он всегда переносил их с удивительным достоинством.

Валерий Яковлевич Брюсов писал: «К началу 30-х годов окончательно обозначился разрыв между Пушкиным и современным ему кругом читателей. Уже «Борис Годунов» был встречен полным непониманием. Ряд других величайших созданий Пушкина нашел самый холодный прием со стороны критики и общества. Все, даже молодой Белинский, говорили «об упадке пушкинского таланта» именно тогда, когда гений поэта вполне раскрылся. Пушкин понял, что должен оставить все попытки подойти к своему читателю, то есть снизойти до него». Чувствуя свою правоту, не отступай от избранного пути:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,

Не требуя наград за подвиг
благородный.
Они в самом тебе.
Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь
ты свой труд.
Ты им доволен ли,
взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа
его бранит
И плюет на алтарь,
где твой огонь горит,
И в детской ревности
колеблет твой треножник.

Надо не обижаться, а делать выводы. «Никогда не забывай умыщенной обиды, – будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление», – учил Пушкин.

Вот стихотворение «Совет», которое в 1825 году было адресовано Вяземскому:

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учитывых слов,
Не возражай на тиск и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной этиграммой.

И, конечно, на любую критику и небылицы нужно реагировать с юмором, как Пушкин в письме супруге из Болдино: «Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет – перед ним стоит штоф славнейшей настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! – Это слава».

Так что, когда услышите о себе множество небылиц – это слава.

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ

Настоящий лидер – всегда патриот своей страны.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

<...>

Животворящие святыни!
Земля была б без них мертвa,
Как... пустыня
И как алтарь без божества.

Пушкин иронизировал: «Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со временем Кн. Потемкина, имеют некоторое понятие

о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвины, и что дети их бегают в красной рубашке». Пушкин учил, не закрывая глаза на недостатки своей страны (где их нет?), уважать свое Отечество и его историю.

В 1836 году в журнале «Телескоп» были опубликованы «Философические письма» Чаадаева: «Мы явились в мир, как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, которые нам предшествовали, не усвоили себе ни одного из поучительных уроков минувшего... Мы принадлежим к нациям, которые, кажется, не составляют еще необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы со временем преподать какой-нибудь великий урок миру».

Чаадаеву возражали многие, образнее других – Пушкин. «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться, – писал он Чаадаеву. – Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полуза�отый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую исто-

рию, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал».

Лидер хорошо понимает, в какой стране он живет, знает ее, чтит ее традиции.

«Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим», – уверял Пушкин.

Лидер чтит своих предков, знает свою родословную. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие». «Государственное правило, – говорит Карамзин, – ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному».

Уважение традиции предполагает уважение национальных символов, среди важнейших из них – столицы.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночных
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны стяющие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

Да и первопрестольная Москва, в которой прошло все детство, пусть и не так любимая, как Санкт-Петербург:
Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!..
Как сильно в нем отозвалось!
В изгнанье, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

Россия – страна множества верований, в которой живут люди разных национальностей. Пушкин, который оказался в ссылке за безбожие, на самом деле был верующим человеком. «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни одного выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием – и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в си-

лах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Но уважал Пушкин и другие религии. В «Альбоме Онегина» читаем: В Коране мыслей много здравых, Вот, например: «Пред каждым сном Молись, беги путей лукавых, Чти Бога и не спорь с глупцом».

При описании других народов в трудах Пушкина нет высокомерия, он ими, скорее, любуется. Вот отрывок из «Кавказского пленника»:

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду браны,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу дланей;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склоняясь, на стремена
Ногоюстройной отираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешан;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный –
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный.

А ПЕТР ВЕЛИКИЙ, КОТОРЫЙ ОДИН ЕСТЬ ЦЕЛАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ!

Уважение своего прошлого предполагает уважение к великим историческим фигурам. К таким Пушкин, без сомнения, относил Петра I.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Самодержавно рукою
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.
Можно точно определить тот момент,
когда Россия стала великой европейской державой. Под Полтавой:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звука,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
<...>
Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.
Пирут Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царской тиар его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
Очень высоко, хотя и неоднозначно,
Пушкин оценивал основателя нашего университета, Михаила Васильевича Ломоносова. «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он

свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый».

Пушкин едва ли не боготворил Михаила Илларионовича Кутузова: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?»

РАДИЩЕВ НАЧЕРТАЛ КАРИКАТУРУ

Лидер, прекрасно видя все недостатки, уважает настоящее своей страны, свой народ, избегает самоуничижения. Основоположником российского либерализма, а одновременно и типом первого русского интеллигента был Александр Николаевич Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Его слова – «душа моя страданиями человеческими уязвлена была» – стали, по сути, матрицей сознания русской интеллигенции. Екатерина II сочла книги Радищева богомерзкими, заклеймила его «бунтовщиком, что хуже Пугачева» и осудила на смертную казнь, замененную ссылкой.

Пушкин не случайно совершают обратное путешествие с томиком Радищева в руках и пишет в 1836 году «Путешествие из Москвы в Петербург», где категорически расходится с предшественником. «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналь; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приоровленные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить?» «Очевидно, что Радищев начертал карикатуру», – считал Пушкин. Он рас-

сказывал о простых людях России, с которыми ежедневно сталкивался, общался, когда бывал в своих имениях. «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смыслености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют *un badaud* (ротозей); никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день... Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насилиственных потрясений политических, страшных для человечества».

ОН БОДРО, ЧЕСТНО ПРАВИТ НАМИ

Пушкину немало доставалось, особенно в 1830-е годы, за «низкопоклонство перед властью». Это не было «низкопоклонство». Это было уважение к руководству собственного государства, что было несвойственно русской интеллигенции. Пушкин хорошо понимал:

Власть верховная не терпит слабых рук...

В одном из немногих стихотворений, которые Николай I не позволил печатать, читаем:

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смело чувства выражая,
Языком сердца говорю.
Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;*

*Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.
О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.
<...>
Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.
Личный цензор Пушкина опасался
обвинений в подхалимаже.*

Впрочем, постепенно отношения Пушкина и Николая I стали не такими теплыми, как ранее. Высочайший указ придворной конторы от 31 декабря 1833 года гласил: «Служащего в министерстве ин. дел тит. сов. Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали мы звание камер-юнкера двора нашего». Натали была в восторге, это открывало ей доступ ко двору. Но не Пушкин. Вяземский напишет великому князю Михаилу Павловичу 14 февраля 1837 года: «Ключ камергера был бы отличием, которое бы он оценил, но ему казалось неподходящим, что в его годы, в середине его карьеры, его сделали камер-юнкером наподобие юношей и людей, только что вступающих в общество». Впрочем, сам Пушкин понимал: «Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах – и верно не думал уж меня кольнуть». Пушкин был прав. «Царь не мог нарушить закон. Имея на гражданской службе чин титулярного советника, хотя давно «никакой службы не исполнял», Пушкин не мог иметь при дворе чин выше камер-юнкера (в тот период камер-юнкеров насчитывалось около ста человек)», – пишет в книге «Николай I» А.Н. Баханов. Кроме того, поэт подозревал, что император приблизил его к себе, чтобы иметь возможность танцевать на балах с Натальей Пушкиной.

В 1836 году Пушкин с полным основанием написал строки, которые может себе позволить только настоящий лидер:

*Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру – душа
в заветной лире*

*Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один птиц.
Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век
восславил я свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью Божию, о музу, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.*

В ноябре 1836 года Пушкин получил анонимный пасквиль, где его возводили в ранг заместителя великого магистра рогоносцев. К тому времени за женой поэта уже год ухаживал барон Жорж Данте, приемный сын нидерландского посланника в Москве.

Противники стрелялись 27 января на Черной речке по правилам французских дуэлей: «Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга и пяти шагов (для каждого) от барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам». Стреляли оба участника. Оба не промахнулись». Николай I писал в день его смерти, 29 января 1837 года, графу Киселеву: «Он погиб, Арендт (доктор) пишет, что Пушкин проживет еще лишь несколько часов. Я теряю в нем самого замечательного человека в России». Данте доживет до глубокой старости.

Гоголь справедливо утверждал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Двести лет, о которых говорил Гоголь, прошли. Ровно через двести лет после Пушкина на свет появились вы.

Будьте достойны тех надежд, которые на вас возлагали наши великие предки. Настоящие лидеры.

ОТ ВЕЛИКОГО ДО СМЕШНОГО...

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ РУСИ, ДА И ВООБЩЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ, НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ВЕКОВ СУЩЕСТВОВАЛ МАЛО ПОКА ИЗУЧЕННЫЙ И ЧУЖДЫЙ КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА. САМИ МЫ О ЮРОДИВЫХ ЧАЩЕ ВСЕГО НИЧЕГО И НЕ ЗНАЕМ, КРОМЕ РАЗВЕ ЧТО ИМЕНИ, ДОШЕДШЕГО ДО НАС ЧЕРЕЗ ВЕКА. ТАК, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ОБСТОИТ ДЕЛО С ВАСИЛИЕМ БЛАЖЕННЫМ, ИМЕНЕМ КОТОРОГО НАЗВАН МОСКОВСКИЙ ХРАМ ПОКРОВА НА РВУ. Но кто был этот Василий? Чем знаменательна его жизнь? И почему, несмотря на все странные словеса и выходки, которые он чинил при жизни, после смерти он и еще десятки юродивых по всей Руси были причислены к лику святых?

ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ ОБЩЕСТВО ПРОЗРЕТЬ святость за безумием и социально-провокативным поведением? Об этом «Русскому миру.ru» рассказывает автор монографии «Блаженные похабы», профессор Высшей школы экономики, доктор исторических наук Сергей Аркадьевич Иванов.

— Сергей Аркадьевич, ваша книга вышла двумя изданиями с разницей в десять лет. Претерпели ли ваши взгляды на юродство какие-нибудь изменения за эти годы?

— Культурная ситуация юродства на поверку вышла гораздо сложнее, чем мне представлялось сначала. Когда я готовил первое издание своей монографии, слово «юродивый» представлялось мне все разъясняющей музейной биркой. Однако «юродивый» — это не бирка, это не определение чего-то, что существует в объективном мире. Скорее, это обозначение того, что существует в сознании людей. Которые видят какой-то дополнительный смысл, второй смысл за поведением, в котором, может быть, ничего нет, кроме безумия. Или религиозного фанатизма — чего угодно! Юродивого создает социум. Культура, если хотите.

— Юродство зародилось в византийских провинциях — Египте и Сирии — спустя сто с небольшим лет после того, как христианство стало государственной религией империи. Кто же такой юродивый?

— Само греческое слово «салос», которое мы переводим как «юродивый», в папирусах V века носит еще обычный, бранный характер — «псих», «ненормальный». И только религиозная литература приписала ему особый смысл — «безумный ради Христа». Как могло так получиться? Любое поведение, выходящее за общепринятые рамки, может быть названо юродством только в том случае,

если его свидетели усматривают за ним некую особую мотивацию, отсылку к другой, в рамках религиозной культуры, — божественной реальности. Конечно, тут вспоминаются слова апостола Павла из Послания к Коринфянам: «Мы безумны Христа ради...» Но не будем забывать, что это — позднейшая ретроспекция, объяснение мотивации юродства задним числом. Если уж на то пошло, то и сам Христос вел себя подчас весьма буйно. Но дело не в этом.

— А в чем?

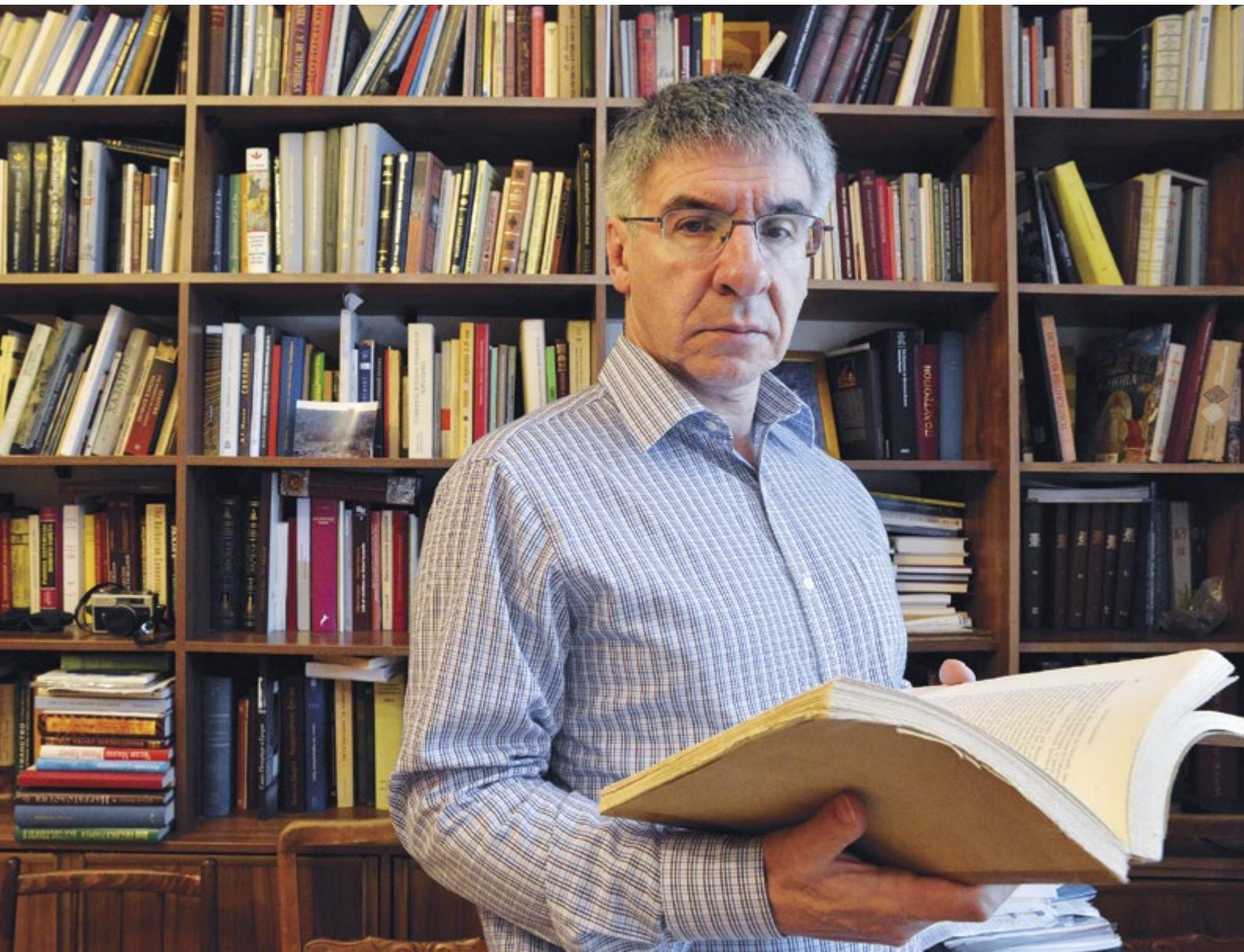
— В том, что юродство не могло возникнуть в рамках эсха-

Юродивый с картины В.И. Сурикова
«Боярыня Морозова»

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Сергей Иванов
в своем кабинете

тологической религии раньше, чем в самой этой религии возник некий застой. Конец света, возвещенный Христом, не наступил, ощущение каждого дневной готовности к Судному дню, его ежедневное напряженное ожидание – мученичество, например, за веру, – все это отходит на второй план. Добрый христианин – это хороший прихожанин, лояльный гражданин, дает копеечку нищему, ходит к причастию – и что? И все?! И вот ради этого все и было, что ли? У нас рабы, у нас любовницы, у нас богатые, бедные, у нас тираническая власть, никуда ничего не делось. Во имя чего тогда все было? И вот тогда в религиозной среде рождается желание встряхнуть мир: появляются египетские столпники, синайские отшельники и вот те самые «безумные Христа ради», которые своими «подвигами» не дают остыть религиозному напряжению прежних веков. Одну из первых юродивых описывает ученик Иоанна Златоуста, епископ Палладий Еленопольский,

повествуя о том, как в египетскую женскую обитель явился великий праведник Питирум, ибо ангел поведал ему, что в монастыре живет женщина, которая праведнее его самого. Ему показали всех монахинь, но он упрямо отвергал их, говоря, что избранную он узнает по короне. И вот ему показывают последнюю монахиню – сумасшедшую с половой тряпкой на голове, надетой вместо короны. Увидев ее, Питирум пал ниц. Испуганные монахини бросились поднимать праведника, говоря: учитель, не срами себя, она безумная. На что Питирум ответил: «Это вы безумны, а она амма (духовная мать) мне и вам». Услышав его приговор, монахини пали ему в ноги, признаваясь в грехах, совершенных ими по отношению к юродивой. Первоначально «сумасшедшая» даже не имеет имени: но по мере того, как эта история развивается в других сочинениях, к ней прирастает имя – сначала Исидора, потом Онисима. Завершается же сюжет тем, что юродивая убегает из

обители. После того как ее инкогнито раскрыто, она уходит, потому что не может уже продолжать быть юродивой. Вообще, жанр юродского жития возник из легенд о «тайных слугах Господа».

– Поведение византийских юродивых сильно отличалось от того, что позже наблюдалось на Руси?

– У византийского юродства протестная мотивация другая. Оно направлено прежде всего против усиливающейся церковной рутины, но не против власти, как это было на Руси. Потому что в Византии политическая власть находилась все-таки в сложном балансе, во взаимоупоре с церковной властью. Недаром всякий человек, который сегодня входит в храм Софии Константинопольской, первое, что видит над царскими вратами, – это мозаику, на которой византийский император лежит ниц перед престолом Христа. И это такой манифест могущества церкви по отношению к светской власти. Вот поэтому византийский юродивый и срывает литургию, безобразничая в храме: на церкви как институте больше ответственности. В то же время церковь – институт очень лабильный, пластичный. Чего она не может побить, то пытается возглавить. Поэтому церковь канонизировала Симеона Эмесского (монах, юродивый и святой VI века, около 29 лет прожил в пустыне у Мертвого моря, затем пришел в город Эмес, где имитацией безумия и странными поступками обличал грешников и отвращал людей от грехов. – Прим. ред.), но после этого состоялся Трулльский собор (в 691–692 годах в Константинополе. – Прим. ред.), который запретил юродство. Новый его подъем начался только через несколько столетий, да и то, юродство уже знало свои рамки, оно уже не срывало литургии, оно было уже достаточно приученным. Потом церковь с некоторым скрипом примирилась со святостью Андрея Царьградского – и, в общем, все... Мы знаем имена еще нескольких византийских юродивых, но на них нет житийных текстов. Мы знаем имена – и больше ничего. Так что, похоже, этих других юродивых к канонизации уже не допускали.

– В вашей монографии говорится, что юродство возрождается потом только на Руси. В других православных странах его нет – ни в Грузии, ни в Сербии, ни в Болгарии. К какому же веку прописать возникновение русского юродства?

– Первое юродство зафиксировано еще в Киево-Печерском патерике: речь идет об Исаакии Печерском, который умер в 1090 году. Но это, если хотите, целиком литературный факт, прямое заимствование византийских житийных стереотипов. Исаакий Печерский жил в Киево-Печерской лавре, безобразничал, «нача уродство творити и пакости нача: ово игумену, ово же братии, ово мирским человеком», ну, в общем, все как положено. Но этот факт был единичным. Настоящее русское юродство появляется в XV веке и прямо связано

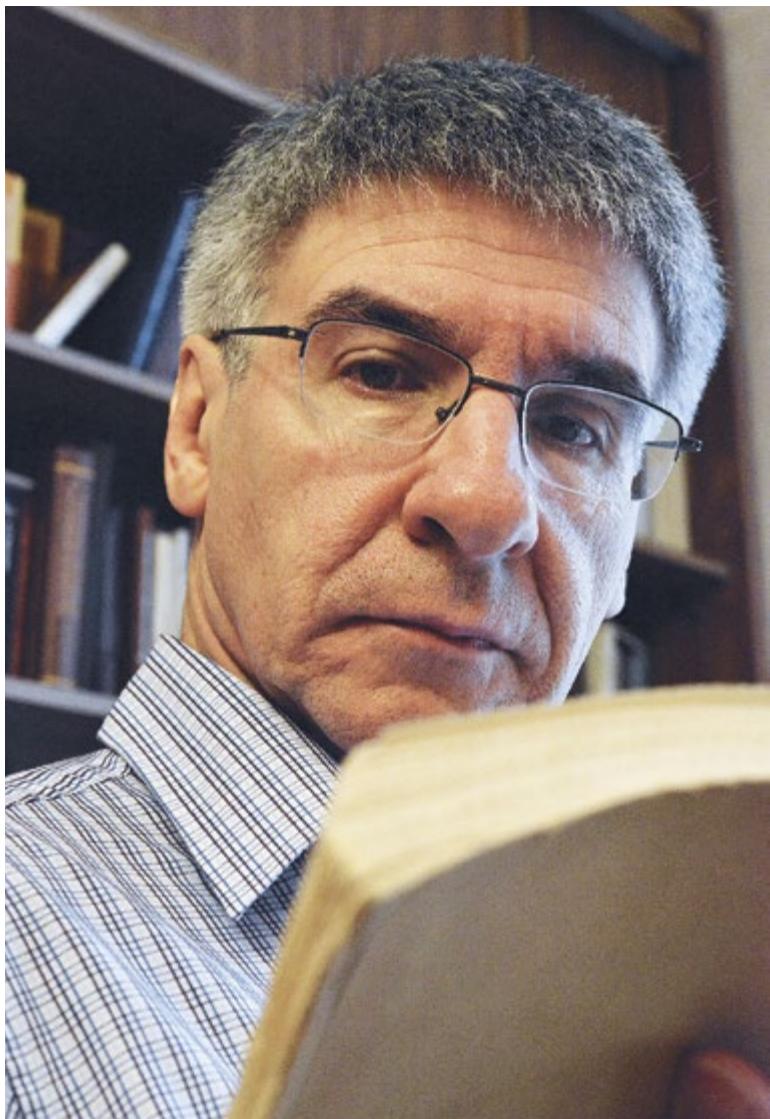
Святой блаженный
Исаакий Печерский

с возникновением централизованного Московского царства. Оно возникает не в Южной, а в Северной Руси, максимально далеко от Византии. Впоследствии, когда писали Жития первых русских юродивых, их отнесли в более древние времена – в XIII, в XIV век, – но реально первые юродивые на Руси – это Исидор Твердислов Ростовский и Прокопий Устюжский. Оба культа относятся уже к XV веку. Что мы знаем о них? Только то, что записано в Житиях. Прокопий Устюжский тихо себе юродствовал в Великом Устюге, его действительно считают самым древним из севернорусских юродивых.

Вел он себя странно: в мороз ходил голый, случалось, приставал к прохожим. Но ничего такого уж запредельного не делал. Иконографический образ Прокопия двойствен: есть изображение его голого, в одной сорочке, с двумя кочергами в руках. Знаете поговорку «ни Богу свечка, ни черту кочерга»? Так вот он, видимо, был «черту кочерга». Но на втором образе он почему-то в кафтане и сапогах. Так что там какая-то своя история. Может быть, он начинал как местночтимый святой, но потом, по моде своего времени – а в XV веке на юродство была настоящая мода – переквалифицировался в юродивого и «состоялся» именно как юродивый. Исидор Твердислов – ну, потому что, видимо, он все время твердил какое-то одно слово. С другой стороны, он был латинянин, иностранец и просто мог говорить, «твердить» на незнакомом и непонятном языке. Тут все, что угодно, можно предполагать. Может быть, у него было «твердое слово»: раз сказал – выполнил. Но, повторяю, этого мы не знаем.

В отличие от византийского русское юродство концентрируется именно на парадоксе политической власти: политическая власть на Руси присвоила, забрала себе прерогативу власти духовной. Но обок с нею всегда маячит неудобная, обличающая ее, во многом отвратительная фигура юродивого. В XVI веке был такой юродивый – к сожалению, я никак не подготовлю издание его Жития – Симон Юрьевецкий в городе Юрьевце на Волге. И он все время приходил домой к воеводе и там безобразничал. Били его ужасно, но он все равно все время приходил безобразничать именно на двор к воеводе Третьяку Трегубе.

Однажды занялся в Юрьевце пожар. И тут как раз около воеводы оказался наш юродивый. И в полной безвыходности воевода говорит: «Ну вот, юродивый, может, ты можешь остановить этот по-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

За книгой

жар?» Юродивый ка-ак съездит ему по физиономии! И пожар тут же потух.

Значит, тем самым политическая дерзость была как бы условием его чудотворения. Правда, другой воевода, Федор Петелин, который пришел на смену старому, увидев, как Симеон безобразничает у него на дворе, убил его. Не сдержался. Так что юродивый – это опасный статус. Недаром высокопоставленный византийский чиновник Кекавмен пишет в наставлении своим сыновьям, что с юродивыми лучше не иметь дела, а то шутишь с ними, шутишь, а дощучиваешься до того, что тебе хочется его убить.

– Мы пропустили важную вещь: среди византийских книг, которые пришли на Русь, было, как вы сказали в одной из своих лекций, колоссальное Житие византийского Андрея Юродивого. Так что базис для юродства, его культурная основа все-таки были подготовлены книжностью...

– Да, Житие Андрея Юродивого. Причем этот действительно громадный по объему текст был переведен именно на Руси – и, по-видимому, в Новго-

роде – уже в XI веке. Он был известен в огромном количестве списков и пользовался настолько большой популярностью, что уже в XII веке породил церковный праздник, которого нет в Византии и который целиком построен на одном из эпизодов этого Жития. Это всем хорошо известный праздник Покрова.

– Какой же эпизод Жития был задействован?

– Андрей Юрдиивый молился во Влахернском храме Константинополя и вдруг увидел Богородицу, которая простирает над молящимися свой наплечный платок – мафорий. Из молящихся ее никто не видит. Только Андрей своими духовными очами видит ее и показывает ее своему ученику Епифанию. Вот и все. В Житии этот эпизод абсолютно проходной. Но почему-то он на наших предков произвел такое сильное впечатление, что возник целый отдельный праздник Покрова. И икона. Икона Покрова Богородицы, опять-таки, не имеющая прототипа в византийской иконописи.

– А что можно сказать о Василии Блаженнем? Он ведь современник Ивана Грозного. А Грозный не только почитал тех, кто считал, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом», он юродивых побаивался, верил, что по пророчеству юродивого он сам родился, по пророчеству юродивого взял Казань, верил в пророческий дар Василия Блаженного, а тот не боялся говорить в глаза царю такие слова, которые другие произнести не смели...

– Грозный ведь и сам постоянно юродствовал – до кощунства, – поэтому и к юродивым у него было соответствующее отношение. Подобно тому как благочестивые миряне не могут судить о запредельных поступках юродивого и должны верить, что за его беснованием скрывается святость, точно так же, обладая абсолютной властью, царь полагал, что подданные должны покоряться его божественной власти независимо от его поступков. Царь Иван хотел доказать себе, что власть – не условное человеческое установление, что царь – не тот, кто в данный момент восседает на троне. Отсюда – его уход в опричную слободу. Он считал, что его царственность – вещь абсолютная, не зависящая от такой бирюльки, как шапка Мономаха, что она пойдет за ним куда угодно. Грозный, можно сказать, экспериментировал с собственной царственностью, подобно тому как юродивый своими кощунствами исследует пределы Божьей милости к себе. Например, на свадьбе племянницы Грозный велел гостям плясать под напев псалма святого Афанасия, да и сам пустился в пляс с молодыми монахами, отбивая такт ударами жезла по их головам. Весь уклад опричного двора царя Ивана в Александровой слободе был пропитан духом кощунства. Этим подчеркивался запредельный характер его власти. Василий Блаженный был одним из самых почитаемых на Руси юродивых. Но и он тоже – фигура страшная, и это нужно осознавать. Однажды

он увидел мужчину, изображавшего покойника, помолился – и этот человек действительно умер. Вот так – убил человека. Он с удовольствием кидался камнями в дома почтенных и благочестивых людей и, наоборот, целовал углы домов, где жили люди плохие и развратные. Потому что понятно: из домов благочестивых людей бесы убегают – вот он и целит в них камнями, – а из домов плохих людей выходят ангелы-хранители, и этих-то ангелов он и целует на выходе.

Главное прозрение Василия – изобличение «дьявольской» иконы Пресвятой Богородицы, которая была вывешена в Варварских воротах Китай-города. В народе икона очень скоро получила статус чудотворной: при ней стали случаться чудесные исцеления, народ стекался к ней рекой. И вот, придя к Варварским воротам с одним дьяконом, который хотел быть учеником Блаженного, Василий взглянул на икону и, подняв с земли крупный камень, велел ученику разбить образ. Тот не посмел: икона исцеляет, чудотворит – какое еще может быть доказательство ее святости? Тогда Блаженный сам с такой силой бросил камень в икону, что она треснула и упала. Его стали нещадно бить. Но он потребовал, чтобы с иконы сняли первый слой краски, и, когда Богородичный образ был смыв, на досках обнаружилась личина дьявола, который, как оказалось, все время искушал иконописца...

– Грозный отказался от разгрома Пскова, когда повстречавшийся ему на улице юродивый Никола Салос протянул ему кусок сырого мяса и предложил отведать его. Грозный отказался, сославшись на пост, но юродивый настаивал: но ведь человечиной ты питаешься...

– Отказался, да. Но этот случай с Николаем Салосом более всего дает нам возможность понять, насколько образ святого-юродивого есть конструкт современной ему церковной культуры. Действительно, в конце зимы 1570 года Иван Грозный, потопив в крови Новгород, двинулся с той же целью на Псков. Царю надо было разгромить и подчинить Москве две северные русские республики. И вот, при въезде войска в Псков, царь вдруг сталкивается с неодолимым препятствием в лице человека. Первый свидетель всего этого, немец-опричник царева войска Генрих Штаден, повествует, что по въезде в город царь достиг подворья некоего мужика Микилы, который, хоть и жил один, без жены и детей, водил много скота и жил «прожиточно». И этот Микила будто бы бесстрашно сказал царю: «Довольно! Отправляйся домой». И Грозный ушел из Пскова.

Следующая версия развития событий родилась позже, но не менее поэтична: при въезде в Псков сам царь якобы «прииде» к некоему Никуле-уродливому (вот, он уже юродивый!), который сказал царю: «Не замай, милухне, нас, и не пробудет ты за нас! Поеди, милухне, ранее от нас опять. Не на чом ти бежати!» Действительно, под царем пал конь. И Грозный ушел из Пскова.

В 1573 году с псковским чудотворцем, которого он называет мошенником или колдуном, общался английский посланник Джером Горсей. Причем сообщал, что Микила Свят – Горсею он известен под таким именем – обрушился на царя с проклятиями и обещал, что, если хоть один волос с упадет с детской головы, того ждут неисчислимые бедствия и огненное облако – смер-

И.А. Пелевин.
Царь Иоанн
Грозный в келье
юродивого
Николы Салоса
в Пскове.
1877 год

тоносная гроза. И Грозный ушел из Пскова.

Любопытно, что, поскольку дело происходит 20 февраля, никаких гроз быть в принципе не может. Но юродивый выигрывает у царя на его же поле: ты – Грозный, и я – Грозный. Они амбивалентны, но даже в своей полярности на социальной лестнице – оба они абсолютны. Грозный понимает это – и уходит.

Эпизод с куском сырого мяса, протянутым царю юродивым Николай Салосом, принадлежит, кстати, к наиболее поздним изводам этого мифа.

– Но так не могло продолжаться долго: мы знаем, что очень благоволил юродивым царь Федор Иоаннович, что Борис Годунов ходил к юродивой Елене... Но потом почти на пятнадцать лет в стране воцаряется Смута. Традиция могла прерваться. И не возродиться уже при Романовых.

– Да, времена Грозного, Федора Иоанновича – это время максимального расцвета московского юродства. Ивана Большой Колпак даже отпевали в присутствии царя Федора Иоанновича, митрополита и бояр, и сам Большой Колпак, и прах Василия Блаженного были тогда захоронены в церкви Покрова на Рву. Храм потом стали называть собором Василия Блаженного...

В XVI веке юродивых активно канонизируют. А вот на рубеже XVI–XVII веков канонизации прекращаются. В древнерусском «похабстве» изначально профетизм, то есть пророчествование, перевешивал все другие проявления странной юродской святости. Пророческая функция является для многих юродивых практически единственным их чудесным даром, о котором сообщается в источниках. Позднее профетизм фактически вытеснил в юродстве бытовую разнозданность. Пока пророчества касались лишь частных вещей, это было не опасно, но юродивые постепенно входили во вкус политических прорицаний. «Похабы» вместе изображались на иконах, им писали общие службы. Превращение одиночек в группу не могло пойти им на пользу. Власть, терпевшая каждого «похаба» в отдельности, не готова была примириться с существованием «юродской оппозиции». Церковь начала потихоньку теснить «похабство» как институт.

Еще даже Жития пишутся, но юродивые больше не становятся «святыми». Ну а уж когда пришел Петр I... Петр вообще не любил все нерегулярное: нерегулярную армию – стрельцов, церковь нере-

Святой блаженный Иоанн Большой Колпак

гулярную – он сделал ее просто министерством, подчинив Священному Синоду...

– Во времена Петра религиозная жизнь еще не знала покоя: люди уходили в раскол, в старообрядчество...

– Это разные вещи, юродство и раскол, но это все, опять же, о том, где живет православная вера. Все юродивые, какие были, – они все встали на сторону старообрядчества, и многие из них приняли даже мученическую кончину: Киприан, Феодор Юродивый – они были казнены за преданность старой вере.

Но как вам сказать? Старообрядчество, разумеется, это тоже форма духовного подвига – особенно на первом этапе, когда для этого нужно иметь невероятную силу духа. Но вообще говоря, все церковные реформы и все церковные движения – это всегда попытка найти, где же конечная правда. Все экстатические секты – всё про это. На

прямых путях не получается, Царство Божие не приходит, счастья нет. Но оно где-то же есть? Ну, будем искать...

В отличие от любого религиозного реформатора или пророка юродивый ничего не ищет. Он принципиально один. Недаром же Василий Блаженный прогоняет от себя ученика, отказавшегося разбить икону. У юродивого не может быть учеников, потому что он ничему не учит. Он говорит, что все неправильно, но он не говорит, как правильно. Поэтому что юродство – это один большой, так сказать, вопрос, обращенный к сознанию христианского социума. Зеркало, заглянув в запредельную реальность которого общество ужасается.

Задача юродивого – шокотерапия. Он этим заканчивает. Противоположной была судьба всех, так сказать, псевдоюродивых в западном христианстве. Там иногда случались тоже такие люди, но они сначала побезобразничивают, а потом устраивают какое-нибудь религиозное движение. Таким, например, был некий Джованни Коломбини в Италии в XIV веке. Он сначала безобразничал очень похожим на юродивых образом, но потом основал новый религиозный орден – иезуитов. Не путать с иезуитами. Так что шокотерапия в западном христианстве приводит к какому-то социальному действию уже в реальной жизни на земле, а православный юродивый принципиально говорит, что нет, на земле ничего получиться не может, надо просто помнить, что земная жизнь – такая вот обреченная. Так что тут огромная разница.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

– Удивительно, что юродство, несмотря ни на что, оказалось столь живучим. Значит, оно выполняет какую-то важную функцию. Какую?

– Сначала оно выполняло важнейшую функцию такого социального клапана, которым сбрасывается общественное давление. Потом, в течение XVIII века, это исчезает: при Анне Иоанновне юродивых просто вешали на дыбу, а при Екатерине II, в соответствии с новыми, гуманными веяниями, стали сажать в сумасшедшие дома. И все же юродство дотянуло до XIX века. Юродивые в это время еще существуют, но уже как приживалы в купеческих и дворянских домах. И у Толстого в «Детстве» они есть, и у Бунина описаны юродивые. Это калики перекожие, полусумасшедшие странники – никто уже не прислушивается с ужасом к их бормотанию, они уже не являются пророками, какими они были. Но они все еще есть... Один был знаменитый – Иван Яковлевич Корейша. Он жил в сумасшедшем доме. К нему

туда приезжали купчихи спрашивать про свою жизнь. Он давал какие-то советы. Но понятно, что когда к человеку приезжают в сумасшедший дом, то это вам уже не Никола Псковский, который мог дать отповедь царю. Так что название осталось, а суть, конечно, сильно выхолостилась. И чем более светским является государство, тем, конечно, меньшее значение имеет в нем юродивый.

Современному человеку, даже специалисту, непросто представить себе, как выглядел Василий Блаженный

– Сейчас необыкновенно популярна блаженная Матрона Московская. Она юродивая или просто принято ее так называть?

– Как вам сказать? Вообще, ничего специально юродского она не делала. Она была пророчица в каком-то смысле. Ее образ лепят как образ прородицы. Она слепая. Слепая женщина по определению не может быть юродивой. По-моему, уж если русский юродивый чем-то знаменит, то оскорблениеми в адрес власти имущих. Ну и что же, она товарищу Сталину, по это-

П.А. Сведомский.
Юродивый

му мифу, сказала что-нибудь оскорбительное? Нет. Наоборот – благословила его на смертный бой. Что же в этом юродского? Она в каком-то смысле предала великую традицию русского юродства, которая бросает вызов политической власти. А уж кому бы бросить вызов, как не разрушителю церквей и убийце тысяч священников, монахов и епископов. Ах нет – благословляет. Так что какая она юродивая, если всерьез говорить?..

– Эпиграфом к своей книге вы выбрали слова Венедикта Ерофеева: «Мы – святые, а они – корректические. Скажите, пожалуйста, неужели же Бог придет к корректическому человеку?» Это явная провокация.

– Да.

– Был ли Веничка Ерофеев юродивым? В ком сегодня, кроме отдельных болжей, проявляются юродивые черты? Мне почему-то приходит на ум художник Олег Кулик, который, раздевшись донаага, изображал из себя собаку и писал другим на брюки, кусал прохожих, но потом состоялся, добился успеха, стал выставляться и быть собакой перестал.

– Я с вами не соглашусь. Олег Кулик... Все же про него никто не думал, что он собака. Он играл собаку, и в этом смысле он был шутом. Ну, в каком

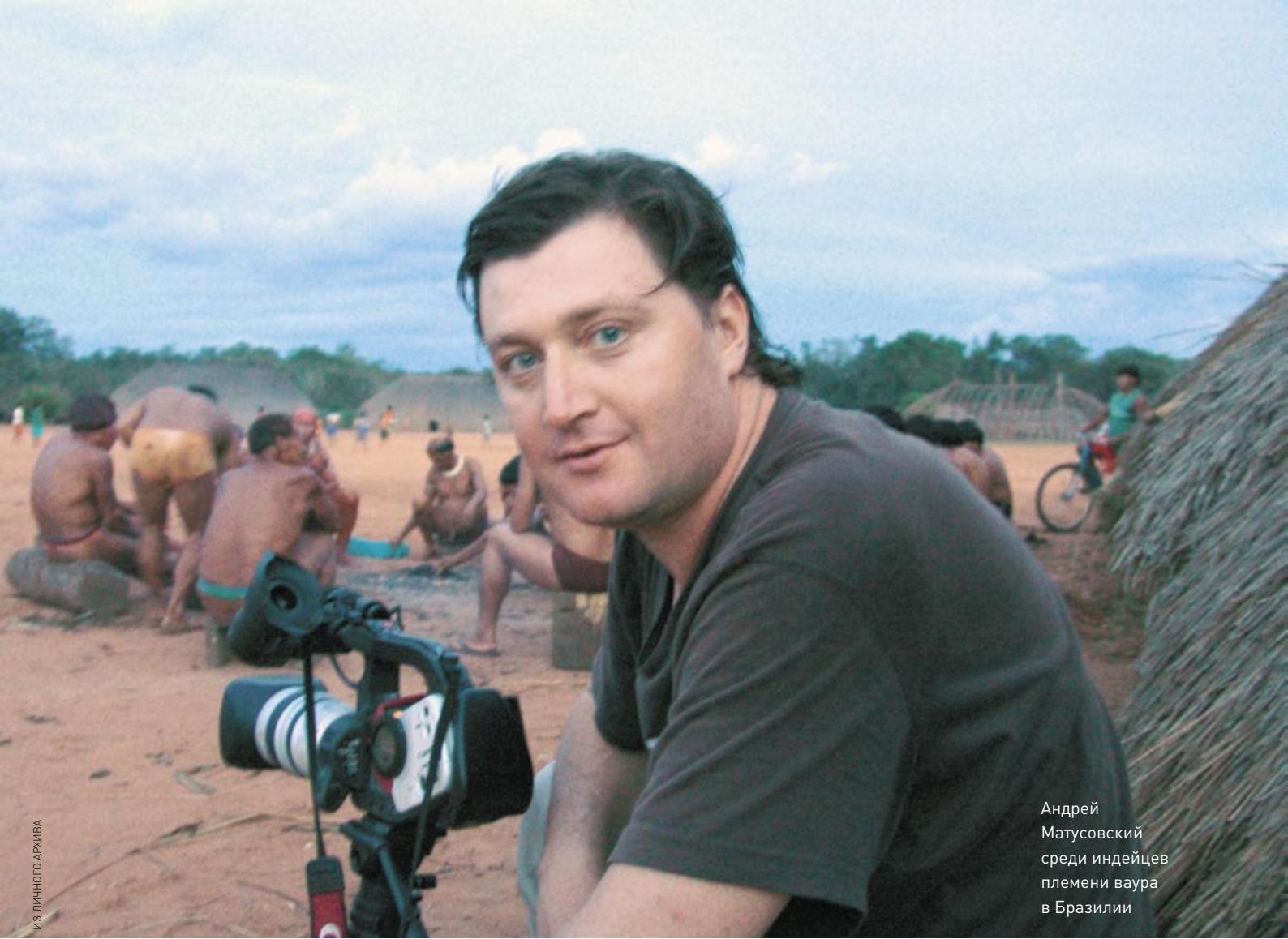
то смысле. А вот если вокруг нас поискать юродивых, то мне кажется... Ну, про Веничку – это сложный вопрос. Я считаю, что он не юродивый, но он использовал эту парадигму поведения. А вот кто действительно в каком-то глубинном смысле, я думаю, юродивым ощущает себя и ведет себя как юродивый – это Петр Мамонов. Вот Петр Мамонов действительно, пожалуй, воплощает в себе сегодня традицию юродивого.

Все его поведение – не только экранированное и театральное, но и то, как он дает интервью, допустим, – мне это напоминает что-то юродское, пожалуй.

Но с другой стороны, это даже хорошо. Потому что, скажем, греки не то что навык юродства потеряли – они забыли само то слово, которым в Византии называли юродивых. Греческий язык утратил его... Оно погибло вместе с юродством. А русское слово осталось.

– И юродствование осталось.

– Заметим, что у Достоевского в «Братьях Карамазовых» юродивыми в разных контекстах имеются восемь персонажей, и половина из них, в нашей терминологии, таковыми не являются: Лизавета Смердящая – безвредная сумасшедшая. Когда «юродивыми» называют старца Зосиму, Алешу или Ивана Карамазовых, это слово используется как бранное и тоже «нетерминологично». Из оставшихся четырех все – по-своему юродствуют: монахи Варсонофий и Ферапонт юродствуют сознательно, ориентируясь на старинные житийные образцы; Федор Павлович Карамазов – юродствующий шут; штабс-капитан Снегирев филгрествует от униженности. Все его поведение – это чистое юродствование как психологический феномен. И оно очень распространено в русской культуре. Оно восходит, конечно, к религиозному юродству. Но оно непонятно, «не прочитывается» теми, кто не знает истории вопроса. Они просто не чувствуют многозначности понятия «юродство» в русском языке. Поэтому большинство иностранцев удивляются той легкости, с которой русские в разговорах с ними соглашаются с невзрачностью своей страны: «да мы разве чего можем?...», «разве у нас чего может быть?...» Это что, реальная скромность? – спрошу я вас. Нет, скромности тут нет. Уничтожение – есть. Это «уничижение паче гордости». На русской почве, согласитесь, это выражение приобрело совершенно особенный смысл: когда говорят, что уничижение паче гордости, имеется в виду, что уничижение есть высшая форма гордости. И то, что стоит за этим самоуничижением, на самом деле означает: «да-да-да, на ваш взгляд, мы, наверное, дикие, но на самом-то деле мы в сто раз лучше вас, просто вам этого незаметно: наши добродетели лежат в сфере, по вашей приземленности вам недоступной». Это в чистом виде юродство. Но иностранцу не дано понять этого обертона, а нам дано, потому что это – что-то давным-давно родственное, очевидное нам всем – понимаете?!

Андрей
Матусовский
среди индейцев
племени ваура
в Бразилии

НА ДРУГОЙ ПЛАНЕТЕ

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА

КТО НЕ ЧИТАЛ В ДЕТСТВЕ КНИГИ ПРО ИНДЕЙЦЕВ? КТО НЕ МЕЧТАЛ ОКАЗТЬСЯ НА МЕСТЕ ГЕРОЕВ ЭТИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ? ОСУЩЕСТВИТЬ ДЕТСКУЮ МЕЧТУ УДАЛОСЬ ЛИШЬ ЕДИНИЦАМ. И СРЕДИ НИХ – ЭТНОГРАФ АНДРЕЙ МАТУСОВСКИЙ. ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ В РАМКАХ ПРОЕКТА «МАЛЫЕ НАРОДЫ МИРА» ОН ИЗУЧАЕТ ИНДЕЙСКИЕ ПЛЕМЕНА ЮЖНОЙ АМЕРИКИ, ИХ ОБЫЧАИ И КУЛЬТУРУ, ИСЧЕЗАЮЩИЕ ПОД НАТИСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИИ. ЮКУНА, БАРАСАНА, ВАУРА, ХОТИ, ЯНОМАМО, ПИАРОА, МАКО, ВАОРАНИ, ЯГУА, БОРА, ПАНАРЕ – ЭТО НЕПОЛНЫЙ СПИСОК ПЛЕМЕН, В КОТОРЫХ ЖИЛ АНДРЕЙ МАТУСОВСКИЙ.

— **А**НДРЕЙ, ЕСТЬ ЛИ ЧТО-НИБУДЬ общее между малыми народами, например, Севера России и индейцами Амазонии?

— Внешне они, конечно, отличаются, но суть их верований одинаковая — они общаются с духами. У тех и других есть шаманы. Амазонские шаманы для вхождения в потусторонний мир и для связи с духами используют коку и другие наркотические и галлюцинопогенные вещества. Индейцы считают коку священным растением. Она не является для них наркотиком как таковым, это часть их традиционной культуры.

В деревне у каждого есть своя плантация. Ее листья сушат и измельчают до состояния пыли. Каждому, кто приходит, предлагают ложечку этого порошка. Его закладывают за губу. Он стимулирует умственную деятельность, но не вызывает наркотического опьянения и привыкания. В Перу одним из основных шаманских инструментариев является напиток айяуска. Он вызывает видения и позволяет общаться с духами. У наших шаманов такого нет. Общее у тех и других шаманов — ритмические трансы и музыкальное сопровождение. Бубнов у индейцев нет, но есть погремушки, кроме того,

члены племени отбивают один и тот же ритм ногами. Под тропическим солнцем, когда наблюдаешь такой ритуал со стороны, сам входишь в транс без всяких стимуляторов.

– Трудно войти в контакт с индейцами? Это не опасно?

– Меня часто спрашивают, не боюсь ли я ездить в Колумбию. Это же кокаин и преступники. Я считаю, что главное – настрой. Если тебе что-то интересно и необходимо, то ты это увидишь и услышишь. А если всего пугаться и думать, что тебя хотят убить, то, наверное, так и будет.

Надо уважительно относиться к традициям. В провинциях Амазонии живут замечательные и добродушные люди, но желательно приезжать к ним с подарками. У индейцев популярен цветной бисер. Они из него делают бусы, нанизывая на нитку или леску. Женщины и мужчины, причем даже те из них, кто хорошо знаком с цивилизацией, любят себя украшать.

Мужчинам нужны рыболовные снасти – крючки разных размеров, свинец, леска. Они легко могут подстрелить рыбу из лука, но на леску ее ловить удобнее. Добыть огонь трением для индейцев тоже не проблема, но с зажигалкой это сделать проще.

С индейцем
племени хоти
в Центральной
Венесуэле

Но самое важное для установки контакта – это разговор.

У индейцев ваура, например, в центре поселения стоит хижина – мужской дом – сакральное место, куда запрещен вход женщинам. Там по вечерам собираются мужчины. Курят сигары, табак. Обязательно надо с ними посидеть, рассказать, откуда и зачем приехал, почему тебе это интересно. Индейцы внимательно слушают, задают вопросы... сигара идет по кругу, и я тоже начинаю расспрашивать их...

В племени юкуна во время таких разговоров употребляют порошок из листьев коки и распивают чичу – слабоалкогольный напиток. Калебас – небольшую пиалу – со спиртным пускают по кругу. Его выпивают, затем мужчины общаются, и через некоторое время ритуал повторяется вновь. Отказываться от предложенной порции нельзя, к тому же это – один из тех моментов, которые сближают. Установить дружеские отношения помогает совместный поход на рыбалку, когда показываешь индейцам, как, по-своему, привязываешь крючок или делишься другими секретами рыбной ловли. Параллельно идут другие разговоры, и ты узнаешь, например, что, по их поверьям, среди звезд живут души умерших людей...

– Какие обычаи индейцев вас больше всего поразили?

– Похоронный обряд индейцев яномамо в Венесуэле. Это обычай эндоканнибализма. Тело умершего человека относят в лес. Плоть на жаре быстро сгнивает, оставшиеся кости мелко размалывают и смешивают с банановой кашей или напитком. Родственники-мужчины должны съесть или выпить останки умершего, по сути, это и есть похороны. Помню, женщины рыдали, мужчины старались допить напиток, поправляя пальцем каждую косточку, чтобы она не выпала (останки были плохо перемолоты). К сожалению, мне не разрешили во время обряда снимать.

Я ранее посещал яномамо и в эту поездку привез сделанные тогда фотографии, чтобы раздать их людям и сделать им приятное. Но наш проводник посмотрел снимки и сказал, что их нельзя показывать, потому что на них есть люди, которые уже умерли. По обычаю, дух умершего человека не должен присутствовать в деревне.

Однажды в малоке (общинный дом, культовое место племени) мы спросили капитана (глава общины или поселения в Амазонии), можно ли сфотографировать священные предметы. Он ответил, что нет, и добавил: «Но если вы заплатите шаману 50 тысяч колумбийских песо, то сможете фотографировать». То есть, как я слышу, современная этнография сакральна, но при определенных условиях. Яномамо до сих пор практикуют похищения женщин из других деревень. Мужчины считают себя обиженными и идут мстить грабителям. Доходит и до убийства. Такие конфликты стараются уладить – назначается встреча враждующих групп, и авторитетный человек пытается их помирить.

из личного архива

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

— Мнением похищенной женщины при этом, я так понимаю, не интересуются?

— Не интересуются. Но женщины не чувствуют себя обиженными. У индейцев более жесткое и четкое распределение мужских и женских обязанностей, чем в нашем, не привязанном к природе мире. Это прописано в их мифологических представлениях.

У индейцев юкуна в малоках стоят скамеечки, мужские и женские. По их мнению, человек, сидящий на скамеечке, через определенную, виртуальную ось соединяется с космосом. Женщина не имеет права находиться на мужской скамеечке. Девушка из нашей экспедиции, не зная этого, села на нее, так мужчин там просто перекосило. Конфликт не возник, так как она была чужой. Ее спокойно, но твердо попросили пересесть на женскую скамейку.

У племени ваура существуют праздники, во время которых женщины могут отыграться на мужчинах за свои ритуальные унижения и даже побить их.

— Например?

— Например, во время одного из праздников действие разворачивалось так. Мужчины ушли на край деревни, где вымазались грязью и мас-

лом. Женщины, делая вид, что не знают, что произойдет дальше, сутились вокруг мужского дома. Вернувшиеся мужчины вымазали женщин грязью, несмотря на их сопротивление. Далее мужчины выстроились в шеренгу, а дамам надо было вытягивать их из этого ряда. Они использовали жесткие методы. Хватали за волосы и не только. Мужчины во время этого ритуала были обнаженными, так как сознательно демонстрировали свои гениталии. Вот за нихто в том числе женщины и тащили своих жертв из строя.

— Ну, наверняка же у них существуют какие-то любовные истории?

— Там все pragmatically. В языках и мифах индейцев Амазонии нет слова «любовь», в том непосредственном значении, в котором мы его употребляем. К примеру, в языке юкуна нет и слова «спасибо», но не потому, что они такие неблагодарные. У них с десяток понятий, которые обозначают «спасибо» в различных ситуациях.

— Насколько уровень их жизни далек от цивилизации?

— Они не дикари. В Амазонии все очень тесно переплетено.

На реке
Вентуари,
на пути
к племени
индейцев хотели
в Венесуэле

Андрей
Матусовский
около малоки,
общинного дома
индейцев бора
в Перу

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

В деревне стоит школа, где есть компьютер, и тут же, рядом, в соседней хижине живет шаман, который общается с духами.

У них есть христианские имена – Педро, Хосе и другие, но параллельно существуют и индейские имена, которые они используют при общении между собой. Я спросил одного индейца, зачем ему нужно еще одно имя – Хосе. «Если я поеду в город и меня остановит полиция и спросит документы, я представлюсь как Хосе», – ответил он. Здесь обитают люди, которые до сих пор ходят в набедренных повязках и при нежелательной встрече могут убить, а рядом проживают их родственники, уже вполне вписанные в современную жизнь.

Индейцы живут просто и счастливо, но, как и любому человеку, им хочется чего-то более красивого и современного. Часто они нас спрашивали, как им привлечь туристов. Помню, когда начал активно развиваться экологический туризм, я радовался, но сейчас понял – ничего хорошего в этом нет.

– Почему?

– Потому что каждая пришедшая группа людей привносит свое влияние. Культура интересна своей самобытностью, которая, чем больше племя интегрируется, тем быстрее «расторгается».

– А это не эгоизм – законсервировать их самобытность и оставить жить на примитивном уровне? Что плохого в том, что туристы принесут им какие-то деньги?

– Жизнь не стоит на месте, нельзя ничего законсервировать. Какое развитие принесут 100 долларов общине в лесу, из которого, чтобы выбраться, надо неделю плыть по реке до ближайшего

городка, откуда ходят пароход или летает самолет? Купят они себе спортивных трусов или мешок риса – что от этого изменится? Мне кажется, гораздо важнее забота правительства. Например, во всех странах бассейна Амазонки существуют различные ассоциации аборигенных народов, финансируемые государством. Они готовят учителей из местного населения. После учебы эти, уже вполне образованные и современные люди возвращаются в свои деревни и приносят «цивилизацию», что-то новое и современное, таким образом, интеграция происходит постепенно, без грубого нарушения и ломки их традиционного уклада.

– В индейских деревнях есть электричество?

– Электричества, по крайней мере проводного, нет. В некоторых деревнях, охваченных правительственными программами, стоят солнечные батареи. Их энергии хватает, чтобы включить одну-две имеющиеся в селении лампочки или компьютер в школе. Помню, его установили в наш первый приезд к ваура, соединив с Интернетом, который работал через спутник. Вся молодежь ждала, когда он будет пролетать над их регионом. Тогда Интернет час или два работал, потом спутник улетал, и индейцы вновь ожидали его следующего появления.

– Какие предметы им преподают в школе?

– Математику и национальный язык государства, где они проживают, то есть испанский или португальский.

– Чем отличается менталитет индейца от нашего?

– Это – другая планета. По большому счету наши миры не отличаются, но мы их воспринимаем

по-разному. Например, если индейцу из Бразилии показать три банана и спросить, сколько их, он ответит – два. Потому что один из них – недозрелый. У них другое мышление.

Помню, в одной из общин спросили, сколько мне лет. Я ответил, что 35. Возникла немая сцена. Потом индейцы, отойдя от шока, показали мне соплеменника, которому исполнилось 35 лет. А по виду ему было лет 60. То есть в нашей культуре молодо выглядеть – это комплимент, а в их – наоборот, получается, что я и не мужик, так, еще мальчик...

– Где вы живете, когда приезжаете в племя, каков ваш быт?

– Индейцы очень гостеприимны и часто предлагают место в отдельном углу своей семейной хижины. Но чаще всего мы располагаемся в подсобной хижине-кухне или под гостевым навесом.

– А как у индейцев с гигиеной?

– В принципе, она условна. Ребенок ползает по песку, тут же мать дает ему еду, и он ест грязными руками. У детей регулярно бывает диарея, болят животы. Нам часто приходилось выступать «белыми» докторами – давали им таблетки из своей аптечки. Один из индейцев как-то сильно травмировал ногу – у него болтался кусок ткани. Он так и ходил с открытой раной. Я не мог на это смотреть, подозвал его, промыл рану, продезинфицировал, забинтовал. Потом смотрю, он снова без бинта шлепает по пыли. Я понял, что медицина тут бессильна, и он сам выздоровеет через несколько дней.

Помню, когда мы были в племени ваура, там заболел маленький ребенок. В этой деревне жил один из самых сильных шаманов этого региона. Он пошел лечить ребенка, но вскоре вернулся. Выяснилось, что у ваура существуют болезни индейцев и болезни белых людей. С первыми справляется шаман, иногда ему удается вылечить и вторые, но в данном случае у него не получилось, и пришлось вызывать самолет. Отец с малышом улетели в ближайший городок в больницу.

– А с вами какие-нибудь неприятности случались?

– Есть такие песчаные блохи, которых не видно невооруженным глазом. Попав на ногу человека, они откладывают под кожу яйца, и через три-четыре дня из них образуются маленькие червячки. Они растут и затем тоже начинают откладывать яйца. Я такого червячка вовремя не отследил, в результате индейцы мне потом его вытаскивали. Могло быть заражение, но все обошлось, отдался лишь неприятными эмоциями.

– А как вы питаетесь, живя в племени?

– Обычно просим местную женщину, чтобы она сварила суп из рыбы или привезенный нами рис. Индейцы всегда предлагают угощение.

– Не боитесь есть их пищу?

– Первое время боялся, потом понял, что все не так страшно. Надо просто соблюдать элементарную гигиену. Смотреть, что кладешь в рот, мыть руки. Там чистая вода, ее можно пить без кипячения.

– Индейские блюда вкусные?

– Я считаю, что да. Индейцы очень любят различные острые соусы. Они в них макают индейский хлеб – так я называю касабе, пресные лепешки из маниока. Индейцы питаются здоровой пищей, поэтому у них практически не бывает сердечно-сосудистых заболеваний. Хотя живут они меньше – организм быстро изнашивается из-за жаркого климата и тяжелой работы.

– Кухня у всех племен одинаковая?

– Общих моментов много. Они занимаются подсечно-огневым земледелием и на очищенных от леса землях выращивают горький маниок. Он ядовит. Специальным способом удаляют из него ядовитый сок и изготавливают крупу.

Индейцы не делают заготовок. В их кулинарной культуре нет такого понятия – поджарить. Там либо варят, либо коптят на решеточках, в виде своеобразного барбекю.

Но отличия тоже есть. У каждого племени существуют свои табу – каких зверей и птиц можно убивать на охоте, а каких нет. Это связано с религиозными верованиями – часто индейцы считают, что в них переселяются души умерших людей. Какие-то племена больше рыболовы, и в их рационе преобладает рыба, а другие, наоборот, боятся воды и живут в основном охотой. Им не на что покупать ружья и патроны, поэтому охотят-

Во время
доклада
об экспедиции
к индейцам
юкуна на
VIII Кнорозовских
чтениях в РГГУ

С индейцами племени ваура в Бразилии

ся при помощи духовых трубок или луков. Чтобы убить из них животное или птицу, нужен яд, которым смазывают наконечник стрелы. Искусством его изготовления владеет шаман. Таким образом и консервируется традиция.

– Какие-нибудь экзотические блюда пробовали?

– Мясо крокодила. Очень вкусно, что-то среднее между курицей и рыбой. Индейцы не заморачиваются разделкой дичи, которую добывают. Например, обезьян они варят целиком, с шерстью – просто опускают тушку в воду. Я пробовал копченую обезьяну. Похоже на кролика.

– Кто-то из индейцев запомнился вам больше других?

– Помню одного индейца, он один на один, имея в руках только копье, встретился в лесу с ягуаром и убил его. Но обычно бывает наоборот.

Я общался со стариками – участниками первого контакта их народа с национальным обществом. Эти люди пожили в двух мирах, которые до сих пор уживаются в них. Они рассказывали о том, как жили до контакта, описывали встречи с людьми, ставшими сейчас классиками этнографии и чьи книги я читал. Для меня это были незабываемые эмоциональные ощущения.

– Как они относятся к тому, что их народ стал контактировать с «белым» миром?

– Позитивно. Но там все не однозначно. Например, у индейцев юкуна разделились мнения по поводу контакта с белыми. Одни сказали, что хотят общаться с нашим миром и получать товары, другие – отказались и ушли в добровольную изоляцию вглубь лесов, где до сих пор живут по обы-

чаям своих предков, не контактируя ни с кем, даже со своими сородичами.

– Вроде наших староверов?

– Да. Кстати, мы в Бразилии побывали в одной из общин наших староверов. Они произвели сильное впечатление. Представьте, стоит женщина в русском сарафане, к ней подходит мальчик в ковшоротке... Такое ощущение, что попал в дореволюционное кино. Все говорят по-русски, окают.

– А чем они занимаются?

– Сельским хозяйством. Их сельхозугодья простираются далеко за горизонт. Я спросил у одной из женщин, как она продает свою продукцию. «Да как, в Он в гоРОде, пО Интернету с биржей связываюсь, узнаю, скОлькО кукуруза стОит и про даю», – говорит она.

Они не разрешили их сфотографировать. Их предки уехали из России еще до революции, когда начались гонения на веру. Филипповцы. Они живут отдельной общиной, у них своя, православная школа, где изучают Закон Божий, португальский и математику. Интересовались, как мы живем на их бывшей родине. Кстати, индейцы тоже очень любят спрашивать про Россию, живут ли у нас аборигенные народы, какие у них обычай. Слушают с интересом и очень удивляются моим рассказам. Многие вещи им трудно объяснить. Например, про северного оленя. Приходится его просто изображать. Они не могут понять, что такое снег и лед, как вода может стать твердой. Так же, как не понимают, когда на жаре с кого-то течет градом пот. Их это забавляет. А я в таких случаях ехидно про себя думаю: «Приезжайте к нам на Новый год, я на вас посмотрю!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТAREВЫМ

ТАНЦЫ ПО-ЦАРСКИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«22 ЯНВАРЯ 1903 Г. «ВЕСЬ» ПЕТЕРБУРГ ТАНЦЕВАЛ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ. Я ТОЧНО ПОМНЮ ЭТУ ДАТУ, ТАК КАК ЭТО БЫЛ ПОСЛЕДНИЙ БОЛЬШОЙ ПРИДВОРНЫЙ БАЛ В ИСТОРИИ ИМПЕРИИ», – ПИСАЛ ВНУК ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ I, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, В «КНИГЕ ВОСПОМИНАНИЙ», ИЗДАННОЙ В ПАРИЖЕ В 1933 ГОДУ.

СОБЫТИЕ, О КОТОРОМ вспоминал Александр Михайлович, и дату выхода мемуаров во Франции разделили тридцать лет. Немудрено, что разменявшего седьмой десяток лет великого князя память могла подвести. И подвела, кстати. Речь, очевид-

но, шла о большом Императорском костюмированном бале, который состоялся в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце, в два приема – 24 и 26 февраля 1903 года. Как и подавляющее большинство представителей русской эмиграции первой волны, дядя Сандро (прозвище вели-

кого князя в семье Романовых. – Прим. авт.), говоря об императорской России, пользовался юлианским календарем, то бишь старым стилем. Но как ни плюсуй к числу 22 число 13, в сумме не получится ни 24, ни 26.

Аберрация памяти случилась с великим князем еще раз. Дело уже не в конкретных датах, а в общей хронологической оценке событий в царствование Николая II. С легкой руки Александра Михайловича многие современные интернет-историки уверенно сообщают, что бал-маскарад 1903 года был последним большим придворным балом империи, после которого сами понимаете... И бал легко превращается в яркий символ грядущего крушения. Если у Пушкина – «пир во время чумы», то тут – «бал в канун безумия».

На самом деле бал 26 февраля 1903 года не был последним большим Императорским балом. К слову, это не случайный набор прилагательных, это официальное название. Обратимся к записям одного из тех, кто

Д. Кардовский.
Бал в Петербургском Дворянском собрании
23 февраля 1913 года.
1915 год

ском дворце Сен-Поль был дан бал, на котором присутствовала высшая знать королевства. Правда, довольно затруднительно представить, как умудрялись танцевать дамы, одетые по моде конца XIV века в платья с огромными шлейфами, волочащимися по полу. Мужчинам в плотных колготках было куда как проще... До прихода к власти Людовика XIV балы проводились по случаю, но «король-солнце» превратил их в обязательный и постоянный элемент придворной жизни.

В России балы появились при Петре I в виде так называемых ассамблей, что в переводе с того же французского означает «собрание».

Этот вид придворного мероприятия четких контуров не имел, хотя уже тогда, на заре XVIII века, просматривались характерные черты будущих Императорских балов. На ассамблеях Петр, вернее, с его подачи «царь всех балов» граф Павел Ягужинский, требовал от гостей мужеска пола курить трубку и играть в карты, пить спиртное и танцевать. В XIX и начале XX века распорядители балов, среди которых самым известным был Ипат Бартенев, курить, играть и пить никого не заставляли. Танцевать – тоже не всех. Следили только за специально приглашенными молодыми офицерами, которых десятками по специальной разнарядке присыпали из стоявших в петербургском гарнизоне гвардейских полков. Полковые командиры напутствовали корнетов и поручиков приказами танцами не манкировать и приглашать тех дам, что «простаивают», а не тех, кого хочется. Мол, работа такая! Между прочим, на костюмированном балу 1903 года таких офицеров «работало» аж 65 человек.

За офицерами следили не только распорядители. Зорко наблюдали полковые и дивизионные начальники, а также кое-кто из великих князей, ревностно относившихся к дисциплине. Да и среди императоров такие

РОДОМ ИЗ ПЕТРОВСКИХ АССАМБЛЕЙ

Найдутся люди, которые считают, что шампанское – то же вино, только с пузырьками. И, соответственно, бал – те же танцульки, только не на дощатом полу открытой всем дождем площадки в парке культуры и отдыха, а во дворцах и прочих нескромных зданиях, значительно отличающихся по квадратному и кубическому метражу от квартир в хрущевках и «панелях». Единственно верно то, что слово «бал» произошло от французского *baller* – танцевать. Из чего следует, что первые балы грянули во Франции. Известно, что еще в 1385 году после венчания французского короля Карла VI Безумного и герцогини Елизаветы (Изабеллы) Баварской в парижском дворце в честь старших внучек – дочерей Николая II: великих княжон Ольги и Татьяны. Сей факт тоже подтверждается дневниками записями государя и его матери.

Если и выделять событие, случившееся в Зимнем дворце в феврале 1903 года, то совершенно по другой причине. Не в хронологии и не в масштабе дела, а в необычности случившихся торжеств. Но об этом несколько позже, а пока есть смысл поговорить о традиции Императорских балов.

С. Хлебовский.
Ассамблея
при Петре I.
1858 год

М. Зичи. Бал
в честь Александра II,
организованный
городом Гельсингфорсом
в сентябре 1863 года
в здании железнодорожного
вокзала.
1864 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

имелись. Принято думать, что по этой части суров был только Николай I и его папенька Павел Петрович. Но вот пример из бальной жизни в царствование улыбчивого Александра Благословенного. В 1821 году добрый знакомец Пушкина, награжденный Золотым оружием «За храбрость» герой Отечественной войны полковник Григорий Римский-Корсаков, был уволен из гвардии и со службы вообще. Дабы избежать ненужной шумихи, в представлении на увольнение было написано, что Григорий Александрович попросил об отставке по домашним обстоятельствам. В таких случаях за отставниками сохранялось право ношения мундира и знаков различия. На этот раз рукой монарха была сделана помета: «Высочайше повелено мундира Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит. 20 февр. 1821». Причина столь жесткого решения в том, что за ужином на Императорском балу полковник позволил себе расстегнуть крючки на воротнике. Во второй половине XVIII века придворные балы, в отличие от петровских ассамблей, проводились уже по выверенной и обязательной схеме: богослужение – прием – праздничный обед – бал – фейерверк. Они перестали быть просто собра-

нием высшего света для развлечений, удовольствий и неформального общения. Пусть и строго обязательным для посещения. Императорские балы превратились в церемонию, включившую в себя и политический, и дипломатический, и кадровый, и светский аспекты. Плюс, само собой, танцы! Начиная с царствования Александра I бальный регламент упростился. Теперь он состоял из трех компонентов. После съезда гостей – танцевали. Женатые мужчины могли удалиться в залы, где находились ломберные столы, на которых томились нераспечатанные колоды карт. Далее следовал ужин. Затем танцы возобновлялись. Временной порог ограничен не был. Случалось, все заканчивалось довольно рано – к двум часам ночи. Бывало – затягивалось до четырех утра. Так, в дневнике великого князя Сергея Александровича, младшего брата императора Александра III, за 1877 год записано: «Котильон был бешенный!.. Кружились, бесились без конца. Под конец бегали и в изнеможении падали на стулья, чтобы через несколько времени снова скакать по зале. Я раз двадцать пропотел; платки были мокрые тряпки. Кончили после 4-х часов утра...» Было тогда будущей жертве поэта-эсера Ивана Каляева 20 лет.

Группа офицеров
лейб-гвардии
Преображен-
ского полка
в нарядах
начальных
людей из жиль-
цов времен царя
Алексея Михай-
ловича

ОСОБОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Много ли на свете вещей, в которых импровизация так восребована и так хороша, как в танце? Но – в танце, а вовсе не на Императорском балу. 20-летний великий князь «бесился без конца». Молодость, особое положение... Далеко не все из тех, кто по должности или статусу был обязан посещать большие и средние зимние балы в Зимнем дворце, а также балы малые в Эрмитаже, безмерно тому радовались. Кто-то, как, например, супруга Николая II Александра Федоровна, просто не любил танцевать. Кто-то, как император Александр III, без радости относился ко всякого рода публичным увеселениям и помимо нелюбви к танцам, что не удивительно при весе более чем 120 килограммов. Кто-то из знающих и рад бы был отказаться от приглашения по причине недорвья, материальных затруднений, семейных неурядиц, но для подобного отказа в службе обер-гофмаршала требовали предъявить убедительные основания. Великий князь Николай Александрович, любивший и умевший танцевать, не отказывал себе в бальных удовольствиях до того дня, когда взошел на трон и превратился в императора Николая II. 26 лет от роду, между прочим. В качестве государя он позволял себе только протокольный полонез на открытии балов. Затем все время отдавал гостям: здоровался, беседовал, выслушивал... Как говорил сам царь – «работал». Разумеется, большинство приглашенных воспринимали Императорские балы как праздник и возможность блеснуть и в прямом, и в переносном смысле слова. В прямом смысле блистали прежде всего дамы. На больших балах собирались подчас более 2 тысяч гостей. Можно только догадываться, сколько сотен тысяч карат несла на себе тысяча представительниц самых богатых и аристократических семей России. Впрочем, изрядно ослеплял и блеск эполет, аксельбантов, орденов, звезд,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

золоченых пуговиц, серебряного и золотого шитья на военных и статских мундирах.

Самое время – о мундирах. Если судить по кинематографу – а большинство современных людей так и делают, – то мужская половина участников бала делилась, в свою очередь, на две части: военных и гражданских. Они легко идентифицируются на экране, так как военные одеты в мундиры, а штатские – во фраки. Никакой ошибки тут нет. На балах прочих категорий – а их было в достатке: балы дворянских собраний, частные, губернские, купечес-

кие, общественные, студенческие, училищные, детские – требования к нарядам хоть и были строгими, но позволяли некоторые вольности. В частности, парадоксальное платье для мужчин. Господа офицеры танцевали в сапогах, кавалеристы вовсю звенели шпорами, взрезая подчас пышные дамские юбки. Императорские балы – особый случай. Тут признавали только мундиры. И до поры до времени – только башмаки с чулками. Появление офицеров в сапогах, но без шпор впервые было разрешено в 1841 году на большом балу в День святого Николая –

М. Зичи. Бал в Концертном зале Зимнего дворца во время официального визита шаха Насир-ад-Дина в мае 1873 года.
1874 год

К. Брош. Бал в Николаевском зале Зимнего дворца

6 (18) декабря. И то – разрешение распространялось только на офицеров не танцующих. Дискуссия по поводу сапог и башмаков продолжается до сих пор, чему отчасти виной – «энциклопедия русской жизни» под названием «Евгений Онегин». Есть в поэме такая строка: «бренчат кавалергарда шпоры». Знаменитый пушкиновед Юрий Лотман, считавший это фактической ошибкой, оправдывал Александра Сергеевича с помощью самого Александра Сергеевича, сделавшего в черновике поэмы пометку: «Неточность. На балах кавалергардские офицеры являются, так же как и прочие гости, в вицмундире и башмаках. Замечание основательное, но в шпорах есть нечто поэтическое». Оно и верно. Кто-кто, а кавалергарды «бренчать шпорами» в пушкинские времена на балах никак не могли. Потому как у них едва хватало времени на посещение всех элитных мероприятий, где правила соблюдались скрупулезно. Встретить кавалергарда на общественном балу в уездном городе N было немыслимо. Даже в том случае, если бы он оказался в этом городе проездом или навещал дядю в расположеннном рядом имении. Принимать участие в нестатусных развлечениях положение не позволяло – noblesse oblige. Спрашивается, как же должны были одеваться на Императорские балы те мужчины, которые ни в военной, ни в гражданской службе не значились? Никак. Таковых попросту не могло быть среди приглашенных. Кто же мог рассчитывать на приглашение в Зимний дворец в эти короткие и взбалмошные недели, разделяющие Рождественский и Великий посты, а также на традиционный бал в День Николы Зимнего, открывавший сезон? Гофмаршальская служба следовала двум принципам. Первый – формальный, согласно которому получить приглашение на Императорские балы могли все придворные чины, как кавалеры, так и дамы, а кроме того, генерахи и полковники, гражданские

чины I–III класса, то есть тайные и действительные тайные советники (на военный лад – не ниже генерал-лейтенанта), находящиеся в столице кавалеры ордена Святого Георгия, губернаторы, предводители дворянства и председатели земских управ. В отдельных случаях на приглашение могли претендовать гражданские чины IV класса – действительные статские советники (аналог – генерал-майоры). Еще – супруги и дочери тех, кто имел чин IV класса и выше, супруги полковников и бывшие фрейлины (с мужьями). Надо думать, что в начале XX века в 1,5-миллионном Петербурге таких привилегированных лиц насчитывалось в достатке. Счет шел на тысячи. Столь же очевидно, что не все из этого огромного списка по личным качествам соответствовали чести принять участие в Императорском бале. Таким образом, формальное право быть приглашенным ко двору вовсе не являлось правом фактическим. Для отсеивания нежелательных гостей в Гофмаршальской службе существовал второй принцип – «правила Большого света». Например, князь Феликс Юсупов – младший, в 1914 году породнившийся с Романовыми, женившись на племяннице Николая II, княжне императорской крови Ирине, нигде не служил, но находился в «белом списке». А вот начальнику 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Николаю фон Эттеру в 80-е годы XIX века трижды присыпали приглашение на одно лицо, забывая про генеральшу. В Гофмаршальской службе тоже люди служили, могли разок и ошибиться. Но, как говорится, первый раз – случайность, второй – совпадение, третий – закономерность... То ли сам генерал, отличившийся в последней русско-турецкой войне и имевший ордена и Золотое оружие «За храбрость», чем-то не угодил в качестве светской персоны, то ли его супруга оказалась «нон грата». В итоге Эттер был так обижен, что подал в отставку.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Санкт-Петербург.
Дворцовая
набережная.
Дворец великого
князя Владимира
Александровича. Парадная
лестница. Фото
начала XX века

ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ ТИШАЙШЕГО

Вернемся в 1903 год. Все разговоры о шпорах и фраках тут неуместны, так как бал от 26 февраля имел особый характер. Да, большой. Да, Императорский. Но – костюмированный. И ни в коем случае не бал-маскарад. Разница легко объяснима самими названиями. На бале-маскараде гости появляются в бальном наряде, но с масками на лице. Такие балы были популярны в первую очередь потому, что давали возможность вести себя несколько свободнее, в частности приглашать незнакомых дам, что категорически не приветствова-

лось на балах обычных. На маскарадах частенько отсутствовал фейсконтроль. Стало быть, прийти на такой бал мог любой желающий, сообразно сословию, разумеется. Костюмированный бал не предполагал никакой личной тайны. Тут вместо вопроса «маска, кто ты?» уместнее звучало «костюм, чей ты?».

Костюмную тему для бала-1903 придумал император Николай II. Его отец Александр III с детства привил наследнику любовь к русской традиции, русской истории. Так что мысль о бале, на котором гостям будет предложено одеться в наряды допетровской эпохи, не была спонтанной. К ней подталкивала и дата – 290-летие царствующего дома. XVII век – начало династии. Начало большого пути, который прошла страна за три романовских века, превратившись из полуразрушенной Смутой Руси в сверхдержаву.

С другой стороны, претендовать на авторство идеи у государя оснований не было. Впервые так называемый исторический бал организовал в 1883 году великий князь Владимир Александрович, младший брат Александра III, спустя два года после убийства их отца. Бал состоялся во дворце Владимира Александровича на Дворцовой набережной. Он сохранился до наших дней, сейчас в нем – петербургский Дом ученых. Из дневника Александра Половцева, государственного секретаря в царствование Александра III: «Праздник удается в высшей степени, обилие и разнообразие ярких цветов оживляет залу в противоположность скучному фраку. На императрице верный исторический костюм, нарисованный кн. Григорием Гагариным. Богатство материи и камней чрезвычайное. Жена моя – в русском костюме XI столетия, дочь – в татарском уборе, а я в костюме, изображенном на известной гравюре, изображающей портрет стольника Потемкина, ездившего послом в Англию. Особенно выдаются костюмы Васильчикова, директора Эрмитажа и двух его дочерей... Все великие князья разодеты в

Великий князь
Владимир
Александрович
(1847–1909),
третий сын
императора
Александра II.
Фото В. Лапре.
Царское Село.
1893 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Его Императорское Величество государь император Николай Александрович в одежде царя Алексея Михайловича. Фото Л. Левицкого

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Адъютант великого князя Сергея Александровича князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, в наряде боярина XVII века. Фото Ф. Боассона и Ф. Эгглера

В 1903 году приглашенных было тоже немного – 400 дам и кавалеров. Оно и понятно. Сомнительно, что в столице нашлись бы тысячи господ из числа «приглашенных ко двору», способных заказать и оплатить аутентичные костюмы времен царя Алексея Михайловича Тишайшего. Соответствовать возможностям романовской семьи по этой части могли весьма немногие.

О том, что придумали и создали художники, портные, музейщики вкупе с заказчиками, рассказывают фотографии из альбома, заказанного скромным тиражом для участников бала. В работе над ним приняли участие лучшие фотомастера того времени: Рафаил и Лев Левицкие, Даниил Асикритов, Вольф Ясвион, Люциан Городецкий, Елена Мразовская, Дмитрий Здобнов, Иван Войно-Оранский, Фридрих Шрадер, Ванда Заельская, Александр Ягельский и другие. Сам альбом, согласно официальному описанию, выглядит так: «21 гелиогравюра и 174 светопечати. Album du bal costume

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

богатейшие костюмы и уборы, вообще мужчины одеты с большею, чем дамы, историческою верностью. Государь уезжает вскоре после ужина, но императрица продолжает танцы до 4 1/2 утра». Переодетой «под старицу» была вся прислуга. Пожалуй, единственной видной фигурой, прибывшей на kostюмированый бал «а ля russe», была могучая фигура государя, облаченная в генеральский мундир».

Согласно источникам того времени, в бале приняло участие более 250 человек, что говорит о сверхэлитарности события.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

au Palais d'hiver, Fevrier 1903. 21 photographies et 174 phototypies. Спб., печатано в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, 1904. Титул на русском и французском языках. В п/к переплете эпохи с тиснением золотом на корешке и верхней крышке. 45,7x35,2 см. Как вариант, в издательской коленкоровой папке. 10 тетрадей. Альбом представляет собой коллекцию снимков высочайших особ и лиц, бывших на означенном балу в русских костюмах XVII века.

Время от времени эти фотографии можно увидеть и в наше время на разнообразных выставках. В 2003 году в Эрмитаже в память о 100-летии самого знаменитого бала империи XX века прошла выставка, на которой были представлены 34 оригинальные фотографии и 12 исторических костюмов, принадлежавших гостям бала. Конечно, фото говорят сами за себя, но и на словах можно попытаться рассказать, как выглядели готовившиеся неделями, а случалось, и месяцами костюмы.

Николай II сменил мундир на царский костюм времен Алексея Михайловича. Надо заметить, что отчасти он был подлинным, так как было использовано 16 предметов из хранилищ Оружейной палаты. В том числе доромановской эпохи. Например, запястья, усыпанные жемчугами, принадлежали царю Федору Иоанновичу, сыну Ивана Грозного и последнему из Рюриковичей. Жезл,

с которым вышел к гостям император, держал в руках его предок, царь Алексей Тишайший. Собственно, костюм сшил для царя театральный костюмер Императорских театров Иван Кафи.

Над костюмами остальных гостей работали профессиональные художники, согласуя свои предложения с историками. Для дам

Группа
танцевавших
во время бала
«Русскую»

Баронесса Елена Павловна
Мейендорф в наряде
боярыни XVII века.
Фото В. Классена

шили сарафаны и кокошники, для кавалеров – кафтаны воевод, сокольничих, кравчих, стрельцов... Как вскоре выяснилось, нечто оригинальное предложил остальным генерал от кавалерии барон Феофил Мейендорф. Он заказал костюм воеводы Большого полка в составе войска князя Дмитрия Пожарского. Тканями и прочими материалами обеспечивали лучшие фирмы империи, в большинстве – поставщики двора Его Величества. Из сейфов в княжеских и графских дворцах, а также российских и зарубежных банков были извлечены всевозможные родовые драгоценности. Достаточно привести описание украшений, в которых прибыла на бал великая княгиня Мария Павловна, урожденная Мария Александрина Элизабета Элеонора Мекленбург-Шверинская, супруга великого князя Владимира Александровича. Она несла на себе (иначе не скажешь) гарнитур из изумрудов, включавший огромных размеров кокошник и несколько брошей. На лоб спускалось множество жемчужных капель, щеки были украшены жемчужными нитями. Ворот и бюст платья – каплевидными жемчужинами в бриллиантовом обрамлении и несколькими

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал-
адъютант
барон Феофил
Егорович
Мейендорф
в наряде
воеводы
Большого полка
войск князя
Пожарского.
Фото
Д. Здобнова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Княгиня Зинаида Николаевна Юсупова, графиня Сумарокова-Эльстон, в наряде боярыни XVII века. Фото Ф. Боассона и Ф. Эгглера

империи. После ужинали в трех залах – Испанском, Итальянском и Фламандском – и немного потанцевали – в зале Павильонном. Вероятно, в современном театре это мероприятие назвали бы «прогоном». Собственно премьера прошла спустя два дня, когда к «костюмированным гостям» присоединились упомянутые выше 65 офицеров из лейб-гвардии Конного, Ее Величества Уланского и Кавалергардского полков. На сей раз обошлось без Шаляпина, зато танцевали по полной программе. Не только «Русскую», хоровод и плясовую, которые были специально подготовлены танцовщиком Императорского Мариинского театра Иосифом-Михаилом Кшесинским, но и традиционные для балов полонез, вальсы, мазурки, кадрили и котильон.

Любопытно, что у участников событий хватило сил и на третий бал в тех же нарядах. Правда, он уже не подходил под определение «Императорский», так как давал его 27 февраля в своем знаменитом Фонтанном доме граф Александр Шерemetev. Сценарий повторился точь-в-точь, но гости, очевидно, не скучали. Прессу на эти балы, понятное дело, не пустили. Как не пускали и ранее, и впоследствии. Что совершенно не удивительно. Не для внешнего пиара все делалось. А для укрепления внутренних связей в элите. Ну, и для собственного удовольствия, разумеется. Посему нюансы бала-1903 остались скрыты для посторонних, участники особо не распространялись. Разве что великий князь Александр Михайлович позволил себе кое-что вспомнить: «Я был одет в платье сокольничего, которое состояло из белого с золотом кафана, с нашитыми на груди и спине золотыми орлами, розовой шелковой рубашки, голубых шаровар и желтых сафьяновых сапог. Остальные гости следовали прихоти своей фантазии и вкуса, оставаясь, однако, в рамках эпохи XVII века. Государь и Государыня вышли в нарядах Московских Царя и Царицы времен Алексея Михайловича. Аликс выглядела поразительно, но Государь для своего роскошного наряда был недостаточно велик ростом. На балу шло соревнование за первенство между Великой Княгиней Елизаветой Федоровной (Эллой) и княгиней Зинаидой Юсуповой. Сердце мое ныло при виде этих двух «безумных увлечений» моей ранней молодости. Я танцевал все танцы с княгиней Юсуповой до тех пор, пока очередь не дошла до «Русской». Княгиня танцевала этот танец лучше любой заправской балерины...»

В датах с балом у графа Шереметева дядя Сандро вновь напутал, отправив на Фонтанку гостей и, соответственно, себя самого спустя неделю после завершения костюмированного бала в Зимнем дворце. То есть, по его мнению, 11 февраля (по новому стилю). Да и что с того? Зато безшибочно можно утверждать кое-что другое. Великий князь Александр Михайлович Романов скончался в курортном местечке Рокбрюн-Кап-Мартен на Лазурном Берегу 26 февраля 1933 года. День в день через тридцать лет после большого Императорского бала. ●

крупными изумрудами, сапфиром и бриллиантами. На груди – прямоугольная изумрудная брошь в 107,72 карата. Вот так! Само действие вышло многосоставным. 23 февраля в Эрмитажном театре прошла репетиция, за которой лично наблюдала государыня. И во все возможные щели и отверстия – актеры и музыканты труппы, а вместе с ними свободная от работы чета. 24 февраля состоялся торжественный вечер. Собравшиеся гости профилировали мимо государя и государыни с «русским поклоном», после чего отправились в Эрмитажный театр, где присутствовали на концерте, составленном из произведений Мусоргского, Чайковского и Минкуса. Пел Федор Шаляпин. Танцевала Анна Павлова. Далее гостям представилась возможность станцевать «Русскую», в которой блеснула княгиня Зинаида Юсупова, богатейшая женщина

Флигель-адъютант граф Дмитрий Сергеевич Шерemetev в костюме, выполненном по портрету боярина Василия Борисовича Шереметева, воеводы Киевского, томившегося пятнадцать лет в пленау у крымских татар. Фото Ф. Боассона и Ф. Эгглера

Московский фабрикант Владимир Семенович Алексеев с супругой Елизаветой Александровной и восемью детьми.
На полу сидит Сергей (отец К.С. Станиславского). Конец 1830-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ОДНОЙ ЛЮБВИ МУЗЫКА УСТУПАЕТ...»

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

НА СЕМЕЙНОМ ПОРТРЕТЕ БОГАТЫХ КУПЦОВ АЛЕКСЕЕВЫХ, ФИРМА КОТОРЫХ ЗАНИМАЛАСЬ ПРОИЗВОДСТВОМ И ПРОДАЖЕЙ ЗОЛОТОЙ И СЕРЕБРЯНОЙ КАНИТЕЛИ, ТРУДНО НЕ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЯ НА ПРЕЛЕСТНУЮ ДЕВУШКУ, СИДЯЩУЮ ЗА КЛАВИКОРДАМИ. СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОДЫ ПОДОБНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРОЧИТАВАЮТСЯ ЛЕГКО: КУПЕЧЕСКОЕ СЕМЕЙСТВО ПОДЧЕРКИВАЛО ТЕМ САМЫМ СВОЮ КУЛЬТУРНОСТЬ, ОСВОЕНИЕ И УСВОЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ИСКУССТВА, ТРЕБУЮЩИХ УСИЛИЙ, ДЕНЕГ, ВОСПИТАНИЯ И ХОРОШЕГО ВКУСА.

В ВОСПОМИНАНИЯХ И дневниках представителей купеческого сословия сохранилось немало свидетельств увлечения музенированием. О том же

свидетельствуют и дошедшие до наших дней семейные фотографии Морозовых, Прохоровых, Рукавишниковых, Найденовых. Рассматривая их, легко убедиться, что игра на музы-

кальных инструментах в купеческих семьях была весьма популярным занятием.

«Мы росли среди лиц, высоко ценивших прекрасное: музыку, живопись, скульптуру, сценическое искусство. Я помню маму и тетю, уезжавших на симфонические вечера как на праздник, разговоры их на следующий день <...>, помню сборы их в итальянскую оперу, воспоминания папы о Рашели – и театр стал предметом еще далекой мечты. <...> Так же восторженно говорили в доме о выставке художников-передвижников, и многие имена были мне знакомы уже тогда со слов тети», – размышляла в мемуарах дочь торговца текстилем, купца Николая Харузина, Вера, ставшая впоследствии профессором этнографии.

Елисей Викулович Морозов
за фортепьяно. 1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДВЕ ВИОЛОНЧЕЛИ И СКРИПКА СТРАДИВАРИУСА

Об увлеченных пианистках-любительницах Вере и Зине Мамонтовых – своих матери и тетушке – писала дочь Павла Михайловича Третьякова Вера Зилоти. «С самых ранних лет обе они учились игре на фортепьяно у чеха родом Иосифа Вячеславовича Рибы – органиста католической церкви, бывшего в Праге не только органистом, но и колоратурным, как он сам выражался, тенором <...> Он научил их любить Баха, Бетховена, Моцарта, Шопена, Листа. Они с ним изучали гармонию и прелестно сочинили маленькие пьесы, которые слышала я впоследствии от мамочки. <...> Играли одинаково хорошо и так не похоже друг на друга, – вспоминала Вера Павловна. – Зинаида Николаевна играла лучше всего Баха, а впоследствии, уже старушкой, любила играть Скрябина. Вера Николаевна играла Баха, но лучше всего исполняла Бетховена, Шопена и Листа «Этюды Паганини» (которые потом разносились по Толмачам каждое утро). Играли сестры много Баха на два фортепьяно, любили исполнять и камерную музыку». Выходец из московской купеческой среды, сын чаеторговца,

Музицирование
в доме
Бахрушиных
в Кожевниках.
Конец XIX века

знаменитый врач-клиницист Сергей Петрович Боткин увлеченно играл на виолончели. Он работал чрезвычайно много, и переключение на музицирование было лучшим отдыхом для него после тяжелого рабочего дня, как писал его биограф Николай Белоголовый. Выдающийся врач не только питал страсть к игре, но и смотрел на нее как на самое действенное средство для восстановления своей «мозговой энергии», утомленной работой целого

дня. «Это моя освежающая ванна», – говорил он. До 50-летнего возраста Боткин брал уроки музыки. Три раза в неделю, в двенадцатом часу ночи, – поскольку Боткин возвращался из клиники не раньше одиннадцати часов – приходил к нему учитель-виолончелист. Биограф Сергея Боткина даже описал такой комический случай: «Летом, отправляясь в заграничную поездку куда-нибудь на воды, он не расставался как с целым чемоданом, наби-

Дети
московского
чаеторговца
Петра
Кононовича
Боткина.
Слева направо:
Петр, Владимир
(с женой
Надеждой),
Павел, Сергей
(знаменитый
врач-клиницист),
Дмитрий, Мария,
друг семьи –
художник Сергей
Постников,
Михаил. Начало
1860-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тым книгами, так и с виолончелью, даже забирал иногда их с собою две, что однажды дало повод к комическому недоразумению во Франценбаде (ныне курорт Франтишкови-Лазне в Чехии, близ Карловых Вар. – Прим. авт.), где «водяные» врачи хотели устроить ему почетную встречу, приехали для того на станцию железной дороги и, не зная его в лицо и увидав в его багаже две виолончели, приняли за странствующего музыканта, прибывшего дать концерт на водах. Любя горячо музыку и будучи из-за непрерывных занятий совершенно лишен возможности посещать публичные концерты и театры, он находил неописуемое удовольствие в своей игре, причем был чувствителен к ободрению ее даже гораздо больше, как это нередко встречается в странностях человеческой души, чем к похвалам его медицинских талантов».

Дети занимались музыкой и в семье кожевенного фабриканта Александра Алексеевича Бахрушина. Юрий Алексеевич Бахрушин писал в мемуарах, что его отец уже с детства пристрастился к музыке. Дед же не поощрял этих наклонностей своих детей, считая их «блажью» и «не мужским делом», но бабушка – Елена Михайловна, происходившая из семьи фабрикантов церковной утвари Постниковых, – покровительствовала интересу к музыке у своих сыновей. Когда Александр Алексеевич уходил из дома на фабрику, Елена Михайловна тайно учila своих сыновей Алексея и Сергея игре на рояле. «Не будучи самодуром и обладая недюжинным здравым смыслом, дед впоследствии внял заверениям, что его сыновья обладают серьезными способностями в области искусства и, уверившись, что это не блажь, разрешил им свободное время учиться, чemu они захотят».

Старший брат, Владимир Бахрушин, стал изучать живопись – «он впоследствии недурно писал маслом», Алексей (в будущем создатель знаменитого театраль-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Алексеевич Хлудов у органа, подаренного им Малому залу Московской консерватории

ного музея. – Прим. авт.) занимался игрой на арфе и пением – «у него был приятный баритон и абсолютный слух», младший брат, Сергей, избрал скрипку. «Брата Сережу, – вспоминал отец, – учил маленький серьезный старичок, знаменитый Кламрот, первая скрипка оркестра Большого театра».

Происходивший из купеческой семьи писатель Алексей Михайлович Ремизов также писал в книге мемуаров «Подстриженными глазами»: «Все у нас дома

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дочь владельца Трехгорной мануфактуры Николая Ивановича Прохорова Людмила. 1910-е годы

играли на рояле: мать и мои братья».

Дочь переехавшего в Москву сибирского золотопромышленника Сабашникова Нина серьезно занималась игрой на рояле у известного московского педагога Карла Клиндворта, была одаренной пианисткой, и, как писал ее брат, впоследствии видный книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников, «игра Нины сопровождала мое детство».

Екатерина Андреева-Бальмонт интересно рассказывала о своем музыкальном опыте: «Музыкой я в те годы занималась со страстью, заинтересованная ею с ранних лет, когда впервые услышала Нину Васильевну (Сабашникову, свою родственную. – Прим. авт.). Я тоже была очень привязана к своей учительнице музыки Шенрок, отличной музыкантше, ученице профессора Клиндворта, ученицей которой была и Нина Васильевна». В мемуарах Андреевой-Бальмонт сообщается, что Шенрок преподавала многим знакомым детям. И маленькая Катя Андреева «пристрастилась к музыке, преодолевая скуку гамм и упражнений». Из исполняемых произведений упомянуты сонаты Бетховена и переложение оперы Вагнера для фортепиано. Девочке было трудно играть, потому что у нее был плохо развит слух и почти отсутствовала музыкальная память. Но, видя рвение ученицы, преподаватели разрешали ей во время выступлений играть не по памяти, а по нотам. В подростковом возрасте Катя Андреева также начала заниматься пением.

Василий Алексеевич Хлудов из знаменитой московской семьи текстильных фабрикантов был известен как человек энциклопедических знаний и музыкант-любитель. Он два года обучался химии в Гейдельбергском университете, чтобы потом работать инженером-технологом на семейном предприятии. Предприниматель Н.А. Варенцов писал в мемуарах о посещении особ-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Владимир Сергеевич Алексеев, брат К.С. Станиславского, в усадьбе Алексеевых Любимовка. Начало XX века

няка Василия Хлудова: «В зале был вделан в стене орган, на котором играл сам хозяин, стояли две рояли, а потому часто можно было слышать игру в восемь рук. Вся семья Василия Алексеевича была музыкальная, старший сын играл на скрипке, второй на трубе, а остальные его дети на роялях. В какой бы час дня ни пришли бы к ним, всегда слышали музыку».

В семье купцов Прохоровых также обучали детей игре на фортепиано. Для Людмилы Николаевны Прохоровой, родившейся в 1898 году, музыка после революции стала профессией – с конца 1920-х годов она, будучи высланной из Москвы, жила в

Торжке и в Калинине, работала концертмейстером в Калининском музыкальном училище. Увлеченность музыкой как одной из излюбленных форм досуга была связана с приобретением хороших музыкальных инструментов. У некоторых богатых купцов образовались ценнейшие коллекции старинных музыкальных инструментов мирового класса. Таких до 1917 года в Москве имелось несколько. Стоимость скрипки Страдивари в начале XX века могла доходить до 20 тысяч рублей (при стоимости автомобиля 6 тысяч рублей).

Выдающимся коллекционером скрипок итальянской рабо-

ты, в том числе изготовленных Страдивари и Амати, был владелец текстильных предприятий в Серпухове, московский миллионер Константин Владимирович Третьяков. После смерти Третьякова в 1908 году по его завещанию коллекция была передана в дар Московской консерватории и в 1919 году составила основу Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов. Итальянские скрипки собирали и московский купец Павел Васильевич Зубов. Коллекционирование сочеталось с серьезным музенированием: маклер по хлопку и директор Московского торгово-промышленного товарищества Роман Васильевич Живаго приобрел для своих музыкальных занятий скрипку Страдивари, а мануфактур-советник, член Государственной думы, а в 1917 году министр торговли и промышленности во Временном правительстве Александр Иванович Коновалов – скрипку работы Амати. Кстати, Коновалов был чрезвычайно одаренным скрипачом, поражавшим слушателей благородством звука. Однако он столь тонко переживал во время игры – часто не мог удержаться от слез, – что врачи запретили ему подолгу играть, чтобы не расшатывать нервную систему.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Семья у рояля в доме Александра Александровича Найденова. 1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Любительский роговой оркестр в усадьбе Дмитрия Ивановича Четверикова Тимофеевка. Дмитрий Четвериков – младший (слева) и его двоюродные братья Сергей и Александр Руперти. 1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФАБРИКАНТ ЧЕТВЕРИКОВ И МУЗЫКА

Но если почти во всех купеческих мемуарах встречаются упоминания о занятиях музыкой в детстве и юности, то меньше информации мы имеем о репертуаре и организации занятий и домашних концертов.

Наиболее подробное описание своих музыкальных предпочтений оставил в воспоминаниях текстильный фабрикант и общественный деятель Сергей Иванович Четвериков. Это был выдающийся человек, явивший собою своеобразный тип образованного купца, который, наряду со своим торгово-промышленным делом, испытывал потребность наслаждения культурными сокровищами человечества. Сергей Иванович Четвериков писал о благотворном влиянии примера отца на свое эстетическое развитие: «Мой отец был большой любитель музыки и эту любовь передал нам, своим детям. Плохо владея техникой, он редко играл на рояле, а больше на фисгармонии – духовные сочинения, преимущественно Бортнянского».

Сам Сережа Четвериков с 4-летнего возраста выражал интерес к музыке и с 6 лет начал играть на пианино. Когда мальчику исполнилось 9 лет, то он начал серьезно заниматься у известного в Москве учителя музыки Александра Ивановича

Дюбюка – композитора и пианиста, автора романсов и хрестоматии «Школа фортепианной игры». Позже его учителем музыки стал живший в Москве чешский педагог Осип Риба – также автор учебного пособия. Одним из любимейших композиторов С.И. Четверикова был Фредерик Шопен, произведения которого неизменно исполнялись на домашних вечерах. Когда в купеческих семьях уже образовалось немалое количество музенирующих, то родственный круг Четвериковых, Мамонтовых и Третьяковых стал собираться в доме знаменитого фабриканта-мецената Павла Михайловича Третьякова, чтобы музенировать в восемь рук на двух роялях. Такие музыкальные вечера проходили один раз в две недели и собирали несколько

Двоюродные братья Николай Сергеевич и Сергей Дмитриевич Четвериковы идут поздравлять свою бабушку Елизавету Михайловну Алексееву с днем рождения. Усадьба Солнцево Богоявленского уезда. 5 сентября 1902 года

Сергей Иванович Четвериков (1850–1929) в молодости

десятков родственников, с удовольствием слушавших домашние концерты.

Произведения исполняли Сергей Четвериков, супруга Павла Михайловича Третьякова, Вера Николаевна, и ее сестра Зинаида Николаевна – обучавшиеся с детства музыке дочери купца Мамонтова, и кто-нибудь еще из знакомых. На концерты в доме Третьякова собирались друзья и знакомые, включая известных художников – Перова, Крамского, Лагорио.

С особым воодушевлением музыканты-любители играли переложения симфонических произведений для рояля, например увертюру Моцарта к «Волшебной флейте» или трио Бетховена до минор. Сергей Иванович Четвериков даже занимался музыкальным сочинительством и писал романсы. В юности он так был увлечен музыкой, что в какой-то момент решил посвятить себя ей профессионально, из-за чего чуть не бросил семейную фабрику, однако вовремя одумался, поняв, что переоценил свои способности. Это произошло после визита к профессору Петербургской консерватории Игнатию Боячеку, приехавшему работать в Россию из Чехии, который, глянув на написанную Четвериковым сонатину, с иронией про-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В праздничный день в усадьбе Д.И. Четверикова Тимофеевка. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

изнес: «Не видать параллельных квинт (в гармонии они считаются недопустимыми. – Прим. авт.), но и не видать таланта».

Однако всю последующую жизнь музыка не только развлекала, но и спасала в тяжелых ситуациях. Сергей Четвериков писал, что когда в 1871 году скоропостижно скончался его отец и фирма оказалась под угрозой краха, то на его плечи 20-летнего наследника бизнеса легла задача восстановления дела. Молодой человек был растерян и глубоко подавлен. Позже, осмысливая свой тяжелый период жизни, Сергей Иванович написал: «Я понял, что в той моральной депрессии, в которой я находился, единственное спасение мне нужно искать в музыке». Он не только отдохнул за роялем, но и поддержал важное общественное музыкальное движение – записался в члены Русского музыкального общества и состоял в нем затем свыше сорока лет. Это общество организовывало симфонические концерты в Москве, а также приглашало выдающихся знаменитостей Европы, включая упоминаемых Четвериковым виолончелиста Пабло Казальса и скрипача Пабло Сарасате.

Уже в зрелые годы Четвериков устраивал в начале XX века у себя дома еженедельные музыкальные вечера – играли на рояле в восемь рук или на рояле в

ансамбле со скрипкой и виолончелью. Партнерами Четверикова были секретарь Московского биржевого комитета Юлиан Игнатьевич Поплавский и сын саратовского купца Николай Тимофеевич Жегин, родственник архитектора Федора Шехтеля. В этом ансамбле периодически участвовали: старшая сестра Четверикова, Мария Ивановна Протопопова, промышленник и уже упомянутый выше скрипач любитель, известный политик Александр Иванович Коновалов и другие музыканты-любители. Сезон по заведенному обычаю открывался «Пассакалией» Баха. Исполнители играли свободно с листа и переиграли, как писал Четвериков, всю сколько-нибудь интересную литературу, переложенную на восемь рук. Исключительной любовью пользова-

Евдокия Константиновна Дмитриева, дочь московского городского головы Константина Васильевича Рукавишникова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лись такие вещи, как увертюра «Фауст» Рихарда Вагнера и его же увертюра к «Тангейзеру», увертюра Петра Ильича Чайковского «Ромео и Джульетта».

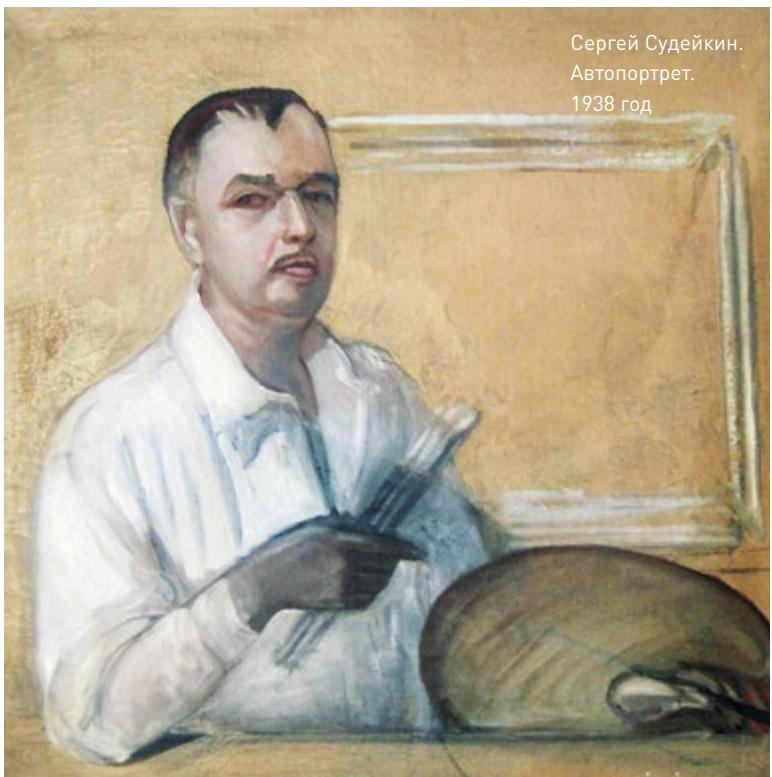
Будучи уже крупным промышленником и общественным деятелем, Четвериков отдавал много времени музыкальным занятиям, а чтобы совершенствовать технику игры, взял за правило ежегодно разучивать один камерный номер – трио или квартет. Музыка стала его настоящей страстью, и, даже потеряв, когда ему было за 50, вследствие травмы один из пальцев правой руки, Четвериков умудрялся некоторые вещи играть девятью пальцами или исполнять только произведения для левой руки.

* * *

Проблема эволюции духовного мира предпринимателей осознавалась уже современниками. Точную датировку периода культурной трансформации купечества дал в 1880-е годы романист Петр Боборыкин в эссе «Письма о Москве»: «До шестидесятых годов нашего века читающая, мыслящая и художественно-творящая Москва была исключительно господская, барская... В последние двадцать лет, <...> бытовой мир тронулся: детей стали учить; молодые купцы попадали не только в коммерческую академию, но и в университет, дочери заговорили по-английски и заиграли ноктюрны Шопена. Тяжелые, тупые самодуры переродились в дельцов, осознавших свою материальную силу уже на другой манер». Боборыкину вторил публицист Алексей Суворин, который писал в дневнике за 1884 год: «Сыновья учатся у англичан, дочери и жены выписывают наряды прямо из Парижа. Две противоположности: миллионер из мужиков в длинных сапогах, штаны в них (заправлены. – Прим. авт.), длинный сюртук, и его дети и семья – все по последней моде». ●

* Автор – доктор исторических наук.

ТЕАТР одного господина

Сергей Судейкин.
Автопортрет.
1938 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ОН МЕЧТАЛ ИМЕТЬ РЕБЕНКА И ЗАВЕСТИ АНТИКВАРНУЮ ЛАВКУ. ДЕТЕЙ У НЕГО НЕ БЫЛО, ДА И АНТИКВАРНОЙ ЛАВКОЙ ОН НЕ ОБЗАВЕЛСЯ... НО ЕМУ ПОСВЯЩАЛИ СТИХИ АХМАТОВА, КУЗМИН, ГУМИЛЕВ И МАНДЕЛЬШТАМ. ОН ЗНАЛ СЛАВУ, УСПЕХ, БОГАТСТВО И ЗАБВЕНИЕ. СЕГОДНЯ О НЕМ МАЛО КТО ПОМНИТ, А СТО ЛЕТ НАЗАД СЕРГЕЙ СУДЕЙКИН БЫЛ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ЯРКИХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ХУДОЖНИКОВ ЭПОХИ.

Групповой портрет напоминает фотоколлаж: живописец за мольбертом, подле него – три женщины, три его жены. А на заднем плане в театральной ложе за мастером

наблюдают создатель московского театра «Летучая мышь» Никита Балиев и организатор «Русских сезонов» в Париже Сергей Дягилев. Примерно так можно «пересказать» картину «Моя жизнь», которую Сер-

гей Судейкин написал, видимо, в 1940 году, как бы подводя итог своего земного пути...

Где родился Сергей Юрьевич Судейкин, доподлинно не известно. Предполагают, что в Петербурге, хотя сам он называл местом своего рождения Смоленск (род Судейкиных значился в дворянской книге Смоленской губернии. – Прим. авт.). Сергей Юрьевич появился на свет 7 марта 1882 года. Мать художника, Вера Петровна, была дочерью полковника корпуса жандармов. Отец, Георгий Порфириевич Судейкин, был подполковником Отдельного корпуса жандармов, инспектором Санкт-Петербургского охранного отделения, инспектором секретной полиции. Кстати, последний пост был создан специально для него и упразднен сразу же после его гибели в 1883 году. Когда Георгия Судейкина убили народовольцы, его сыну не было и двух лет. Судьба отца стала причиной глубокой травмы для художника, он тосковал по нему и в то же время стыдился его службы. Потому и переиначил отчество.

Первоначальное художественное образование Судейкин получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), откуда его в 1902-м исключили на год за показ на выставке фривольных работ.

Вернувшись в училище после покаянного письма, Судейкин обрел новых учителей – Константина Коровина и Валентина Серова, причем первый считал Судейкина одним из лучших учеников. Сам Судейкин учителя очень уважал и считал себя художником, «идущим от Коровина».

После окончания училища Сергей в 1909 году переехал в Санкт-Петербург, где поступил в Императорскую академию художеств, в которой учился до ноября 1911-го. Именно в столице Судейкин вошел в круг «мирискусников», познакомился с художниками Александром Бенуа и Константином Сомовым.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Судейкин.
Эскиз декорации
к постановке
пьесы «Смерть
Тентажиля»
М. Метерлинка.
1905 год

ЗНАКОМСТВО С ТЕАТРОМ

Бациллой театра Судейкин разился еще в юности, когда в конце 1890-х познакомился с купцом и меценатом Саввой Мамонтовым. Вместе с Павлом Кузнецовым Судейкин расписывал подмосковное имение по заказу Мамонтова, а также, как явствовало из покаянного заявления Судейкина в дирекцию МУЖВЗ, «завалил себя» непомерной работой на Бутырском гончарном заводе, принадлежащем купцу. Уже в 1903 году Судейкин вместе с другом Николаем Сапуновым оформлял постановки в московском театре «Эрмитаж», на подмостках которого работала финансируемая Мамонтовым Московская частная опера.

Итак, начиная с 1903 года Судейкин совместно со своим другом, художником Николаем Сапуновым, оформляет несколько постановок в «Эрмитаже» на Каретном Ряду. В 1905-м Судейкин расписал фойе Театра-студии на Поварской (при МХТ) и создал декорации к драме Метерлинка «Смерть Тентажиля» в постановке Всеявода Мейерхольда. Чуть ранее брошюра этой драмы с иллюстрациями Судейкина была выпущена в издательстве московского магазина «Книжное дело». И это стало первым опытом художника как иллюстратора. Кстати, декорации к «Смерти Тентажиля» получились чересчур изысканными. Живопись подавила театр, и Мейерхольд это сразу понял, но не разочаровался в молодом художнике, а доверил ему оформление «Сестры Беатрисы» того же Метерлинка в петербургском Театре Веры Комиссаржевской. И не ошибся – это был успех!

«До последнего века наши большие художники словно чуждались театра, словно считали его ниже своего достоинства <...> Судейкин эту ситуацию изменил», – писал о театральном дебюте Судейкина режиссер Николай Евреинов. Намерения театра сочетать пристрастие к новой литературе, преимущественно символистского толка, с поисками новых форм сценической выразительности совпадали с интересами Судейкина.

В 1907 году Судейкин участвовал в московской выставке «Голубая роза», экспоненты которой были театралами и декораторами, мистиками и мистификаторами. Особенностью «голуборозовцев» стал переход от импрессионизма к декоративности, стилизаторству, оккультной символике, иногда – примитивизму. Художников привлекало сближение живописи и театра. Театраль-

Сцена
из спектакля
«Сестра
Беатриса»
М. Метерлинка.
Костюмы
по эскизам
С. Судейкина.
Театр В.Ф. Комиссаржевской.
Санкт-Петербург.
1906 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ное действие, когда на сцене смыкались литература, музыка, хореография и живопись, наиболее точно соответствовало представлениям о синтетическом искусстве. Подобный подход был близок и Сергею Судейкину, считавшему художественное оформление спектакля равноправной частью сценического действия. Гаремный сюжет комической оперы «Забава дев» Михаила Кузмина в петербургском Малом (Суворинском) театре 1911 года банален: историйка любви к жене восточного султана вене-

цианца Учелло, обманом проникшего во дворец. Экзотика Востока была в моде. Это, а также оформление спектакля объясняют успех постановки. Николай Евреинов назвал «оперетку» Кузмина «неудачно претенциозной», что не помешало ему оценить талант декоратора. Занавес у Судейкина – восточная сказка: томная, праяя и манящая, царство чудес, грэза романтиков. «Забава дев» пленила всех, жаждущих красочного пира: Сергея Маковского, Сергея Дягилева и даже придирчивую Анну Ахматову.

С. Судейкин.
Кааван-сарай.
Эскиз декорации
к постановке
комической
оперы
«Забава дев»
М.А. Кузмина
в Малом
(Суворинском)
театре.
Санкт-Петербург.
1911 год

Зал выставки
«Голубая роза».
1907 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МЭТР В КАБАРЕ

«Судейкин знал себе цену! Он был одет всегда как денди и очень любил одевать свою жену; когда же он бывал на людях, у него появлялась даже особая, весьма неприятная манера щедрить слова сквозь зубы и смотреть на всех сверху вниз, снисходительно бросая какие-то мало значащие фразы. И тут же наступали, однако, и такие моменты, когда Судейкин все это вдруг с себя сбрасывал, и тогда перед вами оказывался настоящий художник и увлекательный человек. Таким бывал он в работе, когда одевал свой синий рабочий халат и с необыкновенной порывистостью и напряженностью, как бы шутя, бросал на полотно свои пышные, фантастичные и в то же время изысканно-гармоничные краски. Только болезненная, подчеркнутая эротичность, часто жуткая до безумия, отталкивала лично меня от живописи Судейкина в целом», – писал в мемуарах «Жизнь в театре» режиссер Александр Мгебров. Сергей Судейкин стал одним из организаторов богемного кабаре «Бродячая собака», украсив его стены прихотливо пышной росписью. Он был важной фигурой в кабаре, став «кавалером почетного ордена «Собаки». В гимне «Собаки», написанном Михаилом Кузминым, есть такие слова: «Словно ротой Гренадерской предводительствует дерзкий сам Судейкин господин». Кстати, интересно отношение к «господам» самого художника, человека родовитого и не бедного. Его вторая жена в 1918 году вспоминала, как Судейкин просил не называть его «господином», так как «ни раньше, ни теперь им себя не считает». В январе 1913-го в «Собаке» ставили рождественскую мистерию. Примитивистские декорации и костюмы соответствовали поэтике представления, а кукол заменили живые актеры. Деву Марию играла жена Судейкина – Ольга Глебова, новорожденного Христа изображала кукла.

С. Судейкин.
Портрет
О.А. Глебовой-
Судейкиной
в роли Путаницы
из одноименной
пьесы
Ю.Д. Беляева.
1909 (1910?) год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На маленькой сцене декорация: на фоне синего коленкора – битва между ангелами и черно-красными демонами. Евреинов вспоминал, что рай и ад, три волхва и Богородица – все было подано художником как умильная наивность, пленительная для безбожников и верующих. Дягилев был восхищен. И позже предложил художнику вновь обратиться к истории царя Ирода.

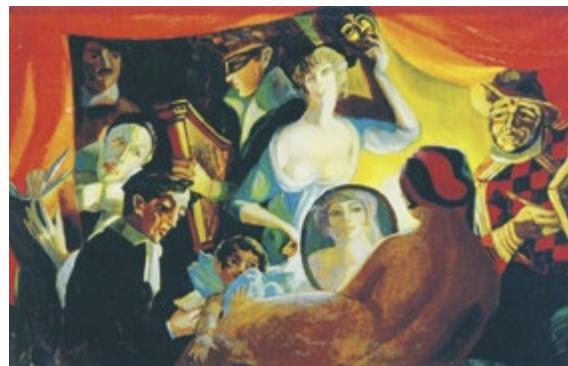
На смену «Бродячей собаке» пришло новое кабаре – «Привал комедиантов», в котором Судейкин также расписал зал. Стены и потолок закрасил черным. Во мраке подвальных сводов мерцали знаки зодиака – осколки зеркал в золотом обрамлении. Мрачно, таинственно и театрально. Открытие подвала было демонстративно «кабаретным». Гостей при входе встречал карлик в диковинном костюме по эскизу Судейкина. Сновали слуги в восточных тюрбанах.

Если «Бродячую собаку» украшал портрет Ольги кисти мужа в роли Путаницы, то в «Прива-

ле комедиантов» гости могли увидеть ее эротический портрет в виде нимфы, за которой ухаживает фавн, смахивающий на Мейерхольда. Но «Привал», безусловно, ассоциируется с другой картиной, давшей название заведению. На знаменитом групповом портрете 1916 года художник изобразил важных для него людей, отведя каждому свою роль. Он – Арлекин, Пьеро – поэт Михаил Кузмин, актерка-кукла – Ольга Глебова-Судейкина, Муза-Венера – вторая жена Судейкина, Вера Шиллинг, Доктор Дапертуто – Всеволод Мейерхольд.

На смену «Бродячей собаке»

С. Судейкин.
Кабаре «Привал
комедиантов»
(Моя жизнь).
1916 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАК КАРСАВИНА СТАЛА КОМЕТОЙ

Сергей Дягилев зорко отслеживал успехи своего тезки. И привлек его к работе в Париже в 1912 году. Судейкин согласился на роль ассистента Льва Бакста в новых постановках дягилевской антрепризы и создал затейливые декорации по «капризным эскизам капризного Бакста». Французский дебют самолюбивого Судейкина не обошелся без курьеза. Декорация к балету «Послеполуденный отдых фавна» была написана сначала в довольно свободной трактовке эскиза Бакста. По окончании работы Бакст зашел в мастерскую. Глянул на задник по своему эскизу и протянул: «Знаете ли, здесь немножко...» «Хорошо, – перебил нервно Судейкин, – я перепишу все заново». Он смыв все написанное, точно копируя эскиз Бакста, и отправил декорацию в театр. Пришел Дягилев. Взглянул и ахнул от досады: «Ну что это, голубчик!.. Я думал, вы внесете свои краски в эту бакстовскую бледную немочь! А вы вместо этого... Зачем же я вас привез сюда, спрашивается?»

Выдержав свой «экзамен» (Бакст с благодарностью расцеловал соперника, услужившего ему в роли помощника. – **Прим. авт.**), Судейкин вернулся в Петербург с новым заказом от Дягилева – написать декорации к «Весне священной» Игоря Стравинского по эскизам Николая Рериха.

Мастерство Судейкина столь восхитило Дягилева, что он подумал: а почему бы не испробовать в Париже Судейкина как самостоятельного декоратора? Импресарио начал издалека: рассказал об идее постановки короткого балета с Карсавиной и спросил, что он думает о Саломее. Судейкин представил Саломею кометой, которую тянут на землю любовь и злодеяния в день уsecновения головы Иоанна Крестителя. Дягилев удивился, но воодушевился – и Судейкин исполнил задуманное. Тамара Карсавина в образе Саломеи-кометы появлялась перед зрителем

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сергей Судейкин

Тамара Карсавина
в роли Саломеи. Костюм
по эскизу С. Судейкина

на вершине лестницы. Балерина танцевала без перерыва 13 минут. С последним аккордом она падала под тяжестью щитов плачей. Свет гас.

Мастерство художника в «Саломее» высоко оценил режиссер Владимир Соловьев в журнале «Аполлон» в 1917-м. «Здесь у Судейкина краски приобретают значение символов. Золото, играющее роль орнамента в общей амальгаме, означает царское достоинство и благородное происхождение Саломеи, пурпур – потоки крови и искупительные жертвы, а прозрачная синева – настроение великой ночи, полной значительных и загадочных событий. <...> Великолепно сказочен белый костюм Саломеи с длинным шлей-

фом и синими страусовыми перьями. Остроконечная прическа, напоминающая тиары ассирийских царей, обнаженные сосцы грудей, бледно-белое, как бы наштукатуренное лицо с кирпично-красной чертой губ – все это отчетливо характеризует сладострастие Саломеи». Спектакль получился инфернальным: черное мистическое небо с крупными звездами, огромные ангелы с лазоревыми крыльями... Кстати, художник собственноручно рисовал розу на колене балерины.

Дерзкий спектакль восприняли неоднозначно. Несмотря на это, Дягилев предложил художнику новый заказ – костюмы для балета «Маска Красной смерти». Но постановка, намеченная на осень 1914-го, не состоялась: началась война. Мэтр был завален театральными заказами, словно в компенсацию будущего.

КОЛОМБИНА И БЯКА

Со всеми тремя женами Сергея Судейкина знакомил театр. Первая супруга, обворожительная Ольга Глебова, была актрисой и танцовщицей. В конце 1906 года в Петербурге она провожала художника на поезд. Он ехал в Москву. Ольга поднялась в вагон и... уехала с возлюбленным, позабыв о театре, в котором служила. Вскорости Судейкин и Глебова обвенчались. По выражению Анны Ахматовой, Ольга была для мужа «предметом культа», он хотел сделать из жены «произведение искусства». И сделал. Жена была его «кreatурой», его Коломбиной – от манер до экстравагантных нарядов. Но вскоре на смену чувствам пришло разочарование. Однажды Ольга заглянула в дневник друга семьи поэта Михаила Кузмина, который у них гостили. И узнала, что поэта с ее мужем связывает не только давняя дружба. Супруги расстались, хотя развелись не сразу. Новой избранницей художника стала Вера Шиллинг (урожденная де Боссе) – тоже актриса, танцовщица. Современники негативно отнеслись

к Вере и окрестили ее Бякой – во многом из чувства солидарности к всеобщей любимице Ольге. Ученица Судейкина Ольга Морозова вспоминала о визите в мастерскую художника двух красавиц, его жен – бывшей и настоящей. Вместе они на многих рисунках и картинах Судейкина.

Вера пришла в московский Камерный театр к Таирову и сказала, что хочет быть актрисой. Решительность и красота сделали свое дело: Таиров взял ее в театр. Там же она познакомилась с Судейкиным. Именно по его просьбе для Веры был придуман испанский танец в «Женитьбе Фигаро». Волевая брюнетка, практичная и умная, Вера стала не только спутницей художника, но и музой, помощницей и, как и Ольга, моделью. До нас дошел двухлетний дневник Веры о жизни в Петрограде, Крыму, Грузии вместе с Судейкиным. Благодаря записям любящей женщины под маской мизантропа проглядывает другой Судейкин – остроумный, тонкий и трогательный. И конечно – талантливый.

Вера иронично пишет о нелегкой задаче музы-жены. Судейкин вскипал, когда его дивная Вера или, как он шутил, Венера Амурновна, худела, изнуренная бытом: «Ну какая же ты дура – не меняешь кухню и хозяйство на роль музы – на божественное времяпрепровождение – участвовать в создании талантливейших вещей талантливейшего из художников. <...> Будет выставка исключительно из твоих портретов, будут говорить: вот истинная муз художника».

Мудрая Вера сумела «приручить» дикого Судейкина. Ее ярко описал Александр Бенуа: «У Судейкина «новая жена» (так и говорит), очень красивая, полногрудая, статная, лупоглазая. <...> Судейкин, видимо, по уши влюблен – и, не стесняясь ее присутствием, воздает ей неистовые хвалы. Уверяет, что она его спасает, отучила от пьянства, «дурной жизни».

С. Судейкин.
Портрет Веры
Судейкиной.
1921 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

На даче
Браиловских
в Крыму.
Слева – Леонид
и Римма
Браиловские,
справа –
К.С. Станислав-
ский

КРЫМСКИЙ КРУГ

В феврале 1917-го Судейкин приветствовал революцию и откликнулся на нее плакатом-карикатурой на Николая II. Александр Бенуа вспоминал в марте того же года: «Сегодня на собрании председательствовал Горький, <...> Маленькое интермеццо внес телефон Судейкина, которого «товарищи»-солдаты вместе со всей нестроевой ротой, укрывающей всяких художников и музыкантов, ныне заставляют нести общие для всех обязанности. Судейкин умоляет «спасти» его». Горький обещал позаботиться, но, по-видимому, помочь не смог; художник был отправлен на фронт, а в начале июня группа московских художников, освобожден-

ных от призыва (В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, Л.О. Пастернак и другие), «подали заявление военному министру и в мобилизационный отдел Главного управления Главного штаба об освобождении художников от военной службы. <...> В результате этого письма по двум поенным спискам свидетельство об освобождении получили 23 художника, в том числе друзья Судейкина: Анисфельд, Григорьев, Кузнецов, Милиоти». В июне того же года он с Верой покинул Петербург и уехал в Крым, затем – в Тифлис.

В крымских записях Веры часто упоминаются Леонид и Римма Браиловские (художник Леонид Браиловский был в числе тех преподавателей, кто в 1902 году подписал постановление об отчислении Судейкина из МУЖВЗ. – Прим. ред.). Какое-то время Судейкины в Крыму даже жили у них. Знакомые прозвали художника Наполеоном за диктаторские замашки и характерные позы. Этот меткий образ возникал у разных людей и в разное время. Писатель Георгий Иванов вспоминал мэтра – со скрещенными по-наполеоновски руками, трубкой в зубах и не-проницаемым выражением «совиного лица». Частый фигурант записок Веры, художник

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Савелий Сорин, был преданным другом Сергея и Ольги. Видимо, именно Сорину адресованы строки письма Судейкина: «Если бы передо мной была задача вывести <...> светского художника, молодого, красивого, элегантного, такого, при одном виде которого каждый безошибочно сказал бы «это художник», <...> я бы непременно взял моделью С.А. Сорина!» Правда, Вера не очень жаловала Сорина, судя по дневнику.

В Крыму образовался настоящий творческий кружок петербургской интеллигенции. Говорили об искусстве, о России, о революции. В один из таких вечеров 1918 года у Судейкина спросили: «Неужели у вас, Сергей Юрьевич, не болит сердце за родину?» «Оно переболело уж давным-давно, и теперь я благословляю приход немцев, которые делают нас снова людьми! И неужели вы думаете, что Россия была раньше Россией, а не немецкой колонией? А Николай был русским? А Екатерина Великая была русской? Нет, не говорите мне о России, она умерла вместе с Алексеем Михайловичем. Теперь, может быть, наступил момент, когда Русский дух снова возродится!» – ответил он.

Сейчас бы сказали, что это плач по потерянной России. У Судейкина вообще был оголен нерв «русского», родного. Тогда же он признался жене: «Все-таки Россию никогда не забудешь, и знаешь, о какой мастерской я мечтаю, может быть, это несложно – в русском стиле. Бревенчатые стены, угол с иконами, и ты сидишь там персидской царевной».

В Крыму Судейкин поразил публику признанием, что он строго верующий православный и... большевик. «Сережа – червонный король. С одной стороны – большевик, с другой – во фраке и с моноклем». – Эта фраза Веры в дневнике метко характеризует натур художника, в котором театральность переплелась с естеством.

С. Судейкин.
Кукольный театр.
1915 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЖИВОПИСЬ КАМАРИНСКИМИ КРАСКАМИ

Помимо создания декораций и костюмов для театра Сергей Судейкин занимался станковой живописью, графикой. Писал стилизованные пасторали,натюрморты, портреты, бывал и графиком-иллюстратором. Художник Сергей Маковский определил характерную черту творчества Сергея Судейкина как «аллегорический сентиментализм». Современники отмечали «гибкость мазка», но попрекали за неясность форм и образов и, как бы извиняясь, отмечали, что он именно декоратор, хотя и талантливый. Впрочем, некоторые считали Судейкина «убийцей театра», так как зрители приходили смотреть именно на декорации. «Судейкин весь в прошлом, но он весь живой, радостный, реальный. В нем нет ни капли сладкого яда меланхолии», – сказал писатель Алексей Толстой о художнике, сделавшем замечательные иллюстрации к его «Русалочьим сказкам».

В единственной монографии о Судейкине искусствовед Дора

С. Судейкин.
На кладбище.
Эскиз декорации
к балету А. Адана
«Жизель».
1915 год

Коган писала, что «комедия дель арте воспринималась воплощением стихии чистой театральности, приверженность к которой <...> Судейкин не мог не испытывать по всему своему творческому складу». Не случайно герои Гоцци и Гофмана воскресают на его полотнах наравне с русскими лубочными персонажами. Художник покупал у старьевщиков иконы и статуэтки, которые потом украшали его полотна. Фарфоровые куклы и герои комедии дель арте – его любимые персонажи. Судейкин писал свой мир – причудливый, жеманный, в котором были властелином образов. Цветы и амуры, маркизы и крестьянки – все как будто играют в театре Судейкина.

Мастер много работал для балетных постановок. В «Лебедином озере» он стремился к колористическому слиянию декораций с музыкой; в «Андалузiane» хотел показать «бытовую Испанию» в духе Гойи; в «Козлоногих» испробовал опыт «кубической трактовки декораций»; в хореографической фантазии «Русские пляски» поставил неслыханную задачу – создать «иконописную живопись камаринскими красками». Нередко танец появлялся на его полотнах. Одна из наиболее знаменитых картин – «Балет» 1910 года. Этой картине посвятил одноименное стихотворение Михаил Кузмин. – Судейкин занимает свое собственное место, потому что академические навыки и умения он соединил с народным творчеством, представлениями о современном искусстве и салонным

академизмом. Он попытался выработать свое искусство и сделал это. Лубок у него не лубок – стилизация! К Судейкину много претензий в частностих, но суммарно – это грандиозный художник, который балансировал между академической выучкой, французской школой и диким авангардом, – говорит искусствовед Дмитрий Северюхин.

ПЛОХОЙ КОММЕРСАНТ

Эмигрировав в Париж в 1920 году, Судейкин оказался в вакууме. Одним из немногих, кто помог Судейкину тогда встать на ноги, был Бакст.

Первый успех Судейкина в эмиграции связан с театром Никиты Балиева «Летучая мышь» в декабре 1920-го – апреле 1921-го. Но это время было омрачено потерей жены: Сергей Дягилев познакомил Веру с композитором Игорем Стравинским, спутницей которого она впоследствии стала... Судейкин тяжело пережил уход жены. Правда, это обстоятельство не помешало ему и дальше сотрудничать со Стравинским. Французский критик Дени Рош назвал «русского варвара» «апостолом добродушного юмора, шаржа, буффонады и фантастики». Театральные заказы посыпались как из рога изобилия. Когда Анне Павловой для гастролей понадобились новые художественные постановкибалетов, она знала, что в моде именно Судейкин. Летом 1922 года (по другим источникам – в 1923 году) перед отъездом из Франции в честь художника был устроен прощальный ужин. «Не понимаю, как ты, с твоим талантом, твоей культурой решил вдруг уехать в Америку – страну бескультурья, наконец, страну без истории?» – возмущался тогда Дягилев. Это была их последняя встреча. «Мы соединимся и будем делать историю», – отвечал Судейкин. В Америке художник начал новый этап жизни, о котором известно совсем мало. Там в театральных кругах он встретил третью жену – певицу Джин Палмер.

В конце февраля 1924 года избранная публика Нью-Йорка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Савелий Сорин.
Автопортрет
из альбома
В. Судейкиной.
Около 1920 года

получила приглашение на открытие диковинного «Подвала падших ангелов». Судейкин пытался возродить традиции «Бродячей собаки» на чужбине. Увы, программа оказалась слишком изощренной – затея провалилась. Тем временем за Судейкиным зорко следили в «Метрополитен-оперу». И не просто так – предложили сотрудничество, ставшее плодотворным. Дебютным совместным проектом стала постановка «Петрушки» Игоря Стравинского.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С. Судейкин.
Афиша спектакля
«Патриот».
1926 год

Судейкин мог взяться за более выгодный проект, но выбрал «Петрушку».

«Я пытался провести в моих костюмах и декорациях тот же синтетический реализм, что и Стравинский провел в музыке. Вы видите русскую жизнь, где сметались все сословия. <...> В «Петрушке» жизнь должна быть сказкой и сказка – жизнью. <...> Я утверждаю, что глаз является столь же важным воспринимателем музыкальной композиции, как и ухо», – объяснял в интервью художник.

Евреинов отметил среди прочих находок художника в «Петрушке» – валенки, в которых должны были выступать герои. Помимо «Петрушки» Стравинского Судейкин оформил его же «Свадебку», «Садко» Римского-Корсакова, «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского. Занимался декорациями к операм Джорджа Гершвина, интересовался джазом. Работал над декорациями «Воскресения» в Голливуде. «Несмотря на свое пристрастие к амурам, пышным празднествам галантного века и к миру сновидений <...>, Судейкин почти всегда остается русским человеком. А русским людям так свойственно совмещать в себе великие и малые противоречия. <...> Общерусская антитеза – Бог и дьявол – в творчестве художника принимает характер двухчленной формулы: Эрос и аскеза», – подметил Владимир Соловьев... К сожалению, наследие Судейкина передать в Советский Союз, как он мечтал, не получилось, оно разошлось по частным коллекциям. 12 августа 1946 года Сергея Судейкина не стало. Коллекционер Никита Лобанов-Ростовский приобрел архив художника и передал в ЦГАЛИ. Это фотокопии эскизов декораций и сцен; альбом сrepidукциями. А еще – записи и статьи художника, мемуары, письма, рецензии, фотографии, рисунки. Среди его воспоминаний особенно пронзительно звучит вопрос, заданный самому себе: «Где вы все, с кем я работал, был близок, где я, вечный скитаец, находил семью...»

КОЛЛАЖ О БОРОДИНА

АВТОРА! АВТОРА!!!

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

НАРОДНЫХ ПЬЕС – НЕТ, НАРОДНЫХ СКУЛЬПТУР – НЕТ, НАРОДНЫХ КИНОФИЛЬМОВ – НЕТ. НАРОДНЫХ НАТЮРМОРТОВ – ТОЖЕ НЕТ. А НАРОДНЫЕ ПЕСНИ – ЕСТЬ. НЕ НАХОДИТЕ СТРАННЫМ?

ПЕРВАЯ ФАМИЛИЯ, НА-
всегда внедрившая-
ся в мозг на заре жиз-
ни – Пушкин. Дедушку
Ильича вынесем за скобки, так
как слово «Ленин» имело колос-
сальное конкурентное преиму-
щество перед всеми другими
известными мне тогда слова-
ми, исключая слово «мама». Оз-
начало оно вовсе не фамилию,
а само мироздание. О том, кто
истинный автор и хозяин ми-
роздания, узнать довелось не-
сколько позже. По большо-
му счету «Пушкин» к фамилии
отношение имел слабое. Это
было совершенно конкретное
понятие. Пушкин – это сказки.
Так же как Чапаев – командир,

Кобзон – радио, Гагарин – раке-
та, Фидель – Кастро, Брежнев –
дорогой.

Постепенно список говорящих
фамилий увеличивался, а сами
фамилии обретали человечес-
кие образы. Оставаясь при этом
ассоциациями. Появился сино-
ним футбола – Пеле, хоккея –
Фирсов, живых овощей – Джан-
ни Радари, живого героя – вовсе
не дядя Степа, а князь Андрей.
«Войну и мир» на ночь дошколья-
там разумные родители не чи-
тали, но фильм-то уже вышел.
С афиш на меня смотрел краси-
вый мужчина в белом, а дамочки
в магазинах и троллейбусах
не уставали повторять: «Ах, Бол-
конский! Ах, Тихонов!»

Широкие школьные двери уве-
личили мир в разы. Список нач-
ал пополняться стремительно.
Среди прочих в него ворвалась
и такая фамилия – Роднина. Еще
не «Калинка». Просто – Роднина.
С фигурным катанием довелось
познакомиться в полусознатель-
ном возрасте, но было оно при
знакомстве красивым и безлич-
ным. «Белоусовапротопопов» –
нечто вроде параллелепипеда,
запомнить или выговорить труд-
но. Само же знакомство было до-
бровольно-принудительным. Фигурному катанию как зрелищу в
СССР невероятно повезло. Успе-
хи в этом виде спорта совпали с
массовым появлением в совет-
ских семьях телевизоров. Пусть –
черно-белых, пусть – с двумя ка-
налами, пусть – с одутловатыми,
как щеки пьяниц, экранами. Но все-таки – с изображением.
«Болеть» за хоккеистов и футбо-
листов можно и ушами. Радио-
комментаторы прошлого как-то
умудрялись показывать матч сло-
вами. А попробуй-ка переска-
зать показательную программу

фигуриста-одиночки. Равно как и пары. «Второй ногой», на которую уверенно встала в стране «фигурка», стала женская половина населения, начинавшая отговаривать после отмены 6-дневной рабочей недели в 1967 году. В часы досуга до появления трансляций с турниров по фигурному катанию на коньках ей – половине этой – предлагались такие виды спортивно-домашних развлечений, как лото, домино и хоккей по «ящику». Что до интеллектуальной пищи, то художественные фильмы показывали редко, телесериалное «мыло» в стране отсутствовало наравне с французскими духами. Конечно, можно было отправиться в кинотеатр или дом культуры, но так хотелось расслабиться в домашней обстановке, не на людях. Да, книга, оно, конечно, хорошо...

И вот грянул праздник! Первая трансляция соревнований прошла в 1965 году, когда в Москве состоялся чемпионат Европы по «фигурке». Ирина Роднина с первым партнером, Алексеем Улановым, дебютировала на крупном состязании на следующий год – на международном турнире «Московские коньки». Женщины скапливались у телеэкранов, как у прилавков ГУМа на распродажах польской косметики. Тут тебе и танцы на коньках, и музыка всяческая, и умопомрачительные костюмчики, и победные эмоции. Мужчины, берегитесь с вашим «Спартаком» и ЦСКА! Руки прочь от телевизора! А ты, маленький, садись рядом с бабушкой, смотри, как все замечательно. Вот и Роднина с Улановым, которые обязательно выиграют. А на показательных «Калинку» станцуют...

Эту программу довелось видеть десятки раз с тех пор, как она появилась в репертуаре Ирины Родникиной в 1968 году. И десятки раз довелось слышать высокий и необъяснимо раздражавший голос единственного на всю страну «фигурного» телекомментатора, Сергея Кононыхина, представлявшего грядущий апофеоз «под русскую народную песню «Калинка».

В конце 60-х сидевшему у подследоватого экрана мальшу в голову не могло прийти, что в конце 80-х он встретится с Ириной Родниковой на предмет большого – как говорят в газетных редакциях, полосного – интервью для некогда популярного, а ныне почившего в архивах еженедельника «Спортивная Москва». Готовясь к встрече с трехкратной олимпийской чемпионкой, из списка вопросов категорически исключил один – про произвольную программу «Калинка». Он казался венцом тривиальности. И ведь надо же, все два часа разговора в голове параллельной записью назойливо крутилось «в саду ягода малинка, малинка моя». Но – сдержался.

Интервью вышло почти без правки. С Ириной Константиновной более встретиться не случилось. Но жизнь так устроена, что сотни встреч не оставят и следа, а один-единственный разговор заставит посмотреть на что-то другими глазами. Причем бывает и так, что это «что-то» в разговоре вообще не затрагивали. Та же «Калинка», например. Как раз тогда мне впервые показалось крайне нелепым расхожее определение – «народная песня». В том смысле, который вкладывали в него жизнерадостные конферансье всех мастеров и прочие ведущие телевизионных «Голубых огоньков» и радиоконцертов по заявкам труящихся. Если совсем просто – песня, написанная самим народом. Скопом.

Захотелось вдруг уточнить: народ – это сколько? Опять-таки, недурственно было бы процесс воспроизвести. Так и видится покатый берег Волги где-нибудь под Самарой, седые звезды высыпают в темноте силуэт баржи, уткнувшейся брюхом в песок, беснующийся на вечернем ветру костерок. Вокруг – десяток осторвневших от бечевы бурлаков. Выясняют, валясь от усталости, как лучше: «Эй, дубинушка, ухнем!» или «Ух, дубинушка, ахнем!» Сговорившись, что лучше «Эй», на разные лады подбирают подходящую мелодию. И что досадно, даже не ведают, что «Дуби-

нушку» уже сочинили мужики, промышлявшие когда-то вбиванием свай в грунт.

Думается, как-то иначе все происходило. Имею в виду рождение песен. И процесс этих родов вряд ли отличается от аналогичного процесса в других видах искусства. Какой-нибудь поцелованный Господом пастушок, кузнец, дворовая девка, сторожевой казак, а то и сам боярин являл на свет куплет-другой-третий, напевая под нос на подсказанный откуда-то свыше лад. Услыхали. Понравилось. Запомнили. Понесли далее по всем и городам бескрайней России. По дороге что-то забыли, что-то поменяли, что-то добавили. Как звали того пастуха или на чьем дворе жила та девка, никто уже и не помнил. Ни к чему было. Да и как тут упомянуть, если фамилии у большинства появились только в XVIII–XIX веках? У бояр и князей, правда, лет на четыреста раньше, ну да сколько их было-то, бояр да князей? Со временем авторство начали фиксировать. Но без лишнего пафоса. Не принято было кичиться талантами. Да и продюсеров еще не развелось.

ВОЗРОЖДАЯ ПАМЯТЬ

4 февраля 1830 года, сообщает нам Большая саратовская энциклопедия, в Перми в семье ассессора гражданской палаты (в армии – капитанский чин) Петра Ларионова родился сын, названный Иваном. Далее стоит ссылаться на таких людей, как саратовский музыкoved Борис Манжора, саратовский же писатель и краевед Владимир Вардигин, пермский публицист Владимир Михайлук. Суммируя произведенные ими «историко-реанимационные» работы по возрождению памяти Ивана Петровича, получим следующий результат. Крестили младенца на третий день, крестным отцом стал гражданский губернатор Пермской губернии Кирилл Тюфяев. Отношения губернатора и простого ассессора были, очевидно, дружескими. Вероятно, этим можно объяснить появление 9-летнего Вани в рядах

1-го Московского кадетского Екатерины Великой корпуса. Прибыл он в Первопрестольную отнюдь не неучем, как многие дворянские дети из провинции. В Перми Ларионовым повезло с соседом. Отец Константин с удовольствием занимался с Иваном и его товарищами, учил грамоте, латыни, церковному пению. Сам Иван Петрович, сделавшись уже в зрелом возрасте музыкальным критиком и журналистом, вспоминал в мемуарах «Из рукописи неизвестного музыканта», как знакомил священник мальчишеск со стаинными песнями, аккомпанируя себе на гуслях. «Словно каменный, простоял я на одном месте без движения, без мысли, без дыхания... а тихие, чудные слезы, первые музыкальные слезы мои, незаметно прошли через веки...» – писал будущий автор всемирно известной «Калинки». Ой, вот и проговорился... На предмет причины, по которой вспомнился Иван Ларионов.

Да-да, если кто не знает, у «Калинки» был автор, имя которого вовсе не «Народ». Оно занесено в метрическую книгу Пермской епархии, в списки личного состава Императорской армии, этим именем подписаны десятки публикаций в саратовской печати. Наконец, публичные выступления в Саратове и Петербурге подтверждают, что Ларионов подарил нам романсы «В поле ветер веет», «Чувство художника», «Прости», «Звуки», «Саночки». И оперу «Барышня-крестьянка» по мотивам пушкинской повести. Ну и, само собой, «Калинку».

О том, что у мальчика пробивается музикальный талант, стало ясно еще в Перми. И слух у него был замечательный, и голос. Последняя опция, как известно, в переломном возрасте у многих теряется. История итальянского вокального вундеркинда Робертино Лоретти, от голоса которого в первой половине 60-х прошлого века сходила с ума не только вся Европа, но даже весь охраняемый железным занавесом от лишних эмоций Советский

Союз, достаточно красноречива. Мальчик вырос, голос «сломался», и Робертино исчез. К Ивану Ларионову судьба оказалась куда благосклоннее. В 1860 году он сам представил «Калинку» публике нежным и сильнымтенором. Хотя, будучи кадетом, вряд ли мечтал об этом. Просто любил музыку, в свободное от занятий и муштры время брал уроки игры на фортепьяно у корпусного капельмейстера, пел в хоре. Настолько успешно, что под выпуск из корпуса стал его регентом. Выпуск, кстати, состоялся в 1848 году. Другие источники говорят о 1849-м, но в этом случае вряд ли молодой офицер успел бы прибыть к своему пехотному полку в Венгрию, куда Николаем I были отправлены до 180 тысяч штыков и сабель для подавления национального восстания против власти австрийских Габсбургов. Поэтому как выпуск из корпуса происходил, как правило, летом. А все события завершились усмирением мадьяр в августе 1849-го. После Венгерской кампании Ларионов вернулся в «альма-матер» – офицером-преподавателем во 2-й Московский кадетский корпус. Никакой ошибки тут нет. Формально, конечно, 2-й корпус – не 1-й. Но географически – общая точка на карте Москвы. И те, и другие кадеты располагались в здании Екатерининского дворца в Лефортово, известного так же, как Головинский дворец или Екатерининские казармы. Ныне в комплексе размещается Общевойсковая академия Вооруженных сил РФ.

В 1858 году штабс-капитан Ларионов выходит в отставку. И дело, скорее, не в том, что офицер-педагог без связей и профессиональных амбиций не мог рассчитывать на успешное продвижение по службе. Тянуло Ивана Петровича в другой мир – мир свободного творчества, мир музыки. Даже во время службы – а служба в кадетских корпусах требовала времени и сил – он умудрялся находить время для систематических занятий вокалом и композици-

ей. Сказать, что «Калинку» сотворил самоучка, это, значит, сильно ошибиться. Одним из учителей в этот период у Ларионова был хормейстер Императорских театров Рудольф Славик. Мастерству хорового пения учился у Славика и знаменитый создатель «Славянской капеллы» Дмитрий Агренев. Позже, когда «Калинка» уже была написана и пропета самим Ларионовым, Агренев включил песню в репертуар своего феноменального хора, чем прославил ее на всю Россию. Благодаря хору Агренева-Славянского «Калинку» узнали и полюбили в Европе и США. Сам Дмитрий Александрович вспоминал об успехе песни так: «Темпераментных испанцев поразило наше исполнение, и сами песни тронули их до того, что вошли в моду не только в высшем обществе, но и распевались на улицах. «Эй, ухнем», «Ходила младешенька», «Чернобровый», «Вниз по матушке», «Калинка» правильно схвачены и верно распеваются в Мадриде».

Выйдя в отставку, Ларионов осел в Саратове. Главное, чем он занимался, – это собирание тех самых «народных» песен без роду и племени в Поволжье. Есть данные, что его коллекция насчитывала по меньшей мере 400 песен. Иван Петрович пытался превратить свои находки в некий сборник с нотным приложением, но необходимых средств для его издания не нашел.

На сегодняшний день судьба его коллекции неизвестна. Известно другое. В 1884 году «летописец земли саратовской» Николай Хованский выпустил в свет научно-популярное исследование «Очерки по истории г. Саратова и Саратовской губернии», в котором писал: «В 1860 году на любительской сцене в Саратове был поставлен акт из драмы «Бобыль»... музыка которой была написана г. Ларионовым в Саратове. Из числа вставных номеров этого акта особенно хорошо была принята публикою песнь «Калинка», исполнявшаяся автором. Эта же песнь поется

КОЛЛАЖ О БОРОДИНА

хором, слова и музыка принадлежат Ларионову... Ларионов – композитор и умный музыкальный и театральный рецензент. Он проживает в Саратове уже около 20 лет и силы его отданы местной газете. Таким образом, по всей справедливости он может считаться одним из местных деятелей».

Пик, скажем так, общероссийской известности Ивана Петровича пришелся на 1875 год. В Петербурге на сцене Клуба художников несколько раз давали оперу «Барышня-крестьянка», написанную Ларионовым в 1867 году, в то время, когда он служил мировым судьей в Ижевском оружейном заводе в Вятской губернии. Опера понравилась публике, автора вызывали на поклон, но вот присутствовал ли сам композитор на представлениях – большой вопрос. В эти годы судьба подбрасывала Ларионову одно испытание за другим. При родах третьей дочери умерла его супруга. Иван Петрович с тремя девочками на руках вернулся в Саратов, где ради стабильного достатка вынужден

был переквалифицироваться в музыкального критика. Но какой стабильный достаток у критика? Дела шли все хуже и хуже. В 1880 году за долги пришлось выставить на торги дом. Здоровье стало стремительно ухудшаться, и спустя девять лет Иван Петрович умер от рака желудка.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА РОССИИ

А «Калинка» продолжала жить. Ее с успехом исполняла популярнейшая певица Надежда Плевицкая. В советское время новый импульс песне придал основатель Ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной армии Александр Александров. До сих пор «Калинка» – визитная карточка прославленного военного ансамбля... В 1964 году у Ирины Родиной появился новый тренер – великий Станислав Жук. Это он поставил ее в пару с Алексеем Улановым. Это он создал великую программу «Калинка», с которой Ирина Константиновна покорила весь мир и выиграла множество наград. А обкатка

программы началась в 1968-м. После завершения карьеры в одном из интервью Роднина призналась, что после многократных исполнений – а «Калинку» публика на показательных требовала всегда и всюду – эта мелодия и сам танец у нее «в печеньках сидели». Кто б сомневался. А вот знала ли 19-летняя будущая чемпионка, что музыка, под которую она начала триумфальный путь по планете, вовсе не народная, что написана она вместе с простенными стихами неким отставным штабс-капитаном Иваном Ларионовым, никто, похоже, так и не спросил. И я в конце 80-х тоже не спросил. Потому как сам тогда этого не знал. Да и откуда? В то время кощунством было думать, что любимую народную песню мог написать царский штабс-капитан, к тому же душитель Венгерской революции.

Нынче Ирина Константиновна Роднина – депутат Государственной думы от Московской области. Но вдруг занесет судьба в Саратов или Пермь? В городе на Волге на доме 13 по проспекту Кирова, в котором находилась редакция «Саратовского листка», с которым сотрудничал Ларионов, с 1999 года висит мемориальная доска в честь композитора. В городе на Каме в 2010 году на городской Аллее Доблести и Славы торжественно открыли памятную плиту в честь автора «Калинки». Можно, что называется, встретиться... В Москве на здании, где некогда размещались 1-й и 2-й кадетские корпуса, памятных досок в достатке. Все больше – в честь маршалов бронетанковых войск. Но одной, очевидно, не хватает – в память о простом пехотном штабс-капитане Иване Ларионове, создавшем народную песню, по первым звукам которой нас узнает весь мир. А будь на Екатерининском дворце мраморная доска или бюст какой во дворе – и встречаться было бы проще. От Охотного Ряда до Лефортова куда как ближе, чем до Саратова. И тем более – Перми.

МУЗЕЙ ДЛЯ ЗНАЕК

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ВЫ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАЛИ В ДЕТСТВЕ ОТКРЫТКИ? ПОДПИСЫВАЛИ, ДАРИЛИ?.. А ПОМНИТЕ ТО ВРЕМЯ, КОГДА ПЕРЕД ПРАЗДНИКАМИ ИЗ ПОЧТОВЫХ ЯЩИКОВ ТОРЧАЛИ ЦВЕТНЫЕ УГОЛКИ? ЗНАЧИТ, ВЫ ПОЙМЕТЕ ТРЕПЕТ, С КОТОРЫМ ОТНОСИТСЯ К ОТКРЫТКАМ СТАРЫМ И НОВЫМ ЧЕЛОВЕК, СОЗДАВШИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ДЕТСКИЙ МУЗЕЙ ОТКРЫТКИ. КОЛЛЕКЦИОНЕР, ПРЕЗИДЕНТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО КЛУБА ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ОТКРЫТОК, ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ ШЕСТИТОМНОГО КАТАЛОГА «ПЕТЕРБУРГ – ПЕТРОГРАД – ЛЕНИНГРАД НА ФОТООТКРЫТКАХ. 1895–1941 ГГ.». МУЗЕЙ ВИТАЛИЙ ТРЕТЬЯКОВ СОДЕРЖИТ САМ И ГОВОРИТ: «МНЕ НЕ ВАЖНО, ЧТОБЫ СОХРАНИЛОСЬ МОЕ ИМЯ, ВАЖНО – ЧТОБЫ СОХРАНИЛОСЬ МОЕ ДЕЛО, ВЕДЬ ОТКРЫТКА – ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ВРЕМЕНИ».

ДЕТСКОМУ МУЗЕЮ ОТКРЫТКИ 14 лет. Другого такого нет. А «живет» он на тихой Пионерской улице Петроградской стороны Санкт-Петербурга. Музей маленький – всего 60 квадратных метров, бывшая трехкомнатная квартира, – но масштабный, если представить, какой объем информации хранят экспонаты. Тематическая экспозиция музея только в первой комнате. А фонд занимает две комнаты и напоминает библиотечный каталог: шкафы с открытками. Фонд можно назвать архивом. В этих коробках история и география нашей страны систематизирована в открытках. Их здесь около 600 тысяч. На листочках цветного картона запечатлены вкусы, традиции, мечты и герои ушедших эпох... Для посетителей организаторы проводят выставки. Более 100 выставок открыток придумали и подготовили школьники-музейщики. Их можно по праву называть сотрудниками музея. Так ведь и музей-то – детский. Надписи на карточках архива открыток выведены рукой юных храните-

Виталий
Третьяков
считает музей
главным делом
своей жизни

СОЛМАЗ ГУСЕЙНОВА

Ответственная Ксения Бабенко занимается посткроссингом и для души, и как сотрудник музея

допечных». В музей она приходит уже два года.

Ксюша Бабенко – хранитель истории почты, конвертов и почтовых карточек. Она пришла в музей год назад. Заглянула купить открытки для посткроссинга и узнала, что тут проводятся занятия. Посткроссинг – это проект, в котором участники со всего мира обмениваются открытками. Так и осталась в музее. Ксюша – девочка серьезная и целеустремленная: хочет стать искусствоведом, посещает художественную школу, потому с интересом относится к открыткам-иллюстрациям. Учится дома, экстерном. Читает Шекспира и Ремарка, причем на английском и немецком.

Для Тараса занятия в музее тоже не прошли бесследно. Он ценит порядок и резонно замечает: «Навык систематизации можно применить не только к открыткам». Парень вошел во вкус скрупулезной работы и наведения порядка – вот собственной кухней решил заняться...

Музей хранит тепло рук коллекционеров прошлого. Сюда попадают открытки, которые собирали удивительные люди. Вот, например, собрание писателя Леонида Владимировича Дьяконова. Когда о «музейном шкафе» в гатчинской школе рассказали журналисты, Виталию Третьякову позвонил незнакомец: «Мой папа коллекционировал открытки. Я продаю». Это звонил из Вятки сын писателя. Деньги ему нужны были для финансирования премии молодых писателей. Виталий Третьяков приобрел коллекцию для музея. Она насчитывает 90 тысяч открыток, которые Дьяконов складывал в коробки из-под сахара по особой системе. Для хранения коллекции отведены специальные шкафы. Другая удивительная коллекция, из 60 тысяч экземпляров, приехала из маленького села из-под Нижнего Новгорода. Собирал их сельский учитель рисования Владимир Горбунов. Он собирал открытки всю жизнь, начал еще до войны, воевал, попал в плен, но даже в концлагере умудрялся собирать открытки.

лей. Например, 13-летняя Диана Бектемирова отвечает за раздел кошек и ежиков на открытках, а ее коллега Тарас Уханов – за технику. Дети приходят в музей по воскресеньям. Сегодня в музее десять сотрудников 10–14 лет. Для юных музейщиков проводятся специализированные занятия. Выставки, подготовленные детьми, проходят в школах, библиотеках, музеях Петербурга, Москвы, Великого Новгорода. Заинтересовать ребят открыткой удалось культурно-игровыми проектами. Виталий Третьяков по своей специальности игропрактик: создатель игр. Дети пишут сказки, рисуют к ним открытки, потому и неудивительно, что они сюда приходят. Большой стол в первой комнате музея занят настольной игрой с «круглым кубиком», карточками с вопросами, которые отсылают к стендам.

– Как Иван Грозный брал Казань? – спрашивает Виталий Третьяков своих юных воспитанников.

Те озадачены. Прогулка по Казани в открытках продолжается. На столе перед детьми несколько наборов с тематическими открытками. Крепость, мечеть, университет... При упоминании имени Лобачевского 12-летний Тарас оживляется. Девочки восторженно ахают, увидев на открытках дворянское собрание и репродукции Николая Фешина. После занятия и чаепития – работа: дети под руководством Виталия Третьякова разбирают новые поступления открыток. Обычно сюда по воскресеньям приходят пять–семь школьников. Вот и сегодня ребята зашли в музей поиграть и разобрать новые экспонаты.

– Кошки! – радуется Диана, обнаружив в новинках своих «по-

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ОТКРЫТКИ?

Сначала возникла почтовая карточка – формуляр: на одной стороне – адрес, на другой – текст. Появилась она в Австрии в 1869 году. В России карточка, которую у нас называли «открытым письмом», появилась в 1872 году. Картинок поначалу не было, только герб и марка. Пользоваться ею могли все сословия. Настоящая открытка появилась, когда востребованность почтовой карточки стала таковой, что государство не успевало их печатать – карточка должна быть с маркой. А это деньги. Поэтому в 1895 году в России государство разрешило частникам печатать почтовые формуляры. А частники чем могут конкурировать? Картинкой. Потому с 1895 до 1904 года шла борьба за лицевую сторону. В 1904-м разрешили разделить стороны на две части, отдав одну из сторон открытки картинке. Поначалу изображали виды городов – «привет оттуда-то». В основном они были литографированными. Практически сразу появились коллекционеры. Тематика стала расширяться, появились поздравительные открытки: Рождество, Пасха, день ангела. Позже стали появляться событийные открытки. Совершенствовались фотоаппарат и техника печати. Открытка дешевела и стала доступна всем.

СБИТЕНЩИК-МОТИВАТОР

— Я с родителями жил в Кишиневе, — вспоминает Виталий Третьяков. — Начал собирать открытки в первом классе, в 1965 году. Между школой и домом был книжный магазин. Родители давали деньги на пирожки, а я покупал открытки. Советские издательства были настроены весьма «культуртрегерски»: на все детские интересы выпускались открытки. Мне нравились мальчишеские темы, связанные с историей флота, армии — историей нашей страны. Я часто говорю: коллекционирование — кузница патриотов. Меня в первом классе дразнили «Третьяковская Галерея»: я знал всех художников.

Родители хобби сына поддерживали. В третьем классе учительница предложила юному собирателю организовать выставку своей коллекции в школе. Мальчик понял, что открытка — это серьезно.

В восьмом классе Виталий купил книгу «Филокартия» Михаила Забочена. Там прочитал об открытке с красным крестом на оборотной стороне, которую случайно купил накануне, — «Сбитецник». Выяснилось, что это открытка лучшего в России дореволюционного издательства, выпустившего 6,5 тысячи открыток.

У «Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста» было эксклюзивное право на печать открыток с изображением царской семьи. Кроме того, Красный Крест издал 3 тысячи пейзажных открыток с видами российских городов. Так люди узнавали свою страну. Эти открытки рисовали знаменитые художники Серебряного века, а все средства от продажи открыток шли исключительно на благотворительные цели. На открытках было написано «Община святой Евгении». Община входила в состав «Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста». Пожалуй, открытки Красного Креста — самые известные рус-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГАЛЕРЕЙ ТРЕТЬЯКОВА В.П.

И.Я. Билибин.
Михайло Потык.
Издание «Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста» (СПб., 1903)

Оборотная сторона открытки «Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста» (СПб., 1912)

ские открытки, оказавшие воздействие на культурную среду. У восьмиклассника возникла цель собрать «весь Красный Крест». К 40 годам удалось приобрести около 5 тысяч открыток издательства Красного Креста, написать и издать книгу «Открытые письма Серебряного века». Постепенно коллекционный интерес Третьякова сфокусировался на трех направлениях. Первое — Красный Крест, второе направление — крымское: виды Партенита и его окрестностей. Наконец, третья тема, которая продолжается до сих пор, — лайнера. Сейчас в коллекции Виталия Третьякова не хватает только настоящего лайнера, зато открыток с ними около 2 тысяч, и посвящены они 400 пароходам. Свои коллекции от созданного им музея Виталий Третьяков не отделяет.

ВЫЙТИ ИЗ ШКАФА

— По образованию я психолог, окончил ЛГУ, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации, — говорит Виталий Петрович. — Я действующий профессор, знайка и в своем музее готовлю знаек. Открытка дает мне толчок в познании истории. До сих пор мой самый любимый период в истории отечественных открыток — начало XX века, «Мир искусства». Коллекционер — это человек, обуруеваемый целью. Я четко понимаю и разделяю: в коллекционировании есть рефлекс цели и желание получить знание. Во мне преобладает желание получить новое знание о предмете, об открытке. Свою коллекцию открыток Красного Креста в 5 тысяч экземпляров я продал. Поступок, не характерный для коллекционера. Некоторые люди забавно полагают: раз ты не собственник — значит, не коллекционер. Я смеюсь иногда над коллегами: «Вы собираете не открытки, а бумажные уголки!» То есть не истории, а «картонное поголовье». Когда главное не информация, а состояние «объекта» и цена. Я не собственник, потому и создал музей: не коллекцию, а собрание. В личной жизни коллекционеру Третьякову приходилось слышать упреки в том, что открытки ему дороже живых лю-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГАЛЕРЕЙ ТРЕТЬЯКОВА В.П.

СОЛМАЗ ГУСЕЙНОВА

дей. С первой женой из-за этого пришлось расстаться. Помимо открыток азартный собиратель покупал номера старого журнала «Аполлон». С таким мужем-студентом не разбогатеешь!

– Большинство коллекционеров скрывают свои покупки от жен либо... не имеют жен. Да, хобби можно сравнить с любовницей, – шутит Третьяков.

Хобби послужило и предметом научного интереса психолога Виталия Третьякова – он сделал несколько докладов о природе коллекционирования.

Возник музей спонтанно. В 2001 году в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга поступили посылки из Новосибирска. В ящиках были открытки – 17 тысяч. Такой подарок отправила женщина, которой открытки остались по наследству от родителей. Но библиотеку такой масштабный подарок обескуражил, так как в советское время она получала все экземпляры выпускаемых открыток. Столько дублей явно не в радость. Как быть? Виталий Третьяков в тот

момент был вице-президентом Фонда культуры Петербурга. Вот ему и предложили сибирское наследство. Третьяков озадачился: зачем ему, узкому коллекционеру, «советский клад»? Но совет дала жена, директор школы в Гатчине: взять открытки и показать школьникам, как с ними работать. Так и сделали – открытки под руководством Третьякова рассортировали дети, которым это было интересно, и заполнили школьный шкаф. Этот шкаф был назван музеем и торжественно открыт 2 ноября 2002 года. Об открытии рассказали на радио. В школу стали

Юные сотрудники под руководством Виталия Третьякова разбирают новые поступления открыток

присыпать открытки как в музей. Тут хочешь не хочешь, а становишься настоящим музеем. Люди отдали – надо хранить. А у хранителя Третьякова появился, как он говорит, «жуткий драйв» собирателя музея. В 2013 году музей «прописался» на Петербургской стороне, где мы и встретились с Виталием Петровичем и его цветными сокровищами. Сегодня Виталий Третьяков считает музей главным делом жизни. Коллекция пристрастает новыми экземплярами ежемесячно: люди присыпают открытки, приносят. Встречаются уникальные экземпляры. На открытки Третьяков тратит много времени, денег и привозит пополнение для музея отовсюду. Дубли приходится увозить на дачу. В музее открытки со всего мира – от почтовой истории до сегодняшнего дня. Свою задачу Виталий Третьяков формулирует так: «Чтобы музей формировался и остался после меня». Увы, сыновьям коллекционера любовь к открыткам не передалась.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГАЛЕРЕЙ ТРЕТЬЯКОВА.В.П.

ЕЖИКИ, ЭМИГРАЦИЯ И КОКОШНИК

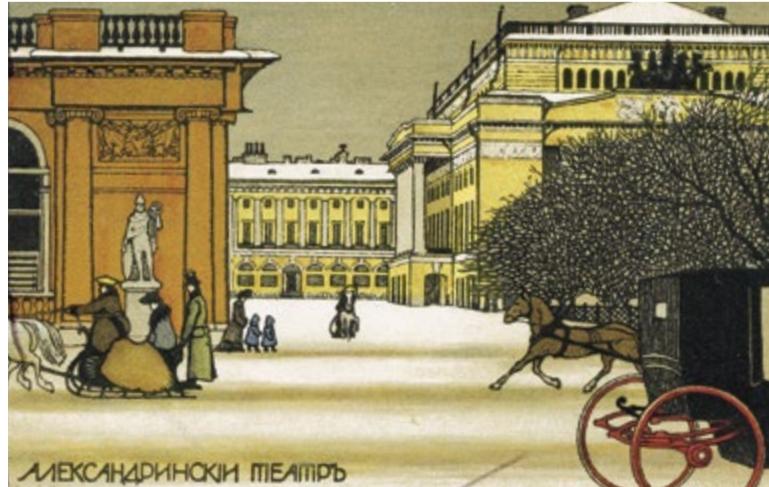
Как-то в доме для престарелых Виталий Третьяков рассказывал об открытках. Одна пожилая женщина захотела сделать ему подарок, смущенно спросив, не посчитает ли он ее сумасшедшей. Подаренная старушкой открытка оказалась из «ежиной серии», которую издавали в ГДР в 1970-е для русских. Потому и надпись неоднозначная для русского уха: «С приветом!» Забавную серию про ежиков Третьяков очень любит. Но самые дорогие сердцу – открытки русского зарубежья и советские рисованные открытки.

Вот и сейчас Виталий Петрович бережно раскладывает на столе старые открытки, которые издавались в Америке к Рождеству и Пасхе. Привычные сюжеты: церкви, березки, бытовые сценки. Их автор – архимандрит Киприан, в миру – Кирилл Дмитриевич Пыжов. Он в 14 лет попал в эмиграцию как сын одного из полков армии барона Врангеля. В советское время об этих открытках ничего не знали. В северо-западной части города Уоррен, округа Херкимер, штат Нью-Йорк есть небольшое селение Джорданвилл. Там расположен Свято-Троицкий ставропигиальный мужской монастырь. Помимо открыток с видами обители в Свято-Троицком монастыре издавались открытки к основным православным праздникам. Они созданы русским человеком для русских.

В эмиграции русские всегда хотели переписываться на русских открытках. Это неудивительно: человек должен знать, откуда он!

– Русские для русских на протяжении всех волн эмиграции издавали открытки, – поясняет Третьяков. – Уехав из страны, русские сохраняли свою идентичность, в том числе благодаря открыткам. Я смотрел большие коллекции русских открыток за рубежом, и идея «самодержавия, православия, народности» бросается в глаза. За рубежом

М.В. Добужинский. Александринский театр. Издание «Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах милосердия Красного Креста» (СПб., 1903)

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

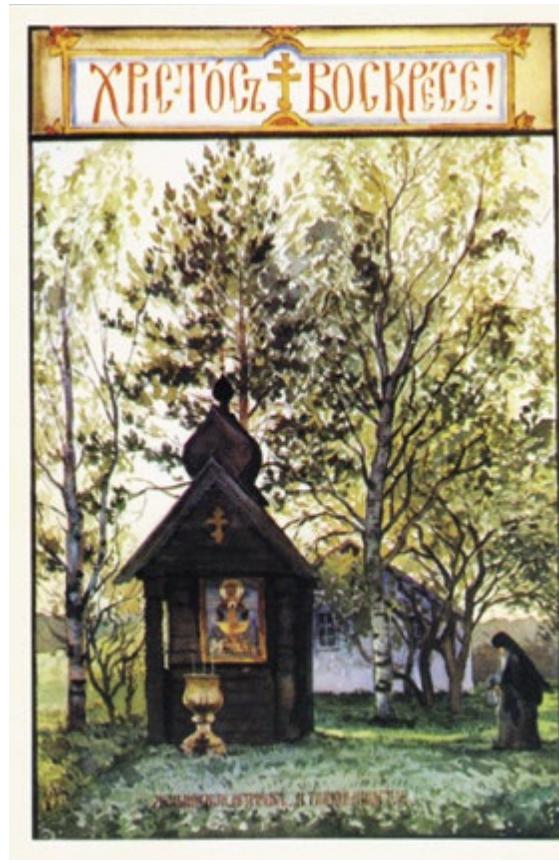
Архимандрит Киприан (Кирилл Дмитриевич Пыжов; 1904–2001). Христос воскресе! (Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилл, 1950–1960 годы)

открытки издавали русские православные монастыри. Самые крупные издатели русской открытки для эмигрантов – Николай Мартынов и Александр Яременко. Яременко уехал за границу еще до революции, он был сотрудником русского посольства в Америке. И остался там после революции. Когда после Второй мировой войны в Америку в огромном количестве стали приезжать русские, он, видимо, решил, что открытки – неплохой бизнес. И начал

их издавать. Второй крупный издатель русской открытки за рубежом – Мартынов. Еще будучи учеником гимназии, он познакомился с Александром Керенским, будущим премьер-министром Временного правительства. Дружба эта продолжалась всю жизнь. Именно под влиянием Керенского Мартынов в студенческие годы примкнул к партии социалистов-революционеров. В 1917-м Николай Мартынов начал активно бороться с большевиками. В 1918-м принял участие в эсеровском заговоре, организованном с целью покушения на жизнь Ленина. Вместе с другими заговорщиками Мартынов был арестован, но ему чудом удалось освободиться и бежать на юг, где уже формировалась белая армия.

В 1920 году после поражения врангелевской армии отбыл за границу, вначале в Прагу, а затем – в США. С середины 1940-х по 1980-е годы Мартынов – крупнейший американский издатель открыток для русских, переиздавал многие дореволюционные открытки. Сейчас его дело продолжают наследники.

Во всех волнах эмиграции открытки для русских отображают тему православия. В первой волне – самодержавие, народность. Во второй – самодержавие исчезает. В третьей и четвертой волнах остаются только православие и народность. Сейчас, уже в пятой волне, в основном православие.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГАЛЕРЕЙ ТРЕТЬЯКОВА ВЛ.

Фонд музея напоминает библиотечный каталог, его можно назвать архивом

Сегодня девушка в кокошнике и мужчина в сапогах и косоворотке с балалайкой как что-то свое не осмысливаются.

Если о стиле советской открытки можно говорить, то о стиле постсоветской открытки говорить нельзя. Но понятно, куда не надо ходить. Первое – в переиздание дореволюционных сюжетов (сентиментальные). Второе – не копировать западные сюжеты.

Современные открытки отличаются от теплых советских и трогательных дореволюционных формальностью. Поздравительные, видовые открытки сегодня снова популярны. Но вот что замечательно на нынешних открытках – так это юмор. Картины разной степени забавности – примета времени, то, чего не было в истории открыток прежде. Многие сделаны по подобию европейских – картина с клишированным текстом. Но на Западе принято открытку хотя бы подписывать, пусть и с готовым текстом. В современной России, увы, потеряна поздравительная культура: открытка потеряла свою сердечность, а текст – интимность. Сам Виталий Петрович подписывает открытки к праздникам и очень обижается подаркам без открытки и открыткам без подписи.

Открытки – это детство. Немного найдется людей, равнодушных в детстве к открыткам. Кто-то сохраняет привязанность к цветным картинкам на долгие годы, кто-то охлаждает, кто-то считает это «сентиментальной блажью». Но каким бы ни было субъективное отношение к открыткам, не стоит спорить, что эти картонные картинки расскажут очень многое не только о дарителе, но и о времени, в котором эта открытка родилась. А мы, потомки, решаем, как относиться к высказываниям и эмоциям, запечатленным на открытках. Пойду достану свои открыточные сокровища...

– В советское время многое было нельзя. А в открытке – можно, – рассказывает Третьяков. – Советские открытки рисовали замечательные художники. Часто – мультипликаторы: они делали очень веселые, живые открытки. В постперестроенное время в России многие издали попробовали вернуться к дореволюционным дизайном. Но это оказалось совсем не востребованным. Менталитет сильно изменился. В Россию пришли западные издательства, но их открытки не покупают. Почему? Красиво, но домик «не наш», чужой, зверушек мы рисуем по-другому, и не понятно, почему олень помогает мужичку в короткой красной курточ-

ке. Мы, конечно, вспомним, что перед нами Санта-Клаус и его олень. Но тогда тем более мы ее не купим. Открытка как визуальный знак должна отображать свое. Начали рисовать что-то свое, пока это свое ищут.

Лайнер «Мавритания». Открытка издана в Англии в 1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО ГАЛЕРЕЙ ТРЕТЬЯКОВА ГП

ПОДАРИ ДРОВА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«ВНУЧОК! НЕ НАДО! ДА И ШУТ С НИМИ!» – КРИЧИТ СТАРУШКА, СТОЯЩАЯ ВОЗЛЕ КУЧИ ДРОВ, И МАШЕТ КЛЮШКОЙ. НО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ УЖЕ ВСКАРАБКАЛСЯ В КУЗОВ КАМАЗА И ТОЛСТОЙ ПАЛКОЙ ЛУПИТ ПО ПРИМЕРЗШИМ К ДАЛЬНЕМУ УГЛУ ДРОВАМ – РОВНЫМ И БЕЛЫМ. ОСТАВЛЯТЬ ИХ ЖАЛКО. УДАР, ЕЩЕ ОДИН – И ВОТ ОТВОЕВАННЫЕ У ЛЬДА ПОЛЕНЬЯ ЛЕТЯТ В ОБЩУЮ КУЧУ.

Б АБУШКА В ДЫРЯВОЙ шали. На ногах – валенки с заплатами. Она нагибается, чтобы подобрать отскочившие из общей кучи поленья, а то пойдет снег и завалит их. Не найти по-

том в сугробе. Бабушка кланяется, шепчет молитву и часто-часто крестит человека в зеленой егерской куртке, свалившего у ее ветхого забора дрова. «Ты что, мать! Прекрати! – напускается на нее Алексей. – На вот,

лучше ведро золы принеси!» Бабушка шустро семенит в избу и выносит ведерко золы и углей, набранное из печи. Его содержимое Алексей высыпает под большие колеса своего КамАЗа. Для того чтобы сгрузить дрова поближе к дому, он съехал с шоссе на обочину и вырулил к самому крыльцу – в ледяную яму. Старая хозяйка сама просила его об этом, чтобы таскать дрова в избу было недалеко. Алексей знает: для того, чтобы вырвать колеса из ледяной заladни, надо высыпать под них не одно ведерко золы. Не раз бегает бабка в дом за золой, пока наконец колеса не выносят машину из ямы.

Она не знает, как отблагодарить Алексея, привезшего дрова в их глухомань. «Спасибо тебе, бабушка, за помошь. А Богу молились за Николая, это он тебе дрова приспал! Бесплатно! Бесплатно!

Как и тысячу, и сотни лет назад, лучшее украшение сельской улицы в России – куча наколотых дров

платно!» – кричит Алексей, захлопывая дверцу машины. Ответ старушки не слышен. Накануне ей позвонил глава местного поселения и сообщил, что в первой половине дня ей привезут 5 кубов дров. Платить за них не надо. Думала бабушка, что разыгрывают ее. Или слух подводит. А оказалось – правда. Вот лежат дрова у крыльца со стертymi ступенями, празднично сверкая белой сердцевиной. И не может поверить одинокий человек своей нечаянной радости. Если не на всю зиму, то на самую лютую половину хватит старушке дров. Согреется и она, и черная кошка с облезлым ухом, которая разделяет ее одиночество в ветхом домишке на окраине

деревни, что затерялась в глубине Тверской области. Уже отъехав от домишко, Алексей смотрит в зеркало заднего вида и видит: бабушка все стоит у кучи поленьев, крестит машину и кланяется. А вокруг – расстилаются белые бескрайние поля. В таких полях ветер так дома продувает, что дров требуется вдвое больше обычного.

– До сих пор не могу сдержать чувств, когда вижу этих старушек, – признается Алексей, выруливая из деревенского тупичка, – для них в студеный зимний день каждое полешко может оказаться спасением. У нас в Верхневолжье нет зимы, чтобы температура не опускалась ниже 30 градусов.

Пенсионерка Татьяна Ивановна Абрамова рада визиту доставщика бесплатных дров Алексея Иванова, который знает, как дорого в лютую зиму каждое полено...

СТАРОСТЬ НАДО УВАЖАТЬ

Как и положено мужчине, всю жизнь имеющему дело с обработкой древесины, с бензопилами, с работой в лесу в любую погоду, вид у Алексея суровый. И выглядит он постарше своих 28 лет.

Вот уже второй год Алексей Иванов привозит одиноким пенсионерам машины дров в самые дальние деревни Тверской области в рамках проекта «Подари дрова». Ни копейки за доставленные березовые поленья пожилые люди не платят. Уж чего только Алексей не насмотрелся! И на чай его звали, и вареньем награждали, кульки с ягодами пытались спрятать за водительское сиденье – в качестве благодарности. В пояс кланялись и крестили. Не раз дрова привозил он одиноким старушкам и старицам, когда они уже перевели на топливо не только забор, но и сарай. Алексею неловко принимать благодарности, адресованные, по сути, другому человеку. А точнее, другим людям, имена которых ему неизвестны...

Алексей Иванов живет в поселке Грузины, что в 20 километрах от города Торжка. Рядом с его домом большой двор, где он с помощниками заготавливает дрова. Непросто наколоть их столько, чтобы загрузить кузов машины. А потом доставить их по адресу в какой-нибудь дальний угол. Для семьи Алексея поставка дров – семейный бизнес, которым занимался еще его дед, Алексей Петрович. Мальчишкой Лешка с дедом объезжал клиентов.

Когда в прошлом году им позвонили и спросили, смогут ли они враз поставить 100 кубов березовых дров, то Ивановы засомневались: не обман ли эта акция «Подари дрова»? Дед и отец Алексея не могли поверить, что есть люди, которые собираются поставлять дрова в деревенские дома одиноким старицам совершенно бесплатно. Самим-то Ивановым за поставку дров обещали, конечно, платить, только просили скид-

...Потому предстоящие морозы Татьяна Ивановна может встретить с улыбкой, не боясь замерзнуть

ку. Единственным, кто сразу поверил во все это, был Алексей. Бывая по делам в Торжке, он уже слышал, что есть парень, который готов помочь одиноким пенсионерам. О нем говорили на автовокзале, который он с волонтерами покрасил впервые за много-много лет. О нем судачили в парикмахерских, сотрудников которых он уговорил стричь бабушек и дедушек бесплатно.

На семейном совете было решено согласиться на сотрудничество и пойти на значительную скидку, которую просили организаторы акции «Подари дрова». С тех пор прошло более года. И Алексей узнал почти всех одиноких стариков области, живущих в домах с печным отоплением.

...Когда мы проезжаем деревню Печки, то Алексей рассказывает, что здесь живет старик Василий Сергеевич Сосновский. У него окна дома пленкой затянуты, по углам сквозняки гуляют. Ему уже привозили три машины дров. Первая подоспела вовремя: пенсионер уже начал разбирать заднюю часть избы – больше топить печку было нечем. А в следующей деревне живет мать троих детей, которой приходится в лес с ножовкой и санками ходить за хворостом. Алексей рассказывает об этом, а я вижу, как у него побелели костяшки пальцев рук, сжимающих руль, как он хмурится икусает губы. Скрыть своего негодования из-за несправедливости жизни, поставившей одиноких и небогатых людей в тяжелые условия, он не может.

– Я тут все деревни обехал не по одному разу. Зрительная память хорошая. Мне вот звонит Николай, куда дрова везти. Мне ни карты, ни навигатора не нужно. Я знаю, как лучше подъехать. Конечно, заранее выходишь и осматриваешь подъезд к дому. Вот недавно отвез дрова деду на костылях. Чтобы ближе подъехать к дому и сгрузить дрова, надо было отогнать машины соседей. Они мешали. Где ни попадя я сгрузить

Пока Алексей Иванов колесит по дальним деревушкам со спасительным грузом, бригада из трех человек занимается колкой новой партии дров

поленья не могу. Меня так воспитали: старость надо уважать. Деду пришлось бы далеко за дровами ходить. Пошел к соседям просить отогнать машины. А они в плохих отношениях с дедом. Ох, и поспорил я с ними! Но машины они все же отогнали.

...В деревнях, мимо которых Алексей гонит КамАЗ, дружно дымят трубы. Можно не сомневаться: многие из этих ветхих домишек, зарывшихся по самые окна в сугробы, отапливаются дровами, привезенными Ивановым...

Алексей молчит. Заснеженная дорога опасна, а зимний день короток. А ему надо успеть приехать засветло в Грузины, где уже стоит наготове другая машина с дровами. Их ждут в дру-

гом конце района замерзающие старики. Этой зимой в Тверской области снег упал на незамерзшую землю. В лесах под снегом – вода, болото. Лесовозы проехать не могут. Леса успели вывезти мало, поэтому дрова доставляются по адресам с отставанием от графика.

Супруга не раз ему выговаривала, что он мало уделяет времени семье, мало возится с трехлетней дочкой. Да еще в выходные ради «бесплатных» дров работает. «Но я как вспомню стариков, скигающих в печке последнюю доску от забора – не могу отказаться от доставки», – признается Алексей. И я понимаю, почему руководитель акции «Подари дрова» из многочисленных поставщиков дров выбрал именно его...

На визит автора проекта «Подари дрова» Николая Романенко семья Алексея Иванова смотрит тревожно: опять папы в выходные не будет дома

КОГДА ДРОВА ВО СНЕ СНЯТСЯ

По заснеженным улицам Торжка Николай Романенко идет быстро, будто торопится куда-то. На нем легкая куртка, шапки вообще нет. Я едва поспеваю за ним, оглядываясь на ровные поленницы дров в каждом дворе, заботливо прикрытых kleenкой, – даже дома в центре Торжка отапливаются дровами.

Николай – руководитель Тверского регионального общественного движения гражданских инициатив «Доброе дело». Жителям Торжка он известен как Николай-Дрова. На прозвище Романенко не обижается.

Это Николай присыпает Алексею Иванову список адресов, по которым нужно развезти одиноким бабушкам и дедушкам бесплатные дрова. «Хороший человек Алексей, – говорит Николай. – За все время ни разу не попросил цены поднять. Как бы далеко его с дровами ни посыпали». А потом сообщает, что на сегодняшний день при помощи жертвователей дрова получили уже более ста пенсионеров. Но тех, кто ждет машину с дровами – еще больше. «До конца января надо закончить. Все зависит

от погоды. Зимой легче проехать. А то осенью были такие случаи, когда машина не может добраться. Вот из далекого района позвонили, такой-то бабушке нужны срочно дрова. А она говорит: а к нам не проехать. Вода! Ждали, когда морозы ударят». Настроение у Николая приподнятое: на днях его принял губернатор, обещал помочь: сделать так, чтобы для проекта «Подари дрова» древесина не покупалась, а поставлялась бесплатно. Тогда присланные жертвователями деньги можно будет тратить только на доставку дров. Пока же Николай рассчитывает только на отработанную схему: ищет поставщиков, которые согласились бы развозить дрова по льготной цене. Но такие, как семья Ивановых, редкость...

То и дело в кармане куртки Николая телефон сигнализирует о приходе СМС-сообщения. «О, еще пара дровишек пришла!» – откликается Романенко. Каждый такой сигнал – деньги. Их люди шлют в ответ на объявление в Интернете о сборе средств для проекта «Подари дрова». Минимальная сумма пожертвования – 50 рублей, практически стоимость одного полена.

Николай Романенко и Алексей Иванов за обсуждением графика доставки древесного топлива

– Это поколение защищало нашу страну, они воспитывали и учили нас и наших родителей. А сейчас у многих уже нет сил и возможности подготовиться к зиме. Пришло наше время им помочь! – серьезно объясняет Николай. И вдруг по-мальчишески застенчиво признается, что этих поленниц столько уже сложил, что удивляется, как у него спина целая. Дрова ему даже по ночам снятся.

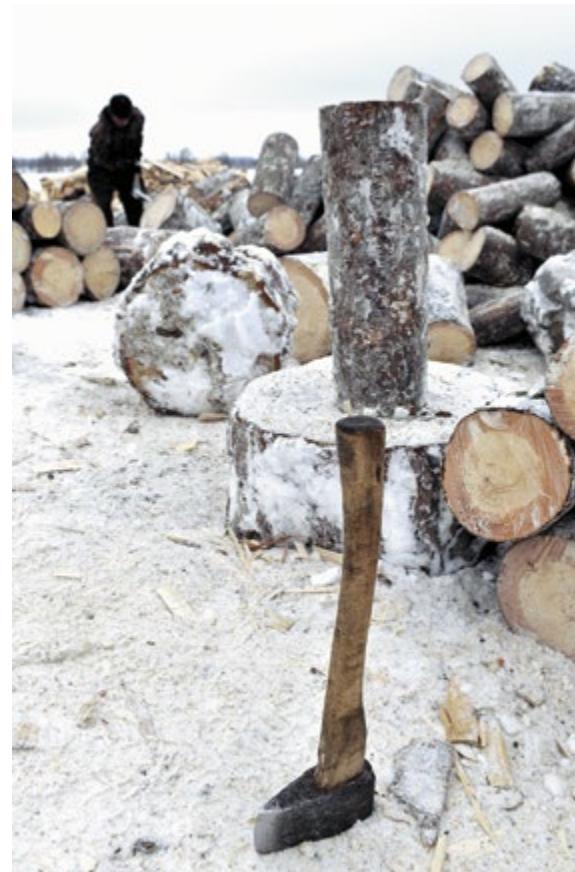
...Как-то раз в Кардымовский комплексный центр социального обслуживания Смоленской области пришел молодой человек и спросил, чем он может помочь соцработникам. Николай Романенко в то время проходил альтернативную воинскую службу в местном доме престарелых санитаром, работал с 9 до 17 часов. А когда приходилось дежурить сутками, то ему давались дни для отдыха. В эти дни, да и в положенные выходные, он и готов был помогать одиноким старикам. Рассказал о том, что в Торжке, откуда он призвался на службу, он тоже помогал соцзащитникам. Так что опыт есть. Вручили соцзащитники солдату альтернативной службы список из 13 стариков, остро нуждающихся не в одежде и даже не в продуктах, а... в дровах! Надо сказать, что в 2012-м на Смоленищине уже проводилась акция по бесплатному обеспечению дровами нуждающихся сельчан, инициированная местной епархией. Потом акция заглохла. И вот Николаю ее предложили возродить в 2014-м...

Первую бабушку, которой он организовал доставку дров, Николай помнит до сих пор. Жила она в деревне Пересветово. Продирались к ней через заросшее бурьяном поле. У Николая защемило сердце, когда он увидел, что печь старушка топит хворостом, а руки, испачканые сажей, смущенно прячет за спину. Бросилось в глаза старое разбитое корыто во дворе...

Николай нашел предпринимателя, Сергея Козлова, который взялся решить проблемы с дровами. Привезли пеньки, так что пришлось нанимать кольщика.

Николай тогда понял, что лучше денег переплатить, но привозить бабушкам готовые дрова. В ту осень 2014 года Николай сумел найти спонсоров и организовать доставку дров 16 бабушкам Кардымовского района. Как ему, солдату альтернативной службы, удавалось совмещать эту работу с обязанностями санитара, непостижимо. Но у него нашлось время даже ездить на выходные в Смоленск и организовывать там с местными волонтерами уборку городских улиц. Весной 2015 года Романенко вернулся со службы в родной Торжок, стал работать в сфере туризма, проводить акции по благоустройству города. И понял, что в Торжке, да и вообще во всей области, проблема обеспечения небогатых одиноких людей в деревнях дровами тоже актуальна. Конечно, какие-то средства им на дрова выделяются, но для этого требуется такое количество бумаг... К тому же невелики эти деньги. А сколько сил потребуетсяльному одионокому человеку, чтобы обить несколько казенных порогов, когда ему собственныйский-то перешагнуть тяжело?

В начале сентября 2015 года волонтерское движение «Важное дело» опубликовало в Интернете объявление о старте благотворительной акции «Подари дрова». В нем сообщалось, что сотням сельских жителей не хватает средств на покупку и доставку дров. Зима превращается для них в период отчаянной борьбы за жизнь. Дрова организаторы акции обещали дарить по спискам, согласованным с социальными службами. Всю информацию о помощи намеревались публиковать на сайте. В объявлении подчеркивалось, что дрова будут дариться в двух районах Тверской области – Торжокском и Ржевском, а также в Кардымовском районе далекой Смоленской области. Почему он оказался в списке, знал только Николай Романенко. «Я не хотел оставлять бабушек, которые привыкли к моей помощи, без нее».

Некоторые жители современной России забыли, как выглядит колун...

ДРОВА ЖДУТ

Николай сразу отказался брать для акции отходы от работы на пилораме. Зачем мусор везти? Все равно ведь за доставку платить надо. Да и бабушкам отходы не нужны. Если топить ими, то печь может засориться и выйти из строя.

Быстро выяснилось, что самые дешевые березовые дрова есть только в Торжокском районе. А самые дорогие – в Ржеве. Легче

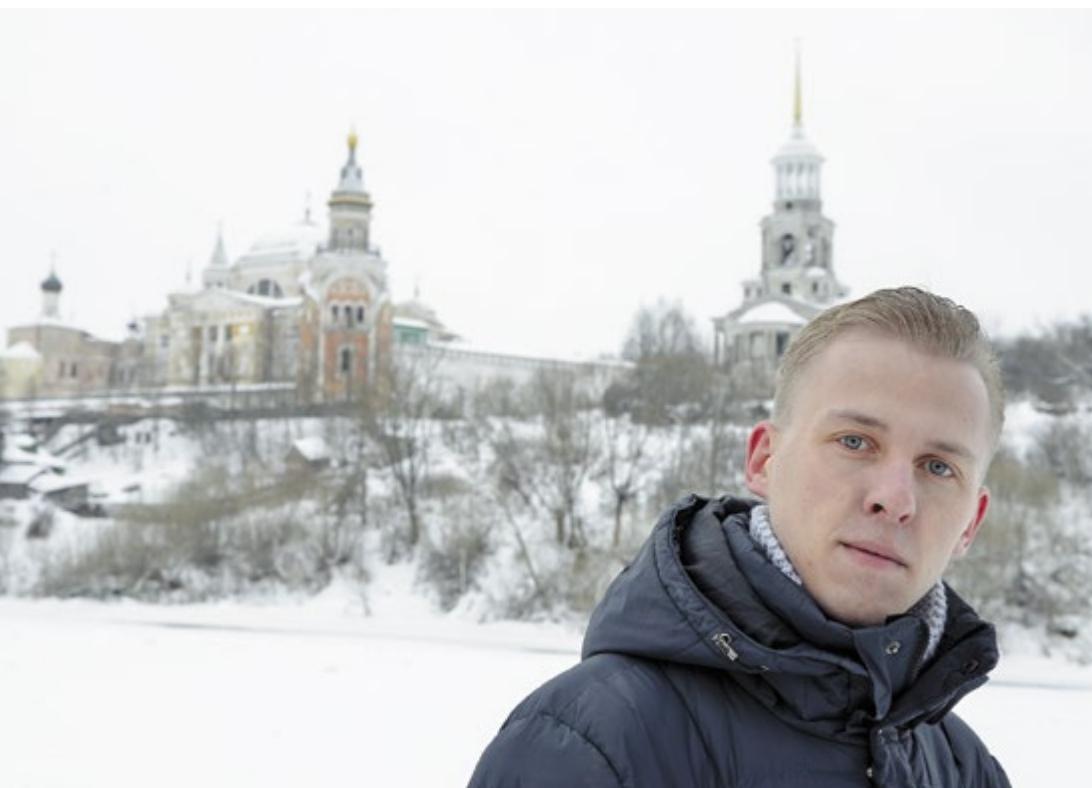
в Твери машину дров заказать и туда отправить.

Не все бизнесмены, работающие с дровами, были готовы делать скидки, даже узнав цель проекта. Прежде чем Николай нашел Ивановых из села Грузины, он получил немало отказов. А с самой первой доставкой, как и полагается, вышла несущаяца: во время осенних дождей повезли дрова на окраину Торжка, и машина застряла так, что пришлось ее трактором вытаскивать.

Да и с пенсионерами поначалу не все было просто. Сотрудники соцзащиты их заранее предупреждали о том, что привезут дрова, но многие сначала отказывались. Из осторожности. А вдруг платить придется? А вдруг из пенсии потом стоимость машины с дровами вычтут?

Первое время Николай сам сопровождал машины с дровами. Это сейчас их развозят поставщики самостоятельно. Присылают ему «отчет»: фотографию бабушки на фоне «гостинца». Если дрова везут в Торжок или по близлежащим селениям, то Николай с добровольцами отправляется складывать их в поленницы. Студенты никогда не отказывают ему в помощи. Благодарные хозяева часто поют чаем, угощают блинами. Николай считает, что для молодого поколения такая работа полезна, да и познавательна. Ведь многие из них никогда не видели ухваты, чугуна, кочерги. Не

знают, чего стоит тепло в далеких селах. Часто к водителю, доставившему бесплатные дрова, подходят соседи и просят помочь им. Но акция рассчитана на самых обездоленных. Даже среди тех, кому надо помочь, делается отбор.

Вскоре об акции узнали во всей России. И Николай получил много писем и звонков. Всем помочь было невозможно, но для особо нуждающихся Николай нашел в Челябинской, Псковской, Нижегородской областях поставщиков, и они доставили людям дрова. А в конце декабря 2015 года Николай объявил о завершении акции и подвел итог: удалось согреть 158 домов из 116 заявленных первоначально.

Стало ясно, что временными рамками эту акцию ограничить нельзя. Как-то в январе прошлого года Николай с волонтерами развозил продуктовые наборы по деревням. Проезжая мимо крохотной деревни Печки, они увидели заброшенный дом, производивший впечатление нежилого. Но в нем, оказывается, обитал одинокий 80-летний мужчина. Из-за перенесенного

инсульта говорил он плохо. Его племянница, которая живет в Торжке, купила на свою пенсию 10 кубов дров, но они закончились. И дед разбирал заднюю часть дома, чтобы протопить избу. Потрясенный его положением и тем, что его не оказалось в списках, Николай опубликовал в Интернете просьбу не дать замерзнуть Василию Сергеевичу Сосновскому. За несколько часов было собрано средств в пять раз больше требуемого. И получилось обогреть дополнительно еще четыре дома!

А в феврале Николаю сообщили, что в деревне Еремейки одинокий дедушка Юрий Георгиевич Кабаков нуждается в дровах. На призыв о помощи откликнулся священник Сергей Дмитриев из православного прихода Святителя Николая, что в итальянской Вероне. Через день за счет перечисленных средств дедушка получил 5 кубов дров.

Вот почему, когда 1 июля 2016 года, стартовал новый этап акции «Подари дрова», Николай решил не ограничиваться списками соцзащиты. Итог: 514 домов Тверской области собрался он обогреть в эту зиму.

Николай Романенко из Торжка в ноябре прошлого года стал лауреатом премии Общественной палаты РФ «Я – гражданин»

Как-то на торжественном приеме у губернатора, куда был приглашен и Николай, одна чиновница стала его прилюдно стыдить, что он, мол, портит репутацию области, собирая деньги старикам на дрова. «Мы будем этим заниматься до тех пор, пока газ не будет подведен ко всем домам в Тверской области!» – ответил на это Николай. Торжокский проект «Подари дрова» не единственный. Например, в Кинешемской епархии Ивановской области аналогичный проект действовал год. Сейчас такой же проект реализуется в Свердловской области, где дрова собирают православные приходы. Николай следит за тем, как идет работа у «соседей». Но взять что-то полезное на вооружение пока не может. Ведь постоянно действующим и масштабным проект «Подари дрова» остается только у Николая в Торжке. Вот ему и шлют со всей страны письма с вопросами желающие организовать подобные акции у себя в регионах.

«Ничего сложного, – пишет он в ответ обычно, – только помните, что эта акция не закончится, пока в нашей стране будут снега и морозы».

А затем Николай открывает другое письмо и со вздохом отсылает новые адреса Алексею Иванову. В далеком Весьегонске и Калязине ждут машины бесплатных дров из Торжка. Николай представляет, какую работу он задает людям.

Алексей Иванов, в отличие от многих других, не укладывает дрова в кузов ковшом экскаватора, который загребает много грязи. Не расщепляет пеньки на поленья на древокольных станках. Ведь тогда поленья получаются толстыми и тяжелыми для слабых старческих рук. Всю ночь Алексей с помощниками будут вручную колоть дрова, а затем аккуратно укладывать их в большой кузов КамАЗа.

И трудно представить, что именно скажет Алексей перед отъездом супруге и маленькой дочке. Но дрова-то старики ждут. И зима вся еще впереди... ●

«МЫ ПРИШЛИ ДО СВОЕГО ЯЗЫКА»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПОНАЧАЛУ МЕНЯ ПОРАЖАЛА СКОРОСТЬ
ПЕРЕДВИЖЕНИЯ МЕСТНОГО ТРАНСПОРТА.
НУ КАК МОЖЕТ АВТОБУС ИЗ ТАМАНИ В КРАСНОДАР
ДОБИРАТЬСЯ ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЧАСОВ,
ВЕДЬ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НИМИ ВСЕГО
200 КИЛОМЕТРОВ? ТАКАЯ ТИХОХОДНОСТЬ
ПОД СТАТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНДИИ...

Однако выяснилось, что наочных дорогах Ставрополья скорость иная. У поселка Новокумский, где живут казаки-некрасовцы, автобус оказался на полтора часа раньше времени, значившегося в расписании, – в половине пятого утра. Пред-

стояло еще пройти пару километров от шоссе до поселка... В село я вошел в предрассветных сумерках. Над крышами нескольких домов кружила огромная стая ворон. Вспомнилось, как в турецком селе Коджагёль, где более двух веков прожили казаки-некрасовцы, меня

встретило такое же представление: только птицы там были экзотичнее и летали повыше (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2016 год, статья «Турецкие казаки». – Прим. ред.).

В доме Пушечкиных, где меня уже ждали, горел свет. Хозяйка Ольга Яковлевна приняла радушно: накормила и напоила оголодавшего путника. И заботилась обо мне и дальше: устраивала встречи со старыми казаками, сопровождала меня по селу, была со мной в музеях, в церкви. Ольга родилась уже в Новокумском, а ее мама, Евдокия Семеновна, или попросту баба Дуня, тридцать лет прожила в Турции, хорошо помнит прошлую жизнь и до сих пор сохранила удивительный говор.

ТУРЕЦКОЕ ЖИТИЕ

«Живых вас видать! – приветствовала меня Евдокия Семёновна. – Дедушка наш тебе, дитё, наговорил бы много. Он по всей Турции на вёзерах рыбку ловил, вентерá (сети) стано-

вил. Да помёр, уж год как. А мы что? Казаки ходили на Акшехир, Эбер, Маниса – семь месяцев их не было. А бабы дома пашут, сеют. На быках пахали да камышом быков кормили. Большие камыши на нашем возере

Во время недомоганий баба Дуня часто использует трудотерапию – работает в огороде или палисаднике

стояли. Мы туда быковпускаем, они поедят камыш что поможе, помягше. А как выгонять их? Лазаем в камышу. Помню, пиявки на ноги цеплялись – оторвешь их да швырнешь подальше... Работали не поклада руку – и дети работали, и старые. Утром быков запрягли, детей посажали на вёбры («арба» – телега) и полный день на бахши («бахча» – огород, сад). А мужики привезут ли что – не знаем. Как рыбки наловят: иной раз с денежками вертаются, иной – в долгах.

Озеро Майнос, на берегу которого приютилось село казаков, весной доходило до самых хат. Затем вода отступала, оставляя плодородный ил. Отойдет на 20 метров – казаки засаживают освободившуюся землю; отойдет еще на 20 метров – снова засаживают. Сажали в основном бобы – турки называли «фасоля» – и нугут (нугут – сорт гороха). Пшеницу и ячмень засевали целыми полями на другой стороне села.

«Раз мы едва не утопли, – вспоминает баба Дуня. – Поехали на бахши лук садить – человек пятнадцать баб и два мужика. Время под Пасху – на пути два перелива больших, пешака не пройти, на лодочке их переплывали. Посадили, значит, лук и вечером домой вертаемся. Да вот ветер как поднялся и поволок нас на глыбы – а там уж буруны (волны) ходят. Дядька Петрушка Чернявин прыгнул в воду, думал лодочку задержать. А сам он маленешкой, его крутило и самого под лодочку долбануло. Однако ж выкрутился, вылез на берег. А Кирилка Бобошкин – дядька здоровый – выпрыгнул и держит лодочку, но уже сам не становится – глыбоко. Дядька Петрушка кричит нам с берега: «Прядытай!» А куда же мы, лягушки такие, будем прядывать? Сразу и утопнем! Петрушка кричит: «Упрыгивайте!», а Кирилка, напротив: «Не прядывайте, сидите». Мы перепугались, подняли крик смёртный. Кирилка все ж лодочку выпрямил да потихонечку подвел нас к берегу».

Беглецы

В сентябре 1708 года, после подавления Булавинского восстания, от 2 до 8 тысяч донских казаков во главе с Игнатом Некрасовым ушли на Кубань, которая в тот момент являлась территорией Крымского ханства. Здесь они объединились с казаками-старообрядцами, создав первое казачье войско на Кубани. Их называли «некрасовцы» или «игнат-казаки». Позже некрасовцы переселились на Таманский полуостров, откуда нападали на приграничные русские земли. В конце 30-х годов XVIII века российские власти неоднократно предлагали некрасовцам вернуться на родину, но все впустую. Императрица Анна Иоанновна направила донских казаков для усмирения некрасовцев, которые бежали в турецкие владения на Дунае. Последние некрасовцы ушли в Бессарабию и Болгарию, после того как русские войска взяли Анапу.

К концу XVIII века некрасовцы разделились на две группы: одна поселилась на побережье Эгейского моря, в восточной Фракии, другая осела в азиатской Турции на озере Майнос. К 30-м годам XIX века сильно уменьшившаяся из-за эпидемий община некрасовцев из Фракии также переселилась на Майнос.

В начале XX века община некрасовцев сократилась до 175 семей. Многие некрасовцы желали вернуться на родину. За 1912–1913 годы в Россию вернулись 70–80 семей. В сентябре 1962 года из турецкого селения Коджагёль в Россию вернулись 215 семей некрасовцев. В Турции осталась только одна семья.

ШЕФХЕТИКА, ДУДУЛЯКА И ДРУГИЕ

Имена некрасовцев – отдельная тема. У каждого было две фамилии – русская и турецкая. Имена в полной форме почти не употреблялись: Хима, Якушка, Петрушка, Ралька – так именовались казаки даже в турецких паспортах. Старые казаки знают друг друга не по фамилии и не по имени, а по прозвищу. Шефхётика, Краюшка, Дед-мышонок, Бабка-шашниха, Дудуляка, Чекерык – все это прозвища, этимология которых, по большей части, стерлась из памяти. Ванечкина, Милушкин, Купурюшев, Самсонкин, Люлина – тоже употребляются как прозвища, которые хоть и произошли от имен и фамилий предков, но не имеют ничего общего с нынешними фамилиями. Первое время некрасовцы сводили с ума советских паспортистов не только обилием непонятных имен, но и датами рождения. Дни рождения детей запоминали по ближайшим церковным праздникам. Например, сестра Ольги Аня родилась на Воздвижение, брат Вася – на Рождество, брат Ларин – на Троицу. Так они в новой реальности и отмечали свои дни рождения – хотя понятно, что Троица в разные годы празднуется в разные дни. А в турецких паспортах даты рождения ставились по дню, когда родители находили возможность доехать до города и зарегистрировать новорожденных детей – когда через полгода, а когда и через год. Баба Дуня вспоминает, что соседи записали в паспорт девочку, но она умерла в возрасте полутора лет. Вскоре у них родилась еще одна девочка. Родители решили на новое оформление не тратиться и оставили ребенка жить по паспорту умершей дочери.

Кроме того, казаки усыновляли сирот, что также требовало занесения детей в паспорта. Один такой паспорт ввел в ступор работника загса – в нем были вклеены три фотографии детей разного возраста, а год рождения у всех стоял один и тот же: первый родился в январе, другой – в июне, третий – в декабре.

Ольга Яковлевна достает из турецкого сундука мамино приданое – оригинальные некрасовские наряды

НА ДОВЕРИИ

«С турками мы хорошо ладили, – продолжает Евдокия Семеновна. – Казаки на прогоне жили (на центральной улице села. – Прим. авт.), а турки – по краям. Они к нам на свадьбы ходили, мы – к ним. Садиться не садились, а так – приходили посмотреть. Как рыбу на возере ловят, детишки бегут, рыбки просят. Дед им и даст сазанчика. Все прибегали – наши и турчата; они нас не отделяли, мы их не отделяли. Мужики наши и в кафу хаживали, с турками сидели. Тогда, хотя деньги не водились, на доверии жили. Как меня просватали, стали к свадьбе готовиться. Поехали

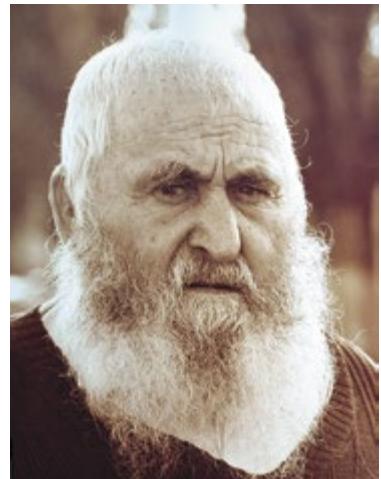
в Бандырму за вином. Чем расплачиваться, не было, взяли бочку вина в долг. Как свадьба прошла, чем одарили – тем отвезли и расплатились. Турки в лавке ждали деньги месяц, доверяли».

Я стал показывать Евдокии Семеновне фотографии села Коджагёль, сделанные мною год назад. Странная казачка смотрела и не могла сориентироваться, где это. «Никак не применяю», – то и дело говорила она. Но вот в гости к Пушечкиным пожаловала «тетка Фима», она же Хима, она же Гончариха, она же Серафима Филипповна Гончарова. Три года назад сын Серафимы Филипповны устроил маме поездку в родное село Коджагёль.

«Хоть и прогон наш остался, хаты казачьи, всё одно – село не узнат, – вспоминает поездку тетка Фима. – А турецкий язык я не забыла – турки очень удивлялись, как я чисто по-ихнему говорю. Ходили мы, ходили там, и ничего внутри у меня не екнуло: вот, это же родина, где я прожила пятнадцать лет. Только в нашей церкви сердце защемило – мусором ее завалили. Соседка-турчанка ругается на тех, кто пакеты с мусором в бывшую церковь несет, да это не помогает. Жили мы одну ночь у Анютки (в последней русской семье, оставшейся в Коджагёле. – Прим. авт.), а другую – у соседей-турков. Жаль, озеро далеко ушло от села. Мне все вспоминалось, как батя там рыбу ловил. Когда вода отступала, земля высыхала плитками. Мы отламывали эти плитки, складывали костер и так рыбу жарили»…

Прогон – главная улица Коджагёля, где еще стоят казачьи хаты

Яков Федотович Пушечкин
в последние годы жизни

ДРУГОЙ ПОДЕЛОК

Евдокия Семеновна живет в доме 1963 года постройки. Тогда, в первое лето после приезда некрасовцев, для переселенцев успели выстроить более сотни домов.

«Наши хаты в Турции и здешние совсем непохожи, – сравнивает баба Дуна. – Тут один подёлок, там – другой поделок. Там бедно жили, сказать: низенькие хатки – кто из самана делал, кто из дровин, да черепичками закрывали. Мой отец уж перед отъездом из камени построил, да все бросил и пошел в Расею. Там печку зимой топили да ночевали все в одной комнате. А летом больше на дворе – там и гарнушка, и печка стояли, хлебы пекли, готовили. Тут хаты наскоро складали: деревяки становили, меж ними камыш, да обмазывали стены глиной. Ветер туда-сюда потянет и пошел по хате гулять. Холодно, сказать».

Кривизна стен и дверей хаты Пушечкиных видна невооруженным глазом – сказывается поспешное строительство. Из заваленного старыми вещами угла в прихожей Евдокия Семеновна вытащила новенький вентерь – последнее дело рук своего супруга, Якова Федотовича, – «дедушки», как она его называет. Но основным занятием на родине предков для отца семейства была не рыбалка, а работа на виноградниках. В комнате бабы Дуни к настенному ковру иголками прикреплен

портрет дедушки с надписью «Старейший виноградарь».

В красном углу, по-некрасовски украшенном белыми занавесками, стоят две иконы Николая Чудотворца. «Одна дедова, одна – моя, – пояснила хозяйка. – Меня как замуж выдавали, родители отдали мне икону бабы Химы, она уж давно померла тогда». Образам, судя по виду, не одна сотня лет. Возможно, это святыни, которые странствовали с казаками со времен исхода на чужбину. На деревянном сундуке размашистыми буквами написано «Якушка Таш» и «Якушка Пушечкин» – по-турецки и по-славянски соответственно. Также на двух языках указан номер паспорта отца семейства. Сундук по-прежнему хранит приданое Евдокии: собственно ручно вышитые платья, завески, связки. Лежит тут и «балахон бабы Химы», которому около 150 лет. Вся одежда в таком прекрасном состоянии, что хоть сейчас надевай – и на праздник.

Евдокия
Семеновна
показывает
«дедов вентерь»

ТЕЛЕГА ВИНОГРАДА

Поселок Новокумский похож на обычное провинциальное селение Юга России. Строгая планировка улиц, однообразные выбеленные хаты, крытые замшелым шифером. Асфальт – только на главной улице. Тихо. Памятники советскому автопрому и современные легковушки всех мастей стоят в основном на приколе. Изредка встречающиеся местные жители передвигаются пешком и на велосипедах. Заброшенных домов в поселке почти нет, но многие продаются. Новокумский пустеет год от года, молодежь уезжает – работы нет. Бывший винсовхоз едва держится на плаву. В сентябре – самое время уборки урожая – мы встретили на улице только один трактор с телегой винограда. Как вспоминает Ольга, в былые времена трактора с виноградом катили по селу целыми днями.

На окраине села картина меняется на архаичную: общественная баня с надписью на фасаде «1957 г.», земляная колея через пустырь, сколоченный из жердей загон для скота...

По другую сторону улицы стоит, наверное, самое современное здание поселка – музей. Административно это филиал Ставропольского краевого музея изобразительных искусств. Заведующая филиалом и родственница Ольги Елена Пушечкина показала нам музейные коллекции.

КОРОМЫСЛО И ЩАЛБА

Экспозиция посвящена в основном некрасовцам. Здесь есть интереснейшие предметы старообрядческого культа: нательные кресты, лестовки, кадила. Икона Богородицы, по словам Елены, вывезенная еще из России.

В музее выставлена оригинальная некрасовская одежда на все случаи жизни. Такая обувь, как поршни, – новодел; но сшили они из свиной кожи в точном соответствии с тем, как это делали казаки в Турции.

Больше всего, пожалуй, кухонной утвари – как деревянных предметов, сделанных самими казаками, так и турецких: чугунков, казанов, цветной эмалированной посуды. Ольге особенно нравится щалбá – сплетенная из прутьев ивы шумовка. Такой щалбой казаки до сих пор с удовольствием пользуются при приготовлении вареников.

Коромысло некрасовцев отдаленно напоминает принятый в России образ этого приспособления. На музейном образце вырезана дата изготовления: «1946 года месяца мая». С такими экзотическими коромыслами казаки на Ставрополье ходили много лет – использовали их не только «по воду», но и на работе по сбору винограда.

«Сколько этих коромысел у нас было, – печально вздыхает Ольга, – в каждой хате, и не одно. Сейчас одна знакомая ищет не-

красовское коромысло и не может найти – казаки говорят, что давно на дрова спалили. Да и так сказать, некрасовцы привезли с собой уйму вещей, женских украшений – куда все это делось? Говорят, понравившуюся одежду казаки начали раздавать попутчикам еще по дороге из Турции, но все одно – я в детстве помню множество некрасовской утвари в хате. Было, например, два больших медных казана – не могу отыскать ни один».

Некрасовцы привезли с собой даже большие глиняные сосуды (слева), а поршни (справа) сшили уже в Новокумском, для музея

Некрасовское коромысло с турецким казаном.
Экспозиция Новокумского музея

ЛЕТОПИСЬ САНИЧЕВА

Отдельная экспозиция в музее посвящена последнему атаману некрасовцев, Василию Порфирьевичу Саничеву. Он составил «Следованную Псалтырь с Часовником», где указал краткую летопись жизни некрасовцев на чужбине. Одной из главных причин возвращения на родину казаки считают притеснения турецкими властями и «отуречивание». Относительно обособленное житие некрасовской общины, которой управлял казачий круг, окончательно ликвидировали с приходом к власти Ататюрка. В Псалтыри Саничева сказано об этом так: «В лето 7430 г. (1922) турецкое правительство отобрало у нас оружие.

В лето 7431 г. (1923) закрыли Круг. Турки нами стали править. В лето 7436 г. (1928) закрыли нам школу и запретили по-русски учиться и разговаривать на материнском языке и на улице. Стали учиться в школе на турецком языке.

В лето 7439 г. (1931) турецкое правительство поселила нам <...> 40 семей мухаджиров (мусульманских переселенцев. – Прим. авт.) и три семьи турок. В лето 7441 г. (1933) правительство отобрала у нас землю, поделила с мухаджирами. В то же лето русские фамилии сменила на турецкие».

Начало Великой Отечественной войны едва не стоило жизни всему боеспособному населению Коджагёля – 600 мужчинам: «В лето 7449 г. (1941) немец пошел на Ракею. Турки 20 августа собрали нас, некрасовцев, на голод-

ной горе и хотели вырезать 600 вест». Почему турецкий отряд в последний момент отказался от карательной акции, достоверно неизвестно. Многие некрасовцы считают, что казаков спасло некое знамение свыше...

«В лето 7458 г. (1950) я был в селе атаманом, — пишет далее Саничев. — В декабре 26 дня меня побили турки, и я отказался от атаманства».

С этого момента Саничева называли ходоком, который хлопочет перед властями о нуждах казаков. Главной же заботой бывшего атамана стало возвращение общины на историческую родину.

ПУШКИНЫ ИЛИ ПУШЕЧКИНЫ

Впервые некрасовцам предложили вернуться на родину в 1735 году. По рассказам стариков, казаки отказались, опасаясь наказания за восстание против царской власти. А то, как казаки уходили от русских войск вглубь Османской империи, в преддании некрасовцев пронизано вообще каким-то зловещим страхом. «Старики говорили, что их предки уходили ночами по камышовым зарослям, — вспоминает Ольга. — Царские войска их преследовали и жестоко расправлялись с отступавшими. Поэтому был дан приказ идти по камышам тихо, и, если ребенок кричал, затыкать ему рот. Отчего дети задыхались. А если мать отказывалась выполнять приказ, ее топили вместе с младенцем. Тот ужас потом еще долго терзал некрасовцев. Отец рассказывал, что наша исконная фамилия Пушкины — это из-за боязни перед русскими властями ее изменили на Пушечкины. Так же и Пронины стали Пронюшкиными, и многие другие фамилии. А когда наша семья сюда переехала, отец с дедом спорили, как нам теперь в России именоваться — Пушкины или Пушечкины? И вот что любопытно. По документам советского консульства в Стамбуле, заявления на возвращение подавали и Пушкины,

и Пушечкины, но после переезда на Ставрополье все семьи заявили себя Пушечкиными». Первые массовые возвращение некрасовцев из Коджагёля на историческую родину приходится на 1911–1913 годы. Тогда выехало около 80 семей. Часть из них поселилась в Нижне-Имеретинской бухте, в черте современного города Сочи. Некая казачка из потомков тех переселенцев недавно приезжала погостить в Новокумский. И поразила местных казаков рассказом том, что главные объекты Сочинской олимпиады были построены на месте их поселения.

Атаман Саничев действительно был счастлив взять в руки русскую землю

АТАМАНСКАЯ ДОЧЬ

В 1962 году большинство некрасовцев — 985 человек — вернулись в Россию благодаря атаману Саничеву. Ольга устроила мне встречу со старшей дочерью последнего атамана — Марией Васильевной Бересневой, тоже проживающей в Новокумском. «Лично для меня возвращение в Россию не было неожиданным, — рассказывает Мария Васильевна. — К бате постоянно приходили казаки, обговаривали, что нужно уходить на родину. И я выросла в таком духе, что мы в Турции временно. Сам батя, когда ему было 17 лет, едва не уехал на пароходе в Россию. Он хорошо знал турецкий, старый церковный и современный русский языки — потому и был ходоком. Батя и нас учил русской грамоте. Однажды привез из Стамбула букварь, напечатанный в Советском Союзе. Кто-то донес, что это — коммунистическая листовка, и к нам нагрянули жандармы с обыском. Мы букварь спрятали в курятнике — в сено закопали, так что найти его не смогли.

Хлопотать о возвращении на родину батя ездил в советское консульство в Стамбуле. Сначала с ним был еще один ходок из наших, потом он уж ездил один. Иногда меня с собой брал. В консульстве я впервые в жизни увидела кино. Для меня многое было там в диковинку. Когда на потолке закрутился и зашумел большой вентилятор, я подумала, что мы взлетаем. Сказать так, мы словно из Средневековья в современную жизнь попали... Наверное, за месяц до возвращения в Россию посмотреть на предлагаемые земли поехали два ходока — батя мой и Шепелев Симон. Казаки хотели, конечно, вернуться на Дон или Кубань. Но им предложили Ставрополье, где много работы на виноградниках. Хорошо, что рядом была река Кума — казаки привыкли к реке — и рыбы в ней тогда водилось много. Когда уже все было решено, казаки в Коджагёле стали продавать свои земли и дома. Почти

даром отдавали. Да и не всё успели продать – побросали так. Увезти церковное убранство турки не разрешили, опечатали обе церкви».

«МЫ ИСПОЛНИЛИ ЗАВЕТ ИГНАТА»

К 1960-м годам некоторые некрасовцы уже переселились в Стамбул. Городская современная действительность не отбила у них тяги к земле предков – почти все они также ушли из Турции. Упомянутая выше Фима Гончарова рассказывала, что ее отец как раз работал в Стамбуле в «Немецком университете». Руководство университета, когда узнало, что он собирается уезжать в Советский Союз, сразу его уволило. Тогда отец Фимы устроился к грекам на кожаную фабрику. Вернуться в Россию было действительно их мечтой: когда на Босфор прибыл за некрасовцами пароход, стамбульские казаки грузились на палубу за сутки до отхода судна – боялись, как бы пароход не ушел без них.

Перевозил некрасовцев пароход «Грузия» – один из тех немецких пароходов, которые получил СССР в качестве reparаций после Великой Отечественной войны. На палубе корабля завороженные некрасовцы смотрели советские фильмы. Первый ребенок после исторического исхода родился там же в море – им стал Семен Бабаев.

22 сентября 1962 года пароход пришвартовался в Новороссийске. Атаман Саничев записал в своей Псалтыри: «Мы вступили на землю предков. Мы пришли

Вид на поселок Новокумский в середине 1960-х годов

до своего языка. Мы исполнили Завет Игната». Фотография атамана, набравшего в ладони родную землю, облетела тогда советские газеты. Снимок этот, конечно, постановочный. Но Мария Васильевна вспоминала, что отец, как только сошел на берег, на самом деле припал к земле и поцеловал ее. Корреспондентам сцена понравилась, и они попросили изобразить нечто подобное для камеры. В Новороссийске казакам пришлось существенно облегчить свой багаж. Мешки с семенами разных культур заставили выбросить – из-за санитарного контроля. Дальше переселенцам предстоял путь на поезде до города Буденновска, который в те времена назывался Прикумск. На вокзале в Прикумске сажали в грузовики для отправки к месту поселения – совхозы Новокумский и Бургун-Маджары. Двадцатилетнюю казачку Химу Шепелеву пришлось оставить в городе – для нее настал час рожать. Как вспоминала потом Хима, мальчик родился едва живой, весь

Первое время после возвращения некрасовцы надевали свою традиционную одежду и на праздник, и на работу, и на прием к врачу

синий. Но врачи быстро привели его в чувство, и Кондрат Полуэктович Шепелев стал первым некрасовцем, родившимся на русской земле. Три дня казачка удивляла работников роддома и рожениц своим нарядом и неприспособленностью к реалиям того времени. С родней по телефону она разговаривала с помощью нянечки – сама не могла понять, что это за устройство и как оно работает. На другом конце провода тоже прибегли к помощи местных жителей.

ГДЕ ПРАВДА?

Казаков расселили в два поселка, находящихся на расстоянии 25 километров друг от друга, чего община, насквозь пронизанная родовыми связями, никак не ожидала и переносила болезненно. Первую зиму жили в крайней тесноте – по нескольку семей в одной комнате. Летом 1963 года казаков начали заселять в отдельные четырехкомнатные хаты с приусадебными участками. Однако домов не хватало. В ноябре 1965 года атаман Саничев направил председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину такое письмо: «Я – гражданин новопереселенец из Турции. Был ходоком у казаков-некрасовцев и приезжал в Москву и Ставрополь. Мне говорили советские правители, переселенцам государство будет строить домики на выплату на 10 лет. И я возвратился и поехал в Турцию, и рассказал казакам все порядки. Люди мне доверили, и собрали казаков и приехали на родину в 1962 году м.с. 22 числа.

А домики нам не дали, и наши казаки ругают меня: брёх, мошенник. А я не брёх и не мошенник, и мне стыдно ходить по совхозу и на мир смотреть. Где эта Правда осталась?»

Что такое совхоз, казаки понятия не имели. Уходили, по сути, в неизвестность. Готовясь ко всему, говоривали: «Пропадать, так

всем миром!» На совхозных виноградниках работали на совесть, как на своей земле. За день «выгоняли» две нормы, но им частенько засчитывали одну. А на работах по установке шпалер, поддерживающих виноград, бригадир мог просто повалить сделанные сверх нормы шпалеры – дескать, некачественно установлены. До стойной оплаты труда казаки не видели, а совхозы собирали рекордные урожаи, становились миллионерами. В первый же год работы казаков в винсовхозе Бургун-Маджары собрали 5 тонн винограда с гектара и заняли первое место в стране.

Своей работоспособностью казаки изумляли местное население. Помимо ударной работы на виноградниках трудились на своем хозяйстве, держали птицу и скотину, возделывали огороды, ловили рыбу; в дополнение к приусадебной земле брали по десять соток на бобы и картошку.

Не понимали некрасовцы и отношения к личной собственности в поселках. В их традиционном сознании воровство было явлением чрезвычайным – за это карали строго. А здесь, как говорится, «все вокруг колхозное, все вокруг мое».

Поэтому в первые годы далеко не все были довольны переселением. В окно атаману Саничеву кидали всякую гадость, стекла били, из ружья стреляли. Хотя сам бывший атаман вместе со всеми тянул лямку простого рабочего – трудился сначала в стройцехе, затем – на поливе виноградников. А в свободное время заступался за казаков. Писал

На Ставрополье казакам строили типовые каркасные дома, набитые глиной и соломой

Косыгину: «Мы работаем осемь часов и девять часов, и выходных нету. А за что работаем – не знаем». Хлопотал Саничев и о возвращении из Турции оставленных ценностей – прежде всего храмовых икон и изъятого оружия. По этому вопросу он даже ездил на личный прием к Косыгину. Но, кроме обещания помочи, казаки в итоге так ничего не добились. Не оставил атаман и свое любимое дело – мастерил лестовки, реставрировал и переписывал старинные книги. Для переплета книг он соорудил специальный станок, который сейчас выставлен в экспозиции музея.

НА БЕРЕГАХ КУМЫ

Прогуливаясь по селу, Ольга с удовольствием остановилась на мосту через реку Куму. Речка эта, конечно, скромнее Дона или Кубани, куда хотели переселиться казаки, но все-таки полноводная. Мутные бурлящие воды Кумы выдают горное происхождение. В семье Пушкиных к речке относятся особо трепетно. Отец Ольги любил рыбачить здесь с момента приезда и до глубокой старости. В памяти у нее много рыбакских историй. Как отец в одном вентере вытащил четырех больших судаков и сын бежал к бабушке с криками о невероятном улове, а та не поняла и бросилась спасать деда, подумав, что он тонет. Или как Яков Пушкин выудил сома длиной 2 метра. Щедрый рыбак рубил гиганта на куски и раздавал соседям. Вареники из сома – любимое блюдо некрасовцев еще со времен турецкого жития.

Надо сказать, что приехал я в Новокумский 26 сентября, на кануне великого церковного праздника Воздвижения Креста Господня. И только мы вернулись домой, Евдокия Семеновна тут же проводила нас в церковь: «Сегодня Сдвинье, – по-старому назвала она праздник. – Я уж стара стала, на мердевéни (ступеньки. – Прим. авт.) не залазию. А вы ступайте в церковь, там батюшка Креста Сдvigáть будет»...

ДЯДЯ ГАМЛЕТ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ПОЗВОНИЛ СТАРЫЙ ДРУГ ИЗ ПРЕЖНЕЙ, ДАЛЕКОЙ ЖИЗНИ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ МЫ НЕ ВИДЕЛИСЬ, НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ И НЕ РАЗГОВАРИВАЛИ. КОГДА-ТО ВМЕСТЕ УЧИЛИСЬ, ГУЛЯЛИ ПО ГОРОДУ, ВЛЮБЛЯЛИСЬ, ПИСАЛИ ТРОГАТЕЛЬНЫЕ СТИХИ. ДРУЖИЛИ.

ОН У МЕНЯ НА СВАДЬБЕ СВИдетелем был. В темно-синем бархатном костюме. У жениха такого костюма и близко не было.

А расстались – нехорошо. Как приличные выпускники исторического факультета – категорически разошлись в оценке перестройки и роли Б.Н. Ельцина в отечественной истории. По М.С. Горбачеву единства тоже не наблюдалось. Прощаюсь, руки друг другу не подали.

Подискутировали и разбежались, как западники и славянофилы – в разные стороны. Было это в середине девяностых годов прошлого, между прочим, века.

Сначала я корил себя. Мучился. Ощущал потерю. Потом постепенно привык. Выбросил из головы. Со временем оказалось, что это не так уж и трудно.

И вот он звонит, как ни в чем не бывало. Двадцать лет спустя. И слышно, кстати, неплохо.

– Звоню, – говорит, – из прифронтовой полосы. Из-под Донецка. Но живу в тылу. ДНР – есть такая непризнанная республика. От нас до Ростова 40 километров. Может, пора забыть житейские неурядицы? Может, пора хорошее вспомнить? Как думаешь? Очень, думаю, мило. Меня чуть удар не хватил. От неожиданности.

– Давай тогда переписываться, – говорю. – Не люблю я эти телефоны. Звонят все время, дергают, удивляют... Беспокойства много. То голоса из прошлого, то реклама химчистки... И всем, главное, нужен немедленный ответ.

– То-то я выяснил, у тебя мобильника нет, – легко согласился мой старый друг. – Диктуй свою почту. За месяц на нашем общем счету значилось 98 писем. Многие внушительного размера. Если так и дальше пойдет, мы «Двадцать лет спустя» по объему догоним.

– Как зовут дядю Гамлета? – спрашивала моя четырехлетняя дочь, когда он приходил в гости с очередной пассией. – Прошлый раз, папа, он к нам с другой тетей приходил.

В одном из его писем оказались такие стихи:

Не мои надежды
Не мои фрегаты
Не мои густые волосы твои
Но на сердце радость
Отчего-то радость
Словно сон волшебный снился о любви.

– Помнишь ли, – спрашивал он, – такие строчки? Не скаж, не забыл, не выбросил?

Что тут ответишь? Неужели это я когда-то... Ну, ладно, про фрегаты куда ни шло. Но густые волосы... Мои твои... Нет, это действительно сильно. Вспоминалось прошлое как-то ярко, быстро, отрывочно. И не всегда по порядку, а вразнобой. Как фрагменты позабытого фильма, который радовал в юности, а теперь вызывает грусть. Что-то из фильма видишь отчетливо, что-то путаешь, а что-то совсем забыл. Эпоха немого кино... Короткие такие субтитры...

Гамлет учится в четвертой группе. Выделяется загадочностью и джинсовым костюмом. Армянин, но из

Тбилиси. Очкис. Волосы длинные, на пробор. Говорит с милым южным акцентом. Любит литературу и Древнюю Грецию, театр и кино. Мама – учительница русского языка в школе. Сам хотел быть артистом. Но учится на историка. На всех наших капустниках он в главной роли.

Стройотряд после первого курса. Сорок дней под городком Верея. Явка строгого обязательна. Грязноватые телогрейки, песок и цемент, коровники и острый живот. Гамлета нет. Он в Крыму на археологических раскопках. Скифов копает на берегах Черного моря. И почему-то с вечерним отделением. Копает под плеск волны.

«Картошка» после второго курса. Золотая осень у знаменитого села Бородино... Опять телогрейки. Мешки и лопаты. «Беломор». Водка по вечерам, гитара и девушка с факультета дошкольного воспитания. Гамлета нет. Он остался на Пироговке – в приемной комиссии. Очень много документов у поступающих и поступивших. Нужно правильно все оформить. А Гамлет – большой аккуратист.

Военные сборы после пятого курса. «Рота, подъем!» – и марш бегом с голым торсом до речки темной. Там окопался возможный противник. Справляет поди мелкую нужду. Бушлаты и сапоги. Стрельбы и занятия. Впереди государственный экзамен на звание младшего лейтенанта мотострелкового взвода. Тут не отвертишься...

Три месяца в палатке, в лесу. По соседству стоит танковая дивизия. Мы часто слышим гул в ночи. Землю потрясывает. Просыпаемся. Потом привыкаем.

Вскоре Гамлет непостижимым образом стал... почтальоном нашей роты. Номенклатурная должность. Вместо атаки на пересеченной местности усердно приносит в расположение части письма и газеты из деревни Пакино. Кроме почты там находятся магазин, чайная и тюрьма. Экзотика. Гамлет сразу стал важным человеком. Он мог прикупить сигарет и вина. А что еще нужно курсанту?

А потом Гамлет умудрился подхватить краснуху. Вот это фокус! Где подхватил? Где-то в центре среднерусской возвышенности. На свежем воздухе. Под сосной. Где-то между Пакино и Федонино.

Инфекция! Срочно изолированный от служивых Гамлет с ветерком уезжает в Москву на уазике с красным крестом. Больничный покой и белые простыни. Город. Цивилизация. А мы продолжаем службу до белых мух. До ночных морозцев. Экзамен он сдает в Москве, после панического бегства заразы.

У нас на факультете его любили девушки и уважали ребята. Обаятельный, интеллигентный, щедрый на комплименты. Внимательный. Почти всегда в хорошем настроении. Чисто выбрит. Умеет слушать и слышать собеседника. Умеет и помолчать. Опять же – восточный шарм.

Как ни странно, в конце семидесятых годов приезжий тбилисец знал Москву лучше меня, москвича. По крайней мере, уютные кафешки, маленькие кинотеатры, лавочки в кривых кропоткинских переулках я освоил с его помощью.

Совпадали вкусы. На фильмы – с Олегом Далем и Алена Делоном, на книги – Куприна, Бунина, Иrvина Шоу и Роберта Пенна Уоррена, на прелести

Бульварного кольца – мы смотрели одинаково.

Гамлет курил только после еды и в основном сидя, не на ходу, и пытался передать этот неторопливый стиль жизни мне. Любил пирожковые заведения, но и на пельмениные изредка соглашался.

Я знакомил его с моим пролетарским районом, стадионом «Торпедо», башнями Симонова монастыря, кафе «Фантазия», где, бывало, коротали вечерок местные футбольные люди. А чебуреки на Автозаводской? Безусловно, одни из лучших в Москве.

Aх, эти прелести старого, ушедшего студенческого быта. Осенний воздух молодости и свободы. С трешкой в кармане ты чувствовал себя обеспеченным человеком, с пятью рублями – почти богачом.

Когда стипендии стало казаться мало, все мы пошли наочные работы. Кто-то охранял важное и таинственное серое здание на Маяковке, кто-то – овощебазу в Матвеевском. Там доплачивали за кормежку собак, и попасть туда было не так и просто.

Я сторожил вмерзшие в лед суда в Южном речном порту с трудным графиком через ночь, но зато за 90 рэ в месяц.

А вот Гамлет устроился пожарником в Театр юного зрителя. Сутки через трое. Осознанный и характерный выбор. Переулочек в самом центре, у Пушкинской!

Какой там шел спектакль в те годы, шекспировский – «Много шума из ничего!» И смешной, и нежный. Коля Денисов бисировал... Со сцены так и плыл в партер и поднимался к балкону аромат любви. Мы с женой раз пять смотрели! И программку к спектаклю сберегли.

Пожаров, к счастью, в ТЮЗе не было никаких. Гамлет пожаров не допустил. Он хорошо усвоил технику безопасности.

В одном из недавних писем он спросил, как там наша футбольная команда. Играете? Сам-то дернул ахилл, прихрамываю при ходьбе, не играю больше.

Тогда я написал ему маленькую поэмку. Не в стихах, в прозе.

Фото А. БОРОДИНА

Команда-77

Мы перешли на систему осень–весна в прошлом веке.

Грянул семнадцатый, и нашей команде – уже 40 лет. Дата.

А как началось? С плаката.

С таблички – шахматки, пригвожденной добротными кнопками на третьем этаже главного здания на Малой

Пироговской, 1.

Чемпионат исторического факультета МППИ по футболу! И наш первый курс – в самом низу, в подвале, как дебютант. И числа. И время. Расписание встреч. И пустые квадратики будущих результатов. Поле – в парке Мандельштама. Рядышком...

Мы команду собирали наскоро – на лекции по физиологии и гигиене школьника, а потом еще поуточнялись – на семинаре по археологии.

Правда, многие записавшиеся вызывали сомнения. Уж больно умный у них был вид. Но записали всех. Для проверки.

Чудесная стояла осень 1977 года, тихо было, привольно.

Первый матч как сейчас помню – 1:5!

Продули с треском второму курсу.

Первый гол забил я, а потом уже только нам забивали. И ничего сделать было нельзя. Из двух десятков гуманитариев навыками дворового футбола владела третья.

Остальные понимали футбол так.

Ты стоишь. К тебе мячик катится. Ну, и надо лупануть по нему посильнее. И вся недолга. Вот и весь футбол. А еще некоторые, пусть и в очках, увидав мяч, расталкивали локтями, не разбирая своих и чужих, и пинали вперед от души. А потом рысью за ним, и так в одиночестве с мячом тормозили, сообразив наконец, что поле давно закончилось...

Пока мы нашли вратаря, который вскоре стал лучшим на всем факультете... Пока подоспела подмога из перешедших к нам вечерников – один на край защиты, другой в центр нападения... Пока разобрались в середине... Пока сыгрались.

Но факультет мы выигрывали, и, кажется, даже не раз. Зарубы стояли страшные. Приятно вспомнить.

xxx

Потом пошли в школы. Кончилось наше студенчество. Но методический день был единственным у всех историков. Четверг. По четвергам, отыскав в Несвижском переулке площадку (Мандель уже переделывали в нечто цивильное), собирались. Пять на пять. Ворота гандбольные. Народу хватало. Радость от встречи была не меньшей, чем от футбола. Вот приносить мячик, насос – это несколько утомляло. После игры шли за пивом и обсуждали в скверике все самое интересное, накопившееся за неделю: от последней премьеры до политики партии, от книжной новинки до промахов на учительской горькой ниве. Обсуждали до позднего вечера. Четверг. Это было святое. Да и места были все те же: Пироговка – Хользунов – Девичка – мы как будто продолжали учиться в МГПИ...

xxx

А вот теперь мы играем в подмосковном Томилино. Система прежняя – осень–весна. В остальном изменения большие. Много мысли, но мало сил, много знания, но мало движения. Мешают накопившиеся животы-аквариумы. Выручают дети, которые выросли рядом с нами и теперь уже, ловкие, шустрые, сами ведут игру, а мы так – на подхвате... Стоим, ждем, когда прилетит мяч. Прилетит – лупим по нему от души... Бывает – попадаем. Кое-кто, правда, продолжает убегать за ворота...

Дети вышли за нашу команду еще подростками, а теперь уже – солидные люди, – что на поляне, что за столом. Умеют отдать–открыться, сказать грамотный тост, сварить пельмешки... У них появились собственные дети.

Кто-то в нашей команде дослужился до генерала. Кто-то построил дом на берегу Волги. Кто-то имеет двух внуков в Германии. Кто-то – профессор. Кто-то любит баню, а кто-то – театр. Но одно не изменилось. Мы продолжаем играть в футбол. Вот уже сорок лет. Так держать, ребята.

В ответ он написал: «А у меня – дочь живет в Германии. От второго брака. Вернее, сейчас она как раз – в Украине. По контракту работает. Обучает

борьбе с первыми трудностями тех, кто желает эмигрировать в Германию. Такая работа... Мы с ней по скайпу общаемся. У нее все неплохо... Ну а вы – молодцы, всем ребятам большой привет от меня, ладно?»

Я, конечно, пообещал. Привет передать несложно. Мы играем каждое последнее воскресенье месяца.

Еще он заметил, что перечитывает Шолохова. «Тихий Дон» и «Донские рассказы».

И мне стало тревожно за Гамлета. Что, я Шолохова не помню, что ли? Сплошная родная кровь.

Сам-то я перечитываю Агату Кристи, двенадцатый том...

На платформе Казанского вокзала – неуютно и холодно. Дальнее следование. Громкая связь. Все едут куда-то там – на Восток. Поздняя осень 1982 года. Мы провожаем Гамлета. Гамлет едет в Сибирь.

Распределение нашего курса оказалось простым. Москвичи – в московские школы. Граждане Подмосковья – в подмосковные. Иногородние выпускники – почему-то на Дальний Восток и в Сибирь. Видимо, именно там катастрофически не хватало тогда учителей истории с московской заливкой.

Гамлету досталось малоизвестное село Ипринское. Два часа лета от Абакана. По соседству с ним куда более знаменитое село – Шушенское.

В Шушенском отбывал ссылку В.И. Ленин. На пару с Надеждой Константиновной Крупской. Там они и вступили в законный брак.

Гамлет ехал в Ипринское один.

Хотя на платформе хмурились и грустили девушки, накануне предлагавшие Гамлету фиктивный брак. Были и те, кто предлагал отнюдь не фиктивный. Они тоже курили, отворачиваясь от ветра. Девушек – целое воинское отделение, человек десять. Плюс мы с женой.

Почему-то вспоминались нам декабристы.

Три года обязательной работы по распределению в Сибири. В селе! Вдали от Москвы, от Тбилиси... Три года. В это не верилось даже тогда, когда Гамлет укладывал чемодан на самую верхнюю полку.

С крыши уезжающего вагона ветер сдунул на нас первый ноябрьский снежок.

Он прожил там больше Ильича – пять учительских лет.

Конечно, женился, хотя тесть, местный зоотехник, шутил так: «Сбежишь – застрелю. Прямо на трапе. В аэропорту. Я ведь белке в глаз легко попадаю». И вяло кивал на винтовку с оптическим прицелом.

Мы переписывались, и Гамлет приглашал в гости, сообщал, что дети в школе отличные и что он научился пить водку по-сибирски, то есть в любое время.

А я отвечал, что приехать не смогу, потому что собираюсь в своей московской школе ставить сцены из «Гамлета» и что работа предстоит долгая, большая и займет, наверное, всю треть четверть.

Потом он оказался на Днепре, где родилась когда-то его бабушка, и была там любовь, и новый брак, и эмиграция большой еврейской семьи на купленном в складчину старом автобусе в благополучную Германию. Жена Муза звала с собой. Место в автобусе хранила до последнего. Гамлет не поехал. Он предпочел развод.

К тому времени он полюбил преподавательницу мировой художественной культуры из-под Донецка.

Дело было в Севастополе, на курсах повышения квалификации.

Историческая набережная, гавань, фонари, театр, аромат моря и порта, Александр Грин и Максимилиан Волошин... Не говоря уж об Игоре Северянине с его ажурной пеной.

Трудно не полюбить в такой обстановке. Не полюбить и не жениться.

Все это было давно – в прежней, молодой жизни. В одной большой, общей для всех стране.

А вот теперь он присыпает мне фотографии их дома и сада.

Он пишет, что научился делать из винограда вино, что война сплотила людей, а сам он счастлив, что живет на своей земле, что у его сибирской дочери все в порядке и что он часто вспоминает старое добре время на Пироговке.

Он опять зовет в гости, этот поседевший, задумчивый, невысокий мужчина – с чашкой кофе в руке и первой утренней сигаретой.

И прошло двадцать фантастических лет.

И что со всем этим прикажете делать? ☺

ЧИСТАЯ ДУША СТАРИННОГО ДМИТРОВА

АВТОР

ДМИТРИЙ РУДНЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ДМИТРОВ ЗАТЯНУТ В ТУГОЙ УЗЕЛ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ. ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, КАНАЛ МОСКВА-ВОЛГА, ФЕДЕРАЛЬНЫЕ АВТОМАГИСТРАЛИ, ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ. НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД ВСЕ ЭТО ДЕЛАЕТ ГОРОД СКУЧНЫМ НАСЕЛЕННЫМ ПУНКТОМ, НЕ ИНТЕРЕСНЫМ НИ ТУРИСТУ, НИ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ.

**КРЕМЛЬ ГЛАЗАМИ
ВАСНЕЦОВА**

У Аполлинария Васнецова в цикле картин-реконструкций, посвященных Московскому княжеству, есть работа «Дмитров в XVI веке». На ней – деревянный кремль, ров и проезжая башня, которая называется Никольской. За дубовыми стенами зрителю видят Успенский собор, а еще дальше, на заднем плане, изображен Борисоглебский монастырь.

Художник глядит на город как бы с высокого холма. Аполлинарию Михайловичу не составило труда силой воображения вознести над землей и на-

Можно десятки раз проезжать сквозь Дмитров, издали видеть валы древнего кремля и купола Борисоглебского монастыря и оставаться к ним

равнодушным. Но стоит лишь остановиться и войти под своды Успенского собора, как забываешь и о железной дороге, и о городских заводах, потому что окуняешься в седую древность...

Древние валы
Дмитровского
кремля и сегодня
охраняют
городские
святыни

писать все самые интересные и старинные здания города на одной картине. Так Васнецов создал очень лаконичный, но вполне исчерпывающий путеводитель по городу.

Когда заходит речь об исторических городских пейзажах Аполлинария Михайловича, многие специалисты отмечают удивительную вещь: художник умел смотреть сквозь время. Он изображал архитектурные строения, не имея в своем распоряжении ни малейшего намека на то, что они существовали в реальности, но когда историки приступали к раскопкам, то они действительно находили остатки «васнецовских» зданий.

Правда ли это? И да, и нет. Картина «Дмитров в XVI веке» довольно яркое тому подтверждение. Никольские ворота на ней – даже близко не похожи на те, что в 2004 году реконструировал архитектор-реставратор Игорь Коровин. В основу его реконструкции легли традиции русского крепостного зодчества XVIII века, а также замеры рельефа мест-

ности. И он решил, что въезд в город был оформлен не одной башней, а двумя, соединенными над воротным проемом галереей. Получилось более исторично, чем у Аполлинария Михайловича. Но на картине правее ворот, приблизительно метрах в ста, изображена башня. И она там действительно была. Современным историкам это понятно, поскольку вал здесь заметно утолщен.

БОЛОТНАЯ ТВЕРДЫНЯ

От крепости не осталось ни стен, ни башен, только земляные укрепления, но и они могут нам кое-что рассказать. В плане валы напоминают яйцо с сильно заостренным концом. Это явный признак древних городищ так называемого мысового типа. К ним относятся и Московский Кремль, и Торжок, и Переславль, и Сузdalь. Чтобы устроить такое укрепление, нужно было найти высокий берег реки в том месте, где его разрезает какой-нибудь овраг. Две стороны такого мыса укреплены самой природой,

Никольские ворота.
Восстановлены в 2004 году,
но в 2007-м уже успели сгореть
и были восстановлены повторно

а третью легко усилить, насыпав здесь ров и выкопав вал. Но мыс Дмитровского кремля образован не обрывистыми берегами рек, а низменностями. Первая была образована старицей (участок старого русла. – Прим. ред.) реки Яхромы, которая, кстати, служила крепостным рвом, другая находилась с противоположной стороны и была простым, но очень топким болотом.

Твердая почва подступала к этому «острову» только с южной и юго-западной стороны. Изначально вал здесь был глухим, а главные городские ворота, Егорьевские, располагались в юго-восточном углу крепости. Видимо, здесь заканчивалась твердая почва и начиналось болото. Для купца или ремесленника не было никаких проблем въехать в город по узкой кромке твердой земли, а вот неприятелю штурмовать ворота с такого «пятачка» просто невозможно.

Сейчас внутрь валов ведут третья, Пятницкие «ворота», но на самом деле это просто пролом, сделанный в XIX веке для удобства горожан.

В дмитровском музее стоит макет кремля, созданный по картине Васнецова. Сделан он был в 20-е годы прошлого века. Этот макет справедлив исключительно для XVI века, когда в обиход все прочнее входило огнестрельное оружие. Но для крепости в XII–XIV веках восемь башен – перебор.

В те времена, когда кремль появился, приступ отражали стрелами, камнями и бревнами, кидая их в нападающих, и защитникам было достаточно боевого хода на стене.

Оборону крепостей того периода относят к «пассивной». Защитники просто отсиживались за стенами, ожидая отхода неприятеля. Башни тогда были смотровыми вышками. Дмитров в пору своего основания для современного зрителя имел довольно скромный вид. Но это не умаляет его тогдашней военной мощи.

Васнецов в 3D.

Таким был
Дмитровский
крепль,
по мнению
великого
русского
художника

ГОРОД НА «ПОЛЮДЬЕ»

Археологи установили, что до основания города на территории кремля существовало славянское поселение. Но сам Дмитров возник в директивном порядке, и сразу как крепость. Основал его в 1154 году князь Юрий Долгорукий. В тот год он совершал «полюдье» на Яхроме. То есть предоставлял жителям своего княжества самую простую из всех имеющихся в мире возможностей уплатить налоги, так сказать, в службу одного окна. Вот что об этом пишет летопись:

«Родися князю Юрию сын Дмитрий, бе бо тогда в полюдье на

реке на Яхроме, и со княгинею и заложи град во имя сына своего, и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом».

Здесь надо пояснить, почему город стал Дмитровом, а новорожденного, в честь которого был назван город, звали Всеволодом. Все просто. У русской знати того времени было два имени: родовое, в честь кого-то из славных предков, и прямое, которое давалось при крещении. Поэтому сын Долгорукого и был Дмитрием-Всеволодом.

Летописный текст зачастую почему-то трактуют как описание неких случайных событий.

Дмитровские
орудия.
Не их ли
заклепал Сапега,
спасаясь
бегством
от воеводы
Скопина-
Шуйского?

Болотистая земля хорошо сохраняет органику. Сруб одной из построек внутри кремля

Отсюда и нелепицы, что князь повез с собой по диким местам беременную жену и родила она прямо в этой глупши. Или что известие о рождении сына застало Долгорукого на Яхроме и он от радости решил здесь же строить город. Скорее всего, все было совсем не так. «Полюдье», в которое отправился князь, имело одной из задач спуск по Яхроме. По этой реке можно выйти прямо в Волгу, а по Клязьме, верховья которой находятся всего в 30 километрах от Дмитрова, можно было легко попасть в самое сердце Сузdalского княжества. Эти направления и должен был охранять Дмитров.

ЛИШЕННЫЙ НАСЛЕДСТВА

Изначально у Всеволода, получившего в будущем прозвище Большое Гнездо, было мало надежд получить статус «наследника» своего отца, Юрия Долгорукого. Тогда на Руси бытовало «лествичное право», когда владельцу наследовал не старший сын, а старший после него мужчина в роду. А если учесть, что у владимиро-суздальского князя и основателя Москвы было 14 сыновей...

Но второй по старшинству сын Долгорукого, Андрей Боголюбский, продолжил ломать существующую систему и добиваться великого княжения, которым был облечен его отец. Попутно он изгнал свою мачеху, вто-

рую жену князя Юрия (и мать Всеволода Большое Гнездо. – Прим. ред.), которая со своими детьми отправляется ко двору византийского императора Мануила I Комнина.

После убийства в 1174 году боярами-заговорщиками Андрея Боголюбского (см.: «Русский мир.ru» №2 и 3 за 2013 год, статья «Самовластец». – Прим. ред.) Всеволод Юрьевич 15-летним юношем возвращается на Русь. Уже через два года он «наследует» отцовский владимирский престол. А дорожку к нему ему проложил изгнавший его старший брат, Андрей, который окончательно сломал на Руси «лествичное право» наследования. С этих пор русские князья все чаще передают свои столы своим прямым наследникам.

Реконструкция облика средневековой жительницы города по останкам. Возможно, это портрет праправа...прабабки доброй половины сегодняшних дмитровчан

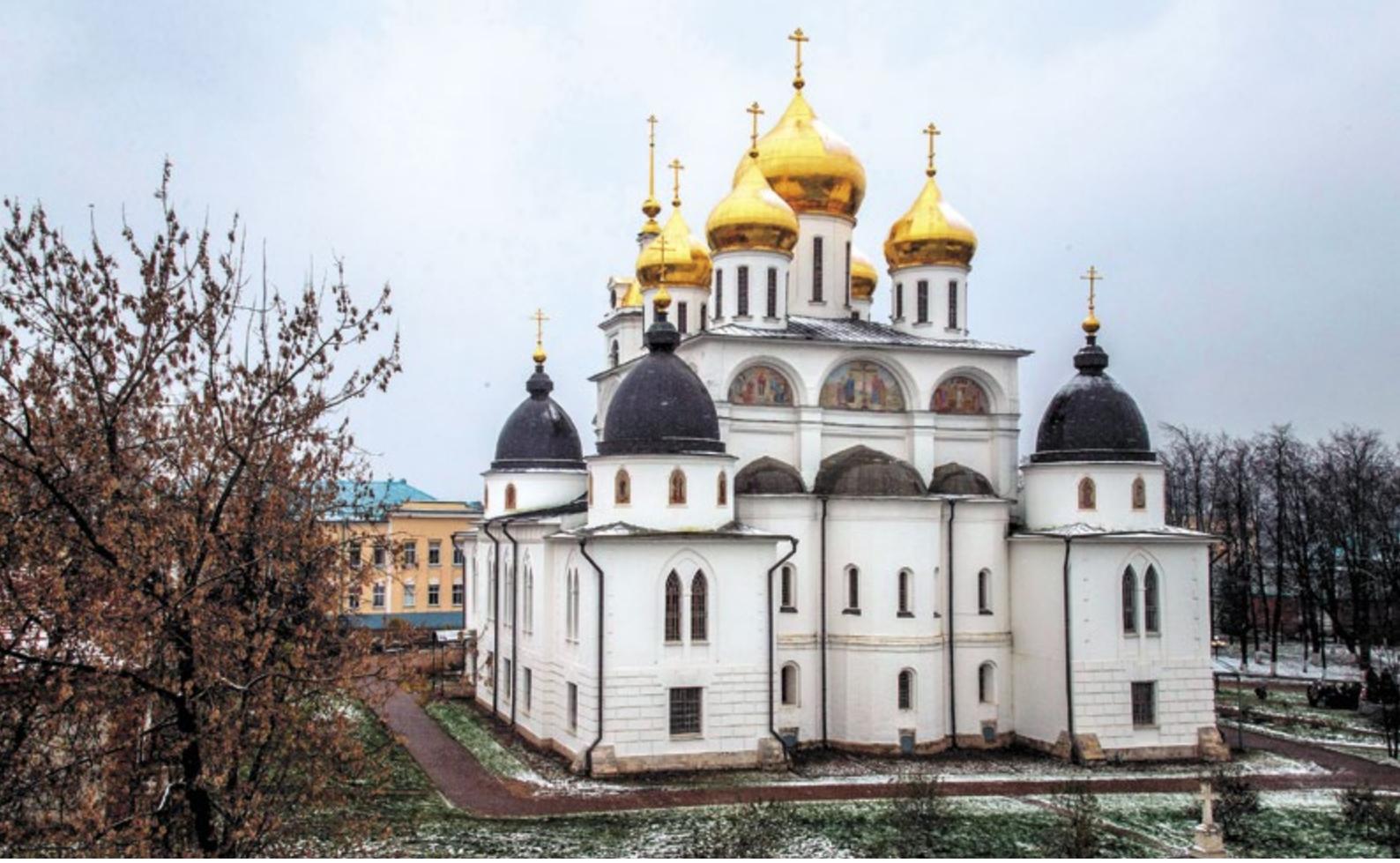
ВЕСЕЛОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

При Всеволоде бурная жизнь периода княжеских усобиц приходит и в Дмитров. В 1180 году город сжигает черниговский князь Святослав Всеволодович – будущий великий князь, победитель половецкого хана Кобяка, один из основных персонажей «Слова о полку Игореве». Следующий раз Дмитров упоминается в летописи в 1214 году в связи с приходом под его стены еще одного войска, правда, тогда город устоял. На сей раз Дмитров стал предметом удельного спора между двумя сыновьями Всеволода Большое Гнездо – Владимиром и Ярославом, отцом Александра Невского. В 1238 году город был сожжен Батыем, а через 55 лет его еще раз грабит небезызвестная «Дюденева рать» (поход ордынского полководца Тудана на Русь в 1293 году, когда было разорено 14 русских городов. – Прим. ред.). В промежутках между этими событиями город еще раз горает в результате «междоусобных браней».

Ко второй половине XIII века, когда территория Северо-Восточной Руси превращается не то что в лоскутное одеяло, а в фарш из разрозненных территорий, порой находящихся друг от друга на расстоянии сотен километров, но при этом составляющих единое княжество, Дмитров с волостями входит в состав Галицко-Мещерских земель.

И вот к началу XIV века образуется отдельное Дмитровское княжество. А в 1300 году здесь собирается совет четырех князей: владимирского Андрея, московского Даниила, тверского Михаила и переславского Ивана. Примечательно, что все они были близкими родственниками Александра Невского. Первые двое – сыновья Александра Ярославича, Михаил – его племянник, а Иван – внук.

Это событие – яркий пример того, какую политику проводил Даниил Московский, который очень не любил воевать и очень любил договариваться. Съезд князей в Дмитрове был уже второй его попыткой положить ко-

нец междуусобицам, и в этот раз у него кое-что получилось: между собравшимися князьями на четыре года установился мир. Этот съезд стал знаковым событием в истории города. Когда в 1781 году Екатерина II проводила территориальную реформу и каждый уездный город отмечался гербом, Дмитров, по указу государыни, получил такую эмблему: «В верхней части щита герб Московский. В нижней – четыре Княжеских короны, в горностаевом поле, в память бывшаго в оном городе знаменитаго четырех Российских князей съезда». И эти четыре княжеских венца красуются на гербе города по сей день.

БРАТСКИЙ УДЕЛ

Настоящий расцвет Дмитрова стартовал в начале XVI века, когда город был сделан центром удельного княжества, а на его стол был посажен князь Юрий Иванович, третий сын великого князя Ивана III, родной брат Василия III и дядя будущего государя Ивана IV Грозного.

Отец дал ему во владение помимо Дмитрова сразу несколько городов, среди которых были Звенигород, Кашин и Брянск. Другие братья, сыновья великого князя, получили такие же обширные уделы.

Успенский собор.
Жемчужина
Дмитровского
кремля

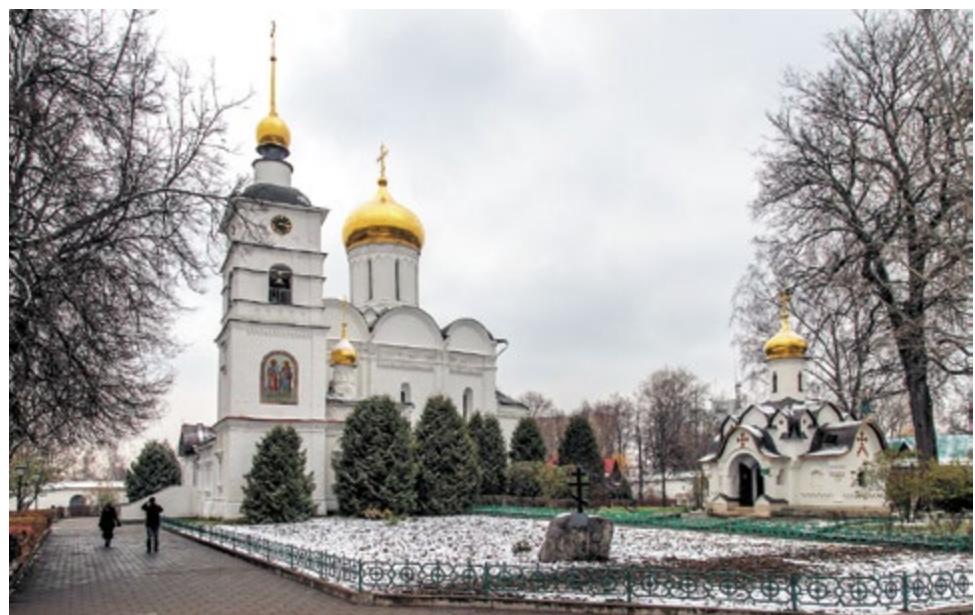
Борисоглебский
монастырь.
Пустынный
покой городской
обители

Справедливости ради стоит сказать, что эти удельные князья с почтением относились к своему наследству. К примеру, дядя Юрия Ивановича, родной брат Ивана III Борис Васильевич Волоцкий, оставил нам прекрасный Воскресенский собор Волоколамска, да и сам Юрий Иванович Дмитровский был большим строителем. Можно не сомневаться, что Дмитровский детинец был полностью перестроен, получил новые башни, а главное, за его стенами, так же как за крепкими створками моллюска рождается жемчужина, вырос Успенский собор.

СКВОЗЬ СМУТУ И РАЗРУШЕНИЯ

Это без преувеличения шедевр русской архитектуры XVI века, но то, какие реликвии смогли в нем сохраниться и дожить до наших дней – отдельная тема. Вот, к примеру, хрестоматийная икона Димитрия Солунского, так называемый «Дмитровский образ», который хранится в Третьяковской галерее.

Датируется икона рубежом XII–XIII веков, временем правления Всеволода Большое Гнездо. А если учсть, что Всеволод в крещении был Дмитрием,

то, может быть, он сам и распорядился написать этот образ. О том, какие еще сокровища сохранил собор, нам рассказал клирик этого храма диакон Вадим Кульвановский.

«Икона великомученика Димитрия старше собора как минимум на два века. – Отец Вадим указывает на место в иконостасе, где некогда стоял образ. – Когда в 1919 году изымали церковные ценности, икона попала в местный музей, затем перекочевала в Государственные реставрационные мастерские, откуда ее передали в Третьяковку. Но это наша, дмитровская святыня, пережившая страшные и кровавые события – монголо-татарское нашествие и Смуту». И это действительно невообразимый факт. Дело в том, что в Смутное время Дмитров становился опорным пунктом польского ротмистра Яна Сапеги, откатившегося сюда после неудачной осады Троице-Сергиевой лавры. Захватив город, интервенты «огнем его пожгли, а московскую силу и посадских людей, жен и детей их поsekли, а церкви Божий осквернили и престолы Божий поколебали и одеяния с них пограбили и с икон оклады сдирали, иконы метали, и книги пограбили и церкви пожгли...». Здесь, в Дмитрове,

Сапега проделал все то же, что и в Вязьме, первом русском городе, захваченном польскими шайками, подчинявшимися Самозванцу – Лжедмитрию II.

Подошедшие к городу войска Скопина-Шуйского нагнали страха на солдат Сапеги. Царский воевода разбил лагерь донских казаков, присягнувших Лжедмитрию, потом нанес поражение самому хорунжему. Тогда поляки подожгли крепость и бежали в Тушинский лагерь. С тех пор кремль и не восстанавливался, а город попросту обезлюдел.

Успенский собор. Некоторые образы этого иконостаса гораздо старше самого собора

Изразцовский медальон с изображением Георгия Победоносца. Шедевр русского изобразительного искусства XVI века

ХРАНИЛИЩЕ ДРЕВНОСТЕЙ

«Но в соборе просто чудесным образом сохранились удивительные святыни. – Отец-диакон ведет нас в южный придел, пристроенный к собору в середине XIX века. – А вот это, – указывает отец Вадим на круглый медальон в стене, – одна из трех керамических икон, которыми был украшен наш собор еще в XVI веке. Такие фасадные украшения есть только в одном храме – в старицком Борисоглебском соборе. Я думаю, эти изразцы сюда пожертвовал Иван Грозный, поскольку город основан его предком, Юрием, то есть Георгием Долгоруким, и вот царь сделал такой необычный яркий вклад».

На южной и северной стороне храма в центральных закомарах стоят еще две такие же изразцовые иконы, обе они изображают Распятие Спасителя. Современные исследователи доказали, что вмонтированы изразцы в стену на растворе XVIII века. Но это совершенно не означает, что этих икон не было на тех же местах в XVI веке. Образа могли извлечь из кладки и снова туда вмонтировать. Это, конечно, версия, но она более чем жизнеспособная, поскольку распятия, стоящие в закомарах, вписаны в них идеально. Довольно странно, чтобы элементы декора, сделанные после завершения строительства собора, четко помещались бы туда, куда их ставить не планировалось.

«Из всех бед, которые пережили наши, дмитровские святыни, самой страшной, наверное, были большевики, – продолжает отец Вадим. – Вот наш иконостас, это XVIII век. Большая часть икон в нем, видите, те, что на бирюзовом фоне, это письмо XVII века. Когда в соборе располагался краеведческий музей, весь иконостас просто закрыли дощатой стеной. XVII век, не самая большая культурная редкость. А накануне Московской Олимпиады про иконостас вспомнили, открыли и решили иконы очистить. И когда реставраторы взялись

Кремлевский вал.
Там, где сейчас положена
тротуарная плитка,
во времена основания
города находилась
старица Яхромы

за дело, оказалось, что под верхним слоем краски есть более древнее изображение. Обратите внимание, в деисусном ряде (третий снизу. – Прим. ред.) большая часть икон не на бирюзовом, а на охровом фоне. Это изначальное письмо. И датируется оно XV веком. Кто-то из учеников преподобного Ан-

дрея Рублева. Только вдумайтесь, образа иконостаса нашего собора написаны за несколько десятилетий до его постройки! И еще реставраторы нам сказали, что если бы иконостас не забили досками и иконы попали бы в руки искусствоведов, то все бы вывезли давно в Рублевский музей или в Третьяковку».

За крепостными
валами.
Дмитровский
крепль
сохранил уголки
патриархального
быта в самом
сердце
современного
города

ЦЕННОСТИ МНИМЫЕ И НАСТОЯЩИЕ

Про историю собора, про судьбу православия на Дмитровской земле отец Вадим может рассказывать бесконечно. И здесь центральная тема – статус святынь, находящихся на балансе Музея-заповедника «Дмитровский кремль».

«Когда в районе закрывали храмы, все, вплоть до антиминсов, просто свозили в краеведческий музей, – вздыхает отец Вадим. – И вот сейчас антиминсы лежат стопкой в запасниках, подписаные как «шелковые салфетки». А ведь это святыни, в них вшиты моши, среди этих антиминсов есть подписаные митрополитом Филаретом (Дроздовым). Или вот потир основателя Николо-Пешношского монастыря, преподобного Мефодия, ученика Сергия Радонежского. Он стоит в витрине с подписью «деревянная чаша».

Эхо революции, эхо борьбы с русской духовностью и настоящей русской культурой

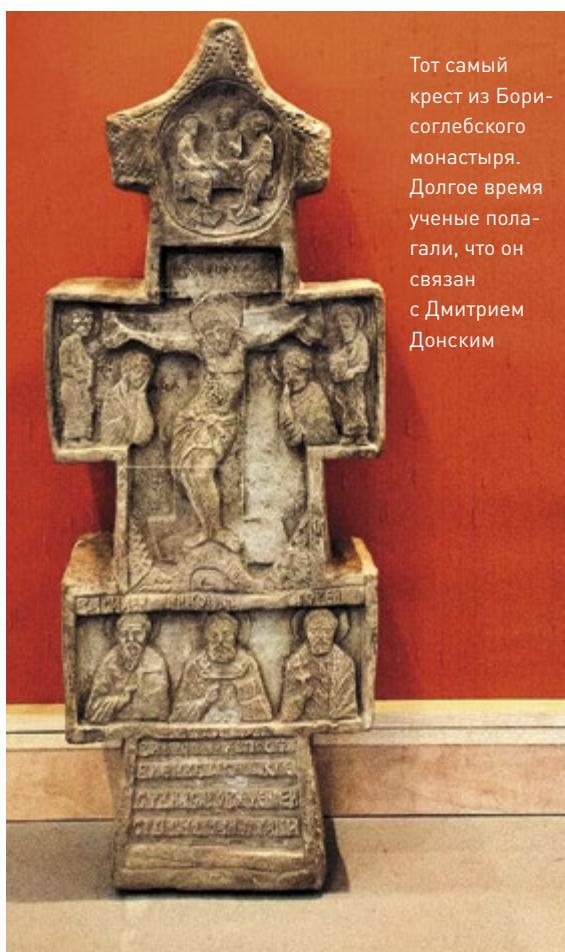

Связь времен по-дмитровски.
То ли Александр Сергеевич
с Натальей Николаевной, то ли просто
уважительный реверанс XIX веку

слышно до сих пор. Что же должно произойти, чтобы это искусственное противостояние веры и общества наконец исчезло?

Кстати, представители культуры Дмитрова одно время носились с идеей сделать лягушку символом города – мол, болота у нас, а Иван Царевич себе жену-красавицу из болотной лягушки организовал. Этую тему даже пытались привязать к историчности: мол, дмитровчане – лягушечники, потому что когда вражеская конница к городу шла, то лягушки в окрестных болотах вибрацию чувствовали и квакали во все горло. Не знаю, захотят ли жители Дмитрова называться «лягушатниками», это их дело, но как же обидно, что для такого славного и старинного города не нашлось более достойного символа, чем холодное и скользкое земноводное. Совершенно непонятно, зачем Дмитрову музей лягушки, когда в городе есть Борисоглебский монастырь!

Тот самый крест из Борисоглебского монастыря. Долгое время ученые полагали, что он связан с Дмитрием Донским

ГОРОДСКАЯ ПУСТЫНЬ

Эта обитель после революции была и артелью, и музеем, и управлением Дмитровлага. Сейчас же она – тихий островок монашеского жития посреди современного суетливого города. Стоит лишь зайти в ворота обители, и ты попадаешь в иной, тихий и спокойный мир.

Дата основания монастыря до подлинно неизвестна. Первые упоминания о нем относятся ко второй половине XV века. Однако два факта свидетельствуют, что обитель появилась на рубеже XIII и XIV веков. Первый – обнаруженные на территории монастыря погребения XIV века. Второй – то, что на дмитровском столе был только один князь, чей покровитель – святой Борис. И это Борис Давидович, сын галицкого князя, правил Дмитровом с 1310 по 1334 год. Все сходится.

Одна из реликвий монастыря – белокаменный резной крест, он хранится в музее. Долго считалось, что он вырезан при Дмитрии Донском и ознаменовывал

Удивительно, как в таком развитом городе, как Дмитров, в самом его сердце, можно найти ракурс, с которого «современность» не портила бы вид

целование его сыновей на его духовной грамоте. На это якобы указывают изображенные у распятия святые, чьи имена совпадают с именами сыновей благоверного князя. Однако современная наука датирует этот крест серединой XV века.

Главный храм обители – Борисоглебский собор середины

XVI века. Каждая эпоха оставила в архитектурном облике монастыря свой след. Собор не только главная, но и самая старинная постройка. Она строга и лаконична. При этом к нему пристроен придел Алексия человека Божия в стиле «дивного узорочья», типичного для середины XVII века. Есть в мо-

Еще один
дмитровчанин.
Князь Петр
Кропоткин, анар-
хист номер один
в мире. Лицезреет
чудеса XXI века и,
похоже, находится
от них в полном
шоке

настыре образцы архитектуры XVIII и XIX веков, но весь ансамбль выглядит предельно гармонично. Здесь можно просто сесть на лавочку и часами разглядывать причудливое сочетание ампира и «фрязинских» мотивов, завезенных в Москву еще при великих князьях...

Стоит только взглянуть на дмитровские древности, на их сдержанную красоту и неисчерпаемое внутреннее богатство – и слово «Дмитров» перестает ассоциироваться и с железной дорогой, и с торговыми центрами, с автомобилями и парковками для них. Потому что кремль, его древности, его музей и его собор, Борисоглебский монастырь и икона, хранящаяся в Третьяковке, – все это душа, сущность города, а дмитровлаги и торговые центры – всего лишь муть, похожая на ту, что поднимает бездумный человек, наступивший грязным сапогом в чистый родник. Ⓜ

